МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-
СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Х.Г. НАДЫРОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ТАТАРСТАНА

РАЗВИТИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-КАМЬЯ X-СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

МОНОГРАФИЯ

Казань 2014

УДК 72.03
ББК 85.11 + 85.118
Н 17

Надырова Х.Г..
Н 17 Средневековые города Татарстана (Развитие градостроительной культуры Волго-Камья X-середины X-XVI вв.): Монография. Казань: КГАСУ, 2014. - 230 с., илл.

ISBN

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Монография посвящена развитию средневековой градостроительной культуры Волго-Камья. Основную территорию региона занимает Татарстан. Средневековое градостроительное наследие Татарстана было исследовано не в полной мере. В монографии для изучения средневековых городов региона применён комплексный научный подход на основе сочетания классической, культурологической и синергетической методологий. Это позволило проследить процесс развития средневековой градостроительной культуры не только на уровне городов, но и пространственной организации территории региона, и на уровне архитектуры городов. При этом, используя методику виртуальной реконструкции, автором выполнены реконструкции пространственно-планировочных структур и застройки средневековых городовТатарстана.

Издание предназначено для архитекторов, градостроителей, реставраторов, культурологов, историков и студентов, обучающихся по архитектурно-градостроительным направлениям, а также широкому кругу читателей, интересующихся историй, градостроительством и культурой татарского народа.

Илл. 57 таблиц.. Библиогр. 665 наим.

Рецензенты:

Доктор архитектуры, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, главный научный сотрудник Института истории Академии Наук РТ
Н.Х.Халитов

Кандидат архитектуры, профессор кафедры РРАНОА КГАСУ, Заслуженный архитектор РТ, генеральный директор ООО «Персональная творческая архитектурная мастерская Аитова Р.Р.»
Р.Р.Аитов

УДК 72.03
ББК 85.11 + 85.118

© КГАСУ, 2014
© Надырова Х.Г., 2014
© Надырова Х.Г., илл., 2014

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….6
ГЛАВА I. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА X – СЕРЕДИНЫ XVI ВВ……19
I.1. ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНА В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД…….19
I.1.1. Волго-Камье в градостроительной системе Восточной Европы и ЕвразииX – первой трети XIII вв……..19
I.1.2. Волжско-Камский региона в догосударственный период. Образование Волжско-Камской Булгарии и появление городов……20
I.2. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В ГРАНИЦАХ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ…….. .23
I.2.1. Элементы пространственно-территориальной организации……23
I. 2.2. Структура пространственно-территориальной организации Булгарии в начале XIII в…….28
I.2.3. Развитие структуры пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии X – первой трети XIII вв……..30
I.3. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ……30
I.3.1. Геополитические изменения в Восточной Европе и Евразии в середине XIII в. как фактор образования Золотой Орды и Булгарского улуса……30
I.3.2. Формирование структуры расселения Золотой Орды в Восточной Европе в XIII –XIV вв……32
I.3.3. Элементы пространственно-территориальной организации Булгарского улуса…… 33
I.3.4. Развитие пространственно-территориальной организации Булгарского улуса Золотой Орды середины XIII – середины XV в……35
I.4. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В ПЕРИОД КАЗАНСКОГО ХАНСТВА СЕРЕДИНЫ XV в.- СЕРЕДИНЫ XVI В…… …..36
I.4.1. Влияние геополитических и пространственно-территориальных изменений в Восточной Европе и Евразии в середине XV В. на развитие Волго-Камья. Образование Казанского ханства……. 36
I.4.2. Структура пространственной организации территории региона в составе Казанского ханства……..... .38
I.4.3. Элементы пространственно-территориальной организации Казанского ханства…….. .. 38
I.4.4. Изменения пространственно-территориальной организации региона в составе Казанского ханства…… … 42
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ…… 45
II.1. ГОРОДА ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ …… 45
II.1.1. Условия их формирования булгарских городов…….. .. 45
II.1.2. Элементы пространственно-планировочной структуры булгарского города……48
II.1.3. Пространственно-планировочные структуры крупных городов

Волжско-Камской Булгарии…….48
II.1.4. Развитие крупных городов Волжско-Камской Булгарии……..52
II.1.5. Пространственно-планировочная структура столицы
Волжско - Камской Булгарии г.Биляр в начале XIII в……52
II.1.6. Развитие пространственно–планировочной структуры Биляра
X – первой трети XIII вв……58
II.1.7. Факторы и условия развития пространственно-планировочной
структуры Биляра……..59
II.2. ГОРОДА БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ……65
II.2.1. Пространственно-планировочная структура столицы
Булгарского улуса Булгара в середине XIV в……65
II.2.2. Развитие пространственно–планировочной структуры Булгара
в середине XIII вв. – первой трети XV в……..74
II.2.3. Факторы и условия развития Булгара и городов Волго-Камья……76
II.3. ГОРОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА…….83
II.3.1. Города - центры даруг Казанского ханства……83
II.3.2. Пространственно-планировочная структура Казани
в середине XVI в……84
II.3.3. Организация жилой застройки Казани……. …89
II.3.4. Пространственно-планировочная структура Казани
в исторической динамике…… 93
ГЛАВА III. АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ…..98
III.1. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ……98
III.1.1. Оборонительное зодчество Волжско-Камской Булгарии……..98
III.1.2. Архитектуры общественных зданий Волжско-Камской Булгарии……101
III.1.3. Жилая архитектура Булгарии……104
III.1.4. Факторы и условия развития архитектуры Волжско-Камской
Булгарии…… 107
III.2. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ БУЛГАРСКОГО УЛУСА……109
III.2.1. Оборонительная архитектура Булгарского улуса…….. …109
III.2.2. Архитектура общественных зданий…….. .. 109
III.2.3. Жилая архитектура городов Булгарского улуса……111
III.2.4. Факторы и условия развития архитектуры
Булгарского улуса Золотой Орды……113
III. 3. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА……117
III.3.1. Оборонительное зодчество Казанского ханства……118
III.3.2. Архитектура общественных зданий городов
Казанского ханства……118
III.3.3. Жилая архитектура городов Казанского ханства……120
III.3.4. Факторы и условия развития архитектуры
Казанского ханства……121
ГЛАВА IV. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-КАМЬЯ X – СЕРЕДИНЫ XVI ВВ…… 123
IV.1. Периодизация развития градостроительной культуры
региона.....123
IV.2. Развитие пространственно-территориальной организации
региона ……124
IV.3. Развитие городов региона…….....127
IV.4. Развитие архитектуры городов региона……129
IV.5. Градостроительная культура Волго-Камья в общем
процессе Развития градостроительства в Восточной Европе
и Евразии X - середины XVI вв……..131

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……133
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……137
ЛИТЕРАТУРА……...138
ССЫЛКИ И ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ……..165
ИЛЛЮСТРАЦИИ……172

ВВЕДЕНИЕ

В средневековый период Волго-Камье последовательно входило в состав нескольких государственных образований (Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды, Казанское ханство), каждый раз после политических потрясений достигая в экономике и культуре, архитектуре и градостроительстве определенного уровня развития. В это время регион был территорией расселения многочисленных этносов на стыке оседлой и кочевой цивилизаций с преобладающей мусульманской культурой.

До X в. в Волго-Камье не было городов в общепринятом смысле, однако самые ранние укреплённые поселения существовали в регионе в VIII - IV вв. до н.э. и относились к ананьинской археологической культуре. Появление и развитие городов в регионе, находившемся значительно севернее территорий развитого градостроительства Западной Европы, Переднего и Ближнего Востока, Средней Азии и других, положило начало развитию градостроительной культуры в этой части Восточной Европы.

Понятие «градостроительная культура» было введено О.А. Швидковским и Э.А.Гольдзамтом [170]. Оно означало комплекс выработанных обществом социальных, материальных и духовных (в т. ч. художественных) ценностей, возникших в процессе формирования городов и других типов поселений, а также совокупность знаний и идей, использовавшихся при создании новых и реконструкции существующих поселений на основе художественных вкусов общества и достигнутых им материально-технических возможностей и навыков. Другими словами, градостроительная культура является выражением установок, существующих на данном этапе развития общества, материализованных и закрепленных в среде обитания в виде городов и поселений с комплексами зданий и сооружений. Без архитектуры невозможно изучение градостроительной культуры, поскольку она является необходимым условием существования городов и их неотъемлемой частью, т.е. входит в её понятие. Они расширили понятие градостроительной культуры, трактовавшееся ранее как достижения в более узкоспециализированном смысле развития планировочной структуры города [323].

Исследования градостроительной культуры государства или региона составляют определённую часть историографии научных монографий и диссертаций, в которых рассматриваются проблемы расселения, особенностей градостроительного и архитектурного развития, архитектурно-пространственной организации городов и т.д. (Айдарова Г.Н., Бондаренко И.А., Задвернюк Л.В., Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Феоктистова Е.А., Свешникова О.Б. и др.).

Региональное направление представлено трудами по вопросам расселения народов и размещения городов и других поселений на территории Волго-Камья, по археологии средневековых городищ и селищ региона, по развитию средневековой монументальной архитектуры Волжско-Камского региона. Восточно-Европейское направление в историографии по теме исследования включает труды по истории архитектуры и градостроительства Русского государства средневекового периода, Монгольской империи (Золотой Орды).

Историография, в которой отражён уровень изученности градостроительства стран и регионов Евразии, включает исследования по истории архитектуры и градостроительства стран мусульманского мира и истории градостроительных культур кочевых и полукочевых народов. (Таблица I, рис. 1).

Историографию архитектуры и градостроительства Волго-Камья можно разделить на три части: дореволюционного, советского и постсоветского времени.

Для *дореволюционного* периода характерно накопление фактологического материала и исторических знаний. В историографии дореволюционного периода

основное внимание уделялось в основном памятникам средневекового градостроительства и архитектуры, отдельные части которых ещё просматривались на поверхности земли. Их разделяли на «древние» (булгарские, татарские) и русские. Вопросы расселения народов и развития городов в Волжско-Камском регионе привлекали исследователей со второй половины XVIII в. (В.Н. Татищев, И.Г. Георги, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, Н.П. Рычков и другие).

На протяжении XIX в. изучение средневековых городов нашло отражение в трудах научного Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском императорском университете, объединившего в последней четверти XIX в. ученых историков, археологов, этнографов, востоковедов, лингвистов, нумизматов и краеведов (И.Н. Березин, В.А. Казаринов, Н.Ф. Катанов, Н.Н. Кафтанников, Е.А. Малов, Ш. Марджани, К.И. Невоструев, С. Пестриков, П.А. Пономарев, В.А. Сбоев, П.П. Свиньин, В.Ф. Смолин, Н.А. Спасский, А. Сперанский, Е.Т. Соловьев, К.Л. Фукс, В.М. Черемшанский, А.К. Шмидт (Шмит), С.М. Шпилевский и другие).

В середине XIX в. начались, и на протяжении десятилетий интенсивно продолжались археологические раскопки на месте золотоордынских городов в низовьях Волги. Они выявили развитую городскую культуру монголо-мусульманского круга золотоордынских поселений, позволили в общих чертах написать предысторию Российского государства средневекового периода, выполнить планировочные схемы столиц Золотой Орды (В.В. Григорьев, А.В. Терещенко, Тетеревников, Ф.В. Баллод и другие).

При всей значимости дореволюционного периода, общим недостатком исследований являлось отсутствие привязки выявленных объектов и предметов к стационарным сооружениям в пространстве городищ. Историография дореволюционного периода явилась обширной источниковедческой базой для исследователей средневековой архитектуры и градостроительства в советское время.

Советский период историографии аккумулирует труды проблемно-аналитического характера, опиравшиеся на археологические и натурные исследования городищ. В довоенные годы XX вв. под руководством известного советского историка и археолога А.П. Смирнова начались археологические исследования средневековых городищ и селищ Волго-Камья, в основном на территории Татарской АССР. Особое внимание было уделено остаткам двух средневековых столичных городов Волго-Камья – Булгара и Биляра. Фундаментальный труд А.П. Смирнова «Волжские булгары», в котором обобщены десятилетние исследования булгарских городищ, не потерял значения до настоящего времени [458]. Новые данные археологических раскопок 1950-1960-х гг. позволили А.П. Смирнову уточнить историческую и социальную топографию города Булгара [462].

В 1960-1970-е гг. под руководством археолога А.Х. Халикова усилия ученых были сосредоточены на Билярском городище. Столичный характер средневекового города Биляра был подтвержден выявленными в процессе археологических раскопок двухзальной соборной мечетью, банями-хаммам, кирпично-каменными зданиями дворцового характера и другими постройками (Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин и другие). Материалы по истории исследования, социальной топографии, усадьбам ремесленников и монументальным зданиям средневекового Биляра обобщены в коллективной монографии, представляющей научный интерес и в настоящее время [256].

С накоплением историко-археологических материалов по городищам встал вопрос о происхождении городов Волго-Камья. К решению этого вопроса первыми обратились историки и археологи (А.М. Ефимова, А.П. Смирнов, Ф.Ш. Хузин, И.Л. Измайлов и другие). Они обуславливали генезис регионального градостроительства сложением феодальных отношений в обществе, формированием в X веке раннефеодального государства, развитием в поселениях торговли и ремёсел.

Археологические раскопки Болгарского и Билярского городищ 1980-х-1990-х гг. позволили считать установленным факт существования в качестве столицы Булгарии с X в. по 1236 г. город Биляр. Изучение мусульманских некрополей Билярского и других булгарских городищ позволило установить время и степень исламизации населения Волго-Камья [534; 535].

В конце 1980-х гг. началось изучение булгарских сел. Особенно планомерно изучались булгарские селища низовий Камы, где были вскрыты усадьбы с жилыми домами и хозяйственными постройками [276; 424; 425].

В 1980-е гг. была уточнена периодизация средневековой истории региона. Она подразделяется на основные периоды: догосударственный (до IX в.), булгарский (X – 1-я треть XIII в.), золотоордынский (середина XIII – середина XV вв.), казанско-ханский (ханско-татарский, середина XV – середина XVI вв.).

С конца 1960-х гг. и на протяжении более 40 лет генезис и развитие средневековой монументальной архитектуры Волжско-Камского региона изучал историк архитектуры С.С. Айдаров, который непосредственно участвовал в полевых исследованиях городищ. Он впервые доказал, что Билярская соборная мечеть была построена по типу арабских колонных мечетей и стала аналогом для Булгарской соборной мечети [6; 9]. Его исследования позволили впервые выявить главные культовые постройки Кремля ханской Казани. С.С. Айдаров разработал теорию пяти генетико-стилистических компонентов, влиявших на развитие архитектуры Волго-Камья, которая, по его мнению, в средневековый период составляла своеобразное северное крыло исламской архитектуры. Три компонента (региональный, евразийский степной или тюркский, восточно-мусульманский) влияли на сложение и развитие средневековой архитектуры [14]. По предположению автора, они могли иметь влияние и на градостроительное развитие Волжско-Камского региона.

Благодаря его исследованиям, был определен характер и предположительная стилистика монументальной архитектуры региона средневекового периода. Многолетние исследования и участие С.С. Айдарова в археологических раскопках на территории Болгарского, Билярского и других городищ, а затем и Казанского кремля позволили ему выполнить научные графические реконструкции каменных культовых зданий и оборонительных сооружений X - первой половины XVI века. В своей докторской диссертации он подробно изучил степень и характер влияния стран мусульманского Востока на монументальную средневековую архитектуру региона, выявив аналогии и исторические условия их проявления [12].

Таким образом, историография средневековой архитектуры и градостроительства советского времени отражает этап разностороннего и углублённого изучения объектов наследия и опыта научной реконструкции отдельных памятников архитектуры и структурных элементов памятников градостроительства Волго-Камья.

В *постсоветский* период подъем национального самосознания в Татарстане усилил интерес к истории татар, который проявился своеобразным бумом в археологическом и историко-архитектурном изучении средневековой архитектуры и городов региона. Детализированы результаты предыдущих многолетних исследований, установлены габариты утраченных городов, уточнен характер выявленных построек, особенности культурного материала каждого города. По мере накопления научных данных изменялись взгляды на функциональное назначение не только зданий, но и районов средневековых городов. Многолетние исследования позволили обобщить и переосмыслить с позиций современной науки материалы археологических исследований Болгарского городища в серии коллективных монографий «Город Болгар» [171-175].

Исследования средневековой Казани в советское и постсоветское время опирались на материалы археологических раскопок, особенно интенсивно проводившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В Кремле были выявлены

фундаменты архитектурных сооружений, остатки улиц, кладбищ, установлен общий характер оборонительных стен, башен, рядового деревянного жилища ханского периода [12; 17; 18].

Археологические исследования на территории средневекового посада Казани позволили выявить расположение и предполагаемые размеры его оборонительной системы, количество проездных башен, расположение в Казанском кремле мечетей, мавзолеев, улиц, дворцов, кладбищ и других сооружений [346; 454; 564; 567].

Работа по изучению архитектуры татарско-ханского периода была продолжена в исследованиях Н.Х. Халитова. Проанализировав ряд исторических и иконографических документов в комплексе с материалами археологических раскопок в Казанском кремле, он предпринял попытку выявить местоположение утраченных построек в пространственно-планировочной структуре цитадели ханской Казани, в том числе мечети Кул-Шариф. Н.Х. Халитов обосновал свою точку зрения о том, что ханский Кремль в русский период сохранил свои габариты и конфигурацию, и на месте разрушенных татарских стен были поставлены стены русскими мастерами [539]. Археологические исследования в Казанском кремле Ф.Ш. Хузина, А.Г. Ситдикова, А.М. Губайдуллина в начале XXI в. в целом подтвердили эту гипотезу.

В докторской диссертации Н.Х. Халитова изучены мусульманские культовые сооружения региона 2-го тысячелетия, в том числе средневекового периода [536]. Результаты изучения дворцовых комплексов столичных городов татарских ханств легли в основу научных графических реконструкций ханских дворцовых комплексов Казани, Касимова, Бахчисарая [541; 542].

Вопросу влияния кочевой части населения региона на развитие архитектуры и градостроительства в историографии средневековых городов Волго-Камья уделялось незначительное внимание, поскольку первоочередной задачей исследователей являлось изучение стационарных поселений региона и их построек. Археологи Татарстана пытались осветить этот вопрос на булгарском материале [532]. Влияние этого компонента на развитие архитектуры ханско-татарского периода освещается в работах Н.Х.Халитова [543; 544].

В последние десятилетия в российской историографии архитектуры и градостроительства обозначилась культурологическая направленность исследований. Она предполагает, что многие явления и закономерности развития древнерусской архитектуры и градостроительства обусловливаются особенностями русской средневековой культуры, религиозными воззрениями и традиционными верованиями русского народа [80; 106; 110; 111; 761]. В данном аспекте архитектуру Среднего Поволжья середины XVI - XIX вв. исследовала Г.Н. Айдарова. Предметом исследования явилось взаимодействие этноконфессиональных культур в архитектурном пространстве региона после включения его в состав Московского государства [20]. В докторской диссертации Г.Н. Айдарова впервые исследовала проблему взаимодействия христианской и мусульманской культур в архитектурно-градостроительном развитии Среднего Поволжья середины XVI - начале XX веков. Изучив предысторию развития региона в древний и мусульманский периоды, она установила, что «исламская культура региона представляет собой опыт адаптации исламских архитектурно-градостроительных типов в условиях северо-восточной окраины европейского континента, где она внедрилась и выработала свои разновидности городов, сёл, деревень, жилищ, мечетей, а в целом – инвариантную систему архитектурно-градостроительных типов исламской культуры в условиях данного региона» [18, с. 207]. В этом исследовании впервые разработана модель-концепция исторического развития архитектурной культуры Среднего Поволжья (Волго-Камья) как полиэтнического региона.

Вместе с тем Г.Н. Айдарова изучала морфологию архитектурного пространства Казани, углубляясь в пласты истории средневекового периода [17; 21]. Она высказала

гипотезу о схожести пространственных структур Биляра и Багдада, а также гипотезы о том, что на местах мечетей ханской Казани были поставлены русские церкви, и нижние ярусы башни Сююмбике в Казанском кремле относятся к ханскому времени. Гипотезу о мечетях и церквях подтвердить или опровергнуть можно только с помощью археологических раскопок при условии, что мечети были кирпично-каменные. Несмотря на то, что такие раскопки не производились, однако данная гипотеза заслуживает внимания, поскольку в мировой истории архитектуры и градостроительства такие прецеденты были.

Гипотеза о ханском времени происхождения нижних ярусов башни Сююмбике нуждается в более основательном подтверждении результатами археологических раскопок, поскольку северный пилон башни стоит вблизи угла ханского мавзолея. С.П. Саначин на основе анализа картографических и письменных источников определяет время строительства башни 1694-1718 годами [439, с. 46 - 47].

При огромном вкладе историков архитектуры С.С. Айдарова, Г.Н. Айдаровой и Н.Х. Халитова в изучение архитектуры средневекового периода региона, они, тем не менее, не включали в сферу своих научных исследований градостроительную культуру Волжско-Камского региона средневекового периода.

Исследование на междисциплинарном уровне, когда определяются внутренние связи между архитектурой и градостроительством с одной стороны духовной культурой средневекового населения Волго-Камья с другой, обусловило обзор нескольких групп научных трудов. Среди них труды по средневековой материальной и духовной культуре народов Волго-Камья. Влияние ислама на развитие декоративно-прикладного искусства народов региона выявлено Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой.

В исследовании автор опиралась также на труды по общим и специальным вопросам истории, этнографии и искусства народов региона. В них рассмотрены проблемы выявления философских представлений о себе, окружающем мире, а также эстетических идеалов и особенностей религиозного мировоззрения средневекового населения в государствах Волго-Камья. Среди них труды С.Х. Алишева, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Д.К. Валеевой, Н.И. Воробьева, Г.М. Давлетшина, И.П. Ермолаева, Д.М. Исхакова, Н.Ф. Калинина, Д.Г. Мухаметшина, Р.М. Мухаметшина и других.

Для изучения средневековых городов Волго-Камья в составе Улуса Джучи, именовавшегося в русской историографии с XVII в. Золотой Ордой, привлекалась труды по и*сториографии архитектуры и градостроительства Монгольской империи,* в которых обобщены результаты археологических раскопок на местах золотоордынских городов и особенности их исторического развития (А.Е. Алиховой, А.С. Башкирова, В.Г. Блохина, А.А. Бурханова, П.П. Бырни, Д.В. Васильева, И.В. Волкова, П.П. Георгиева, Е.Ю. Гончарова, В.Л. Егорова, Э.Д. Зиливинской, А.Г.Мухамадиева, Е.П. Мыськова, Л.М. Носковой, В.Г. Рудакова, М.А. Усейнова, Г.А. Федоров-Давыдова, А.Х. Халикова, У.Х. Шалекенова, Л.В. Яворской и других). В них изучены фрагменты планировки, элементы застройки, строительные материалы, бытовые особенности и другие аспекты городов различных регионов Золотой Орды. Эти исследования имеют большое значение в условиях полной утраты наземных построек на большинстве золотоордынских городищ.

В связи с этим обнажилось отсутствие в советской и российской историографии фундаментальных трудов по архитектуре и градостроительству Золотой Орды. Крупнейшим исследователем золотоордынских городов был историк и археолог Г.А. Федоров-Давыдов. Его монография «Золотоордынские города Поволжья» явилась первым обобщающим трудом по материальной культуре городов Золотой Орды, в котором исследованы планировочная структура центральной части, крупные усадебные комплексы и жилые здания Царевского (Сарай-Берке) и других городищ [508]. Важным итогом исследований последних лет стало подтверждение улично-

квартальной структуры и усадебного характера застройки городов Золотой Орды (Г.А. Федоров-Давыдов, Э.Д. Зиливинская и другие).

В начале 2000-х гг. В.Г. Блохин исследовал градостроительные традиции Золотой Орды. Он установил, что в целом города Нижнего Поволжья по своей пространственной организации представляли достаточно самобытное явление, которое сформировалось не без влияния общих кочевых традиций, характерных для пришлого монголоязычного и местного домонгольского тюркоязычного и финно-угорского населения, и традиций оседлых культур среднеазиатского региона. Причем доминантными в облике золотоордынских городов Поволжья являлись исламские архитектурные формы (мечети, мавзолеи, бани, караван-сараи и медресе), распространившиеся сюда из Средней Азии, Волжско-Камской Булгарии, Закавказья [96; 97].

Вопросы расселения, археологических исследований архитектурных объектов золотоордынских городов рассмотрены в трудах В.Л. Егорова [207-211]. В.Г.Блохин подверг сопоставительному анализу планировочные структуры золотоордынских городов и установил градостроительные традиции Золотой Орды [96; 97].

Вопрос определения степени и граней общности, взаимодействия и взаимовлияний государств Волго-Камья и Русского государства обусловил обращение к обширной *историографии русской архитектуры и градостроительства средневекового периода*. В ней представлены обобщающие труды [119; 432; 433] и исследования историков архитектуры и градостроительства: А.В. Арциховского, И.А. Бондаренко, Г.В. Борисевича, А.В. Бунина, И.Л. Бусевой-Давыдовой, Н.Н. Воронина, Н.Ф. Гуляницкого, М.П. Кудрявцева, Т.Н. Кудрявцевой, А.В. Кузы, В.А. Лаврова, Г.Я. Мокеева, А.Н. Насонова, М.Г. Рабиновича, П.А. Раппопорта, Б.А. Рыбакова, М.В. Седовой, В.В. Седова, Л.М. Тверского, М.Н. Тихомирова, В.А. Шкварикова, А.С. Щенкова, О.П. Щенковой, В.Л. Янина и других. В них изучен процесс развития русского градостроительства, разработана типология городов, определены архитектурно-градостроительные особенности регионов Русского государства на разных этапах средневекового периода. В обширной историографии русского градостроительства незначительны материалы по золотоордынскому периоду, что затрудняет сравнительный анализ градостроительного развития Волго-Камья и регионов Русского государства.

Историко-архитектурные и историко-градостроительные исследования средневекового наследия Юга России, Башкирии, Южного Урала показали, что Волжско-Камский регион в данных аспектах практически не исследован [216; 217; 398; 443].

Обширную группу составили научные исследования по *средневековой архитектуре и градостроительству стран мусульманского Востока*. Необходимость их привлечения была вызвана поставленной задачей: выявить влияние ислама на развитие градостроительной культуры региона Волго-Камья. В рамках решения этой задачи определялся характер влияния градостроительства и архитектуры стран мусульманского мира на развитие средневековой градостроительной культуры региона, и выявлялись черты общности и особенности. Из всех областей мусульманского мира были отобраны те, с которыми средневековые государственные образования региона поддерживали религиозные, торговые и духовные связи, а также при наличии между ними схожих условий развития. К таким областям были отнесены Средняя Азия и Ближний Восток. Среди большого ряда исследований труды таких авторов, как: А. Анарбаев, О.Г. Большаков, Л.С. Бретаницкий, В.Л. Воронина, И.Д. Кадырбеков, Ш.С. Камолиддин, В.А. Лавров, В.Г. Мурадов, А.М. Прибыткова, Г.А. Пугаченкова, Е.А. Смагулов, Т.Х. Стародуб.

Наиболее спорным аспектом в изучении истории и культуры исламского мира оставался город, к которому применяли термин «исламский» или «мусульманский». В

советский период характеристика средневекового градостроительства не несла религиозной окраски и определялась их региональной спецификой (К.М. Байпаков, Г.И. Богомолов, Ю. Ф. Буряков, В.А. Лавров, В.Г. Мурадов, Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Фонарев). В большей степени исследователями признавалось влияние ислама на архитектуру, чем на градостроительство [152; 153]. В постсоветское время впервые была предпринята попытка уточнить понятие «исламский город», до этого отсутствовавшее в российской историографии [473]. В последние годы средневековая архитектура и градостроительство исламских государств рассматривались в аспекте культурно-цивилизационного значения [414; 475].

Для зарубежных исследователей интерес представляли лишь средневековые города Средней Азии, которые известны по ряду работ в западноевропейской историографии. Города Волго-Камья мусульманского периода в зарубежной историографии практически неизвестны. Для определения своеобразия и «исламского» характера средневековых городов мусульманских регионов Евразии, а на их фоне и городов Волго-Камья автором привлечены работы ряда зарубежных исследователей: M. Weber, I.W. Fischer, N.A. Stillman, H. Kennedy, I.M. Lapidus, K. Brown, N. Al-Sayyad, R. Saoud, J. Abu-Lughod, N. Rabbat, C.E. Bosworth, B. Stefano, I.A. Bierman, R.A. Abou-El-Haj, B.S. Hakim, D.I. Eikelman, A.J. Morris, S. K. Jayyusi, R. Holod, A. Petruccioli, A. Raymond.

Историография исламского города за последние сто лет отражает развитие научных взглядов на проблему его своеобразия и характерных черт, отличая его от западноевропейского средневекового города. Зарубежными исследователями установлено, что города различных регионов мусульманского мира имели множество отличительных черт между собой. Историография градостроительных исследований последних десятилетий отражает смещение научной проблематики в область исследований средневековых городов различных регионов мусульманского мира и выявления их специфики на основе сравнительного анализа. В 1920-1950-е гг. исследователями французской школы была разработана концепция исламского города. Научное направление исследований городов и культуры мусульманского Востока получило название «Ориентализм». Структура города и дома в пределах мусульманского мира на трех континентах и на протяжении около тринадцати столетий рассматривались ориенталистами как постоянные. Более полувека с 1920-х до 1970-х исследователи продолжали придерживаться гипотетической модели структуры типичного исламского города, который должен был обладать укрепленной цитаделью и оборонительными стенами, в центре города рынком и соборной мечетью, вокруг которой группировались одна-три общественные бани-хаммам, караван-сараи, медресе и т.д.

Исламский город рассматривали как юридическое лицо, которое имело отличительную форму и особенности, изучали его генезис и развитие, выявляли особенности и характерные черты, которые бы соответствовали всем исламским городам или являлись уникальными для различных регионов мусульманского мира (N. Al-Sayyad, J. Abu-Lughod, L. Carl Brown).

В настоящее время ученые предложили структурный подход к изучению традиционного исламского города (B.Stefano, M.Daunton). Концептуально он заключается в рассмотрении его как системы, составленной из сложившихся иерархий пространства города, основанного на первичной единице – доме с внутренним двором. Изучение городов мусульманского мира показало, что история их развития была длительной, сложной и обусловливала много их разновидностей. Не было никакого общего для всех регионов и государств вида типичного мусульманского города. Термин «исламский» больше характеризовал мировоззрение населения и его образ жизни, которые проявлялись характерными чертами в городах различных регионов и на разных исторических этапах по-своему.

В этом плане очевидна актуальность исследования средневековых городов Волго-Камья как мусульманского региона.

Историография по истории градостроительных культур кочевых и полукочевых народов. Градостроительная культура Волжско-Камской Булгарии своими корнями связана с Хазарским каганатом и племенами Средней Азии. Тюркоязычные булгарские и другие племена Хазарии, сыграли решающую роль в этногенезе населения Волжско-Камской Булгарии. Поэтому труды по истории, культуре и градостроительству Хазарского каганата имели большое значение для данного исследования. В эту группу вошли фундаментальные труды М.И. Артамонова, А.П. Новосельцева, С.А. Плетневой и др.

Результаты исследований архитектуры и градостроительства в средневековых государственных образованиях на Северном Кавказе и Нижнем Дону представлены в трудах В.Г. Есаулова. Он установил, что периодическое появление военной опасности, меняющиеся политические условия, смена государственных образований с другой религиозной ориентацией означало изменение архитектурно-градостроительных традиций региона [217].

Для выявления генезиса некоторых элементов градостроительной культуры Волго-Камья целесообразно обращение к культуре тюрко-язычных племен и народов Средней Азии, имевших родственные корни. Поскольку регион Волго-Камья входил в состав оседло-кочевого государства Золотая Орда, установление соотношения в нем кочевых и оседлых культур являлось важной задачей. Не менее важной являлась группа исследований по истории кочевых культур Евразии, в том числе южной части Восточной Европы. Среди них работы Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, Л.В. Яворской и других. Прежнее представление ученых об отсутствии городов в кочевых культурах сменилось в исследованиях последних лет на противоположное мнение. Вопрос взаимодействия оседлого и кочевого образа жизни в рамках одного общества или на одной территории рассматривался в исследованиях ряда авторов: К.М. Байпакова, С.В. Данилова, И.Д. Кадырбекова, Ш.С. Камолиддина, Д. Майдара, Д. Пюрвеева, Л.К. Миннерта и других.

В этих исследованиях установлено, что в кочевых обществах наряду с сезонно-переносными поселениями существовали города, являвшиеся базами для торгово-экономических связей осёдлого и кочевого населения.

Анализ историографии показал, что комплексные исследования средневекового градостроительного наследия Волжско-Камского региона специально не проводились. Существующая литература содержит информацию о городах и поселениях Волго-Камья, не дающую полного представления о становлении и развитии градостроительства и пространственной организации территории региона как в целом в период с X до середины XVI в., так и на отдельных этапах. До сих пор в полной мере не исследовался вопрос о градостроительном развитии региона в золотоордынский период.

Обширность средневекового градостроительного наследия региона и его неполная изученность обусловили выбор данной темы, её научную новизну и актуальность.

Цель исследования: изучить средневековую градостроительную культуру региона в развитии, выявить существенные для неё всесторонние связи, отношения и закономерности в установленных хронологических рамках и представить концепцию формирования и исторического развития градостроительной культуры Волго-Камья X - середины XVI вв. в общем градостроительном процессе Восточной Европы и Евразии.

Для раскрытия темы используется как классическая, так и современная научная методологию. В аспекте классической методологии исследование проводится с использованием общих и частных методов. К общим методам относятся системный,

историко-генетический и историко-типологический. Системный метод исследования предполагает представление объекта, в данном случае – градостроительной культуры региона, как многоуровневой системы и её исследование от целого - к частям, т.е. к выделенным элементам. Применение историко-генетического метода обосновано появлением в X в. городов в Волго-Камье. Историко-типологический метод позволяет осуществить рассмотрение объектов и их классификацию в аспекте формирования типов городов на основе присущих им характерных признаков.

При достаточности документального и натурного материалов выявление принципов и приемов пространственно-планировочной организации средневековых городов осуществлялось историко-сравнительным методом в сочетании с методом отождествления и аналогии и применением функционально-планировочного, пространственно-композиционного и других видов анализа.

При классическом подходе явления истории архитектуры и градостроительства рассматриваются в состоянии равновесия, а их развитие – как линейный процесс. Однако научные открытия и технический прогресс в развитии человечества на рубеже II и III тысячелетий обусловили новый методологический подход во многих научных сферах – синергетический, отнесённый к постнеклассической научной парадигме. Научные плоскости изучения градостроительной культуры представлены синхронией и диахронией. Плоскость синхронии предполагает изучение структурной организации градостроительной культуры как системы и особенностей её функционирования в данный момент , т.е. в состоянии статики. Изучение в плоскости диахронии означает анализ развития системы градостроительной культуры в динамике. (Таблица 2, рис. 1).

Синергетику понимают как науку о совместном согласованном поведении многих элементов в составе сложной системы. В этом случае эволюция любой сложной системы состоит из чередований этапов становления, развития, постепенной деградации и катастрофических перестроек или гибели на новом уровне. (Таблица 2, рис. 2). Однако, одностороннее применение синергетической методологии в исследовании средневековых историко-градостроительных явлений невозможно в силу недостаточности натурных материалов и исторических данных и специфике ставящихся задач исследования. Применение в исследовании наряду с классической методологией исторических исследований культурологического и общего синергетического подхода к анализу объектов градостроительного наследия региона позволяет создать модель исторического развития средневековой градостроительной культуры Волжско-Камского региона. Градостроительную культуру следует рассматривать не просто как типологически и стилистически систематизированную совокупность выявленных к настоящему времени объектов архитектурного и градостроительного наследия, а как сложную, постоянно изменявшуюся систему, развивавшуюся в соответствии с определёнными закономерностями под влиянием различных факторов и условий.

При плохой сохранности средневекового градостроительного наследия региона наиболее приемлемым являлся также культурологический подход к решению поставленной проблематики. Он позволяет выявить особенности и общие закономерности развития градостроительной культуры, проследить преемственность или угасание архитектурно-градостроительных традиций в последующие эпохи, установить факторы и причины, обусловившие их формирование и развитие. Наряду с этим он также позволяет выявить архитектурные предпочтения и идеалы, к которым стремились люди средневековья, и определить их реальный уровень воплощения или приближения к ним в архитектуре и градостроительстве.

Градостроительная культура рассматривалась как совокупность достижений в области градостроительства и архитектуры, как один из разделов общей культуры народа конкретного региона и определенного временного периода. Для изучения особенностей развития градостроительной культуры региона применен и

синергетический подход, позволяющий проследить её эволюцию как взаимосвязанной совокупности её составляющих в динамике.

Автором применён метод графической виртуальной реконструкции пространственно-планировочной структуры средневековых городов в условиях минимального сохранения или отсутствия на их территории объектов архитектурного наследия. Большое значение в данной работе имело применение метода моделирования.

Метод моделирования – виртуальной реконструкции – воссоздание по аналоговым или пространственно-подобным структурам объектов архитектуры и градостроительства. Модели, созданные этим методом моделирования, отражают облик, структуру и внешние связи простых и более сложных архитектурных объектов. В нашем исследовании это модели реконструируемых типов общественных, культовых, жилищно-хозяйственных и производственно-ремесленных комплексов, модели жилищ, зданий и сооружений различного назначения. К этой группе относятся более сложные по моделированию и выполненные методом визуальной реконструкции синтезированные модели пространственно-планировочной структуры столичных и крупных городов.

Структуры пространственно-территориальной организации региона, отражающие различные периоды развития, моделируются с учётом многих составляющих. Применение неаналоговых моделей – логических, структурных, математических и др., т.е. моделирование не по принципу подобия, как в аналоговых моделях, а в абстрактной форме идеализированных объектов позволило расширить сферу применения этого метода. Модели, разработанные структурно-логическим методом моделирования, объектом отражения которых является история развития архитектуры и градостроительства в целом в ее основных внутренних и внешних связях и влияниях. В этом случае объектом моделирования является градостроительное развитие региона X - середины XVI вв., в котором выявляются его динамика и закономерности.

Источниковую базу виртуальной реконструкции составляют исторические справки, архивные и музейные материалы, сохранившиеся архитектурные чертежи, проектная документация, а также материалы топографической съемки. Виртуальная реконструкция проводится с помощью программного пакета моделирования и затрагивает воссоздание экстерьера памятника и прилегающей территории. Виртуальная реконструкция памятников архитектуры широко распространена как в России, так и за рубежом [115; 750]. Однако для данного исследования большое значение имела виртуальная реконструкция и создание моделей пространственно-территориальной организации региона в отдельные периоды развития и моделей пространственно-планировочных структур столичных городов региона на периоды их наивысшего развития.

Вопросы реконструкции исторических русских городов исследованы в трудах Л.В. Андреева, И.А. Бондаренко, А.С. Щенкова и др. Суть метода графической реконструкции пространственно-планировочной структуры средневековых городов заключается в следующем алгоритме аналитических исследований:

- Анализ исторических планов города (городища) для выявления изменений в ландшафте, коммуникационном каркасе, объектов наследия, вновь построенных объектов в последующие периоды после прекращения функционирования города;

- Натурное обследование города (городища) и его объектов для анализа их современного состояния, выявления масштабных соотношений города в целом и его частей, составления обмерных съёмок и определения по документам предыдущего этапа мест расположения утраченных монументальных зданий и сооружений в пространстве городищ, выполнения зарисовок и фотофиксации;

- Сравнительный анализ авиафотографических и космических снимков города (городища) для обнаружения следов средневекового коммуникационного каркаса и утраченных объектов;

- Анализ данных археологических раскопок городищ с целью выявления функционального зонирования города, характера утраченной застройки, ориентации улиц и жилищ и нанесения маркеров, обозначающих участки расположения выявленных элементов планировочной структуры и застройки средневекового города;

- Выявление научно-обоснованных аналогов утраченных градостроительных и архитектурных объектов для воссоздания пространственно-планировочных структур и характера застройки средневековых городов;

- Системный анализ и синтез полученных данных;

- Построение логической графической модели пространственно-планировочной структуры (части) средневекового города и его застройки (архитектурных комплексов и ткани рядовой застройки) на указанный период.

В исследовании использовано несколько видов источников. Объекты средневекового градостроительного наследия региона: города, поселения и оборонительные валы различной степени сохранности. (Таблица 1, рис. 2).

Важнейшей частью источников исследования являются сами объекты средневекового градостроительного и архитектурного наследия Волго-Камья. По исследуемому периоду подавляющее большинство средневековых городов в настоящее время не существуют. Они представлены остатками оборонительных валов, рвов и монументальных зданий. Города относятся к различным хронологическим периодам существования средневековых государств региона. Часть городов существовала на всём протяжении средневекового периода. Общие хронологические рамки бытования средневековых городов определены материалами археологических раскопок [45 - 47; 53 - 57]. Среди них только на Болгарском городище сохранились наземные остатки каменных сооружений: соборной мечети, бань, мавзолеев.

На месте части городов Казанского ханства, в том числе и Казани, существуют современные населённые пункты, что затрудняет их археологическое исследование. Однако, даже остатки городов важны для натурного исследования природно-ландшафтных условий их существования с учётом возможных изменений за последние столетия. Сохраняющиеся валы оборонительных структур позволяют определить реальные размеры и пространственные соотношения частей городов.

Фактографической основой исследования являются авторские фотографии и схемы натурных обследований средневековых городищ региона, а также материалы исследований их объектов, выполненных историками архитектуры и археологами.

При таком реальном положении средневековых градостроительных объектов особое значение для исследования имеют фактографические архивные материалы. В исследовании использованы материалы РГАДА, НА РТ, Картографического отдела РГБ, Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского ПФУ (КГУ), архивов ИА РАН, ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, БГИАЗ.

Для реконструкции пространственно-планировочных структур, восстановления характера городской застройки столиц средневековых государств Волго-Камья автор использовала материалы неопубликованных отчётов археологов, хранящихся в фондах ИА РАН, БГИАЗ, ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Особенность этих материалов заключается в том, что в них имеются данные по планировочной структуре, ориентации жилищ, характере усадебной застройки отдельных участков городищ, которые не отмечены историками и археологами в их публикациях, поскольку они решали специальные задачи иного плана. В графических приложениях к отчётам показываются фрагменты застройки улиц, планировочная структура различных видов жилищ, общественных зданий, особенности и детали

городского благоустройства, т.е. всё, что представляет профессиональный интерес для историка архитектуры и градостроительства.

Для решения некоторых вопросов пространственно-планировочной организации средневековых городов и поселений необходимо использование космических и аэрофотоснимков городищ. В 1970-х гг. впервые в изучении средневековых городищ региона была использована малая авиация. Применение новых методов исследований, в том числе и малой авиации для аэрофотосъемки Билярского, Болгарского, Джукетауского, Суварского и других городищ, позволило провести обширные исследования их территорий, установить истинный масштаб средневековых городов и места расположений руин многих построек, скрытых под землёй.

Доступность и высокое качество космических снимков исследуемых территорий региона позволили применить их в данном исследовании. В 2010 г. началось использование геоинформационных технологий на этапе дополевых научных изысканий археологических объектов с целью объединения современных полевых и архивных материалов для совместного анализа, а также принятия решений по планированию и проведению поисковых работ. Базовым программным обеспечением проекта является ГИС – геоинформационная система ArcGIS 10. В августе 2011 года были проведены полевые геодезические работы. Комплекс работ включал GNSS-съемку, тахеометрическую съемку, рекогносцировочные и картографические работы. С помощью GNSS-съемки уточнялось местоположение объектов и триангуляционной сети данных САПР «Генеральный план города Болгар», проводилась независимая привязка памятников архитектуры, объектов инфраструктуры городища, создавалась новая сеть для последующей более точной фотограмметрии [767]. Для обнаружения погребенных сооружений использовались дистанционные и геофизические методы. Впервые автором использованы материалы картографии, фотограмметрической съёмки сооружений и данные дистанционного зондирования территории Болгарского городища, прошедшие обработку на кафедре геофизики и геоинформационных технологий Института геологии и нефтегазовых технологий Поволжского федерального университета (КГУ).

Ландшафтно-географические условия Волго-Камья – территории в месте пересечения двух крупнейших рек Восточной Европы: Волги и Камы, изменяются при перемещении с севера на юг и с запада на восток. Площадь Волго-Камья в границах современного Татарстана – 68 тыс. кв. км. Около 90 процентов территории занимают низменные равнины (до 180 м над уровнем моря) с долинами рек Волги и Камы, разделяющими территорию региона на три части: Предволжье, Предкамье и Закамье.

Предволжье – правобережье Волги в среднем течении, в пределы которого заходит Приволжская возвышенность (высотой до 230 м), сильно расчленено долинами рек и оврагами с крутыми обрывами к Волге, которые часто называли горами, а Предволжье - Горной стороной. Самым крупным притоком Волги, разделяющим Предволжье на две части, является р.Свияга, текущая с юга на север. При огибании северо-восточного угла Приволжской возвышенности р.Волга напротив г.Казани резко меняет направление с восточного на южное. Поэтому р.Свияга течет практически параллельно Волге, только в обратном направлении. Волжский правый берег поднимается над современным уровнем реки на 50-100 метров (в некоторых местах достигает: 120-160 м – Услонский берег, 180-223 м – берег у устья р.Свияги, 190-230 м – у г.Тетюши). Предволжье частично покрыто лесами.

Предкамье включает левобережье Волги выше места слияния рек и правобережье Камы в границах Татарстана и представляет собой мягко волнистую равнину. В исторической и краеведческой литературе до середины XX в. Предкамье часто называли Луговой стороной или Заказаньем. Крупной рекой Предкамья является р.Вятка, впадающая в р.Каму. Предкамье издревле было покрыто смешанными, а в северной половине – хвойными лесами, переходящими в тайгу.

Закамье - территория левобережья Камы и левобережья Волги ниже места слияния рек с северными склонами Бугульминско-Белебеевской возвышенности (высотой до 365 м). Северо-западная часть Закамья характеризуется разработанными террасами р.Волги и нижней части р.Камы. Ширина трех террас р.Волги в этой части превышала 70 км. Две нижние террасы с 1956 г. покрыты водами Куйбышевского водохранилища. При этом утрачено большое количество памятников от эпохи мезолита до позднего средневековья.

Закамье имеет развитую речную систему и значительные перепады высот рельефа. В районе слияния крупнейших рек Восточной Европы Волги и Камы и впадения в них рек Утки, Бездны, Ахтая и других наблюдаются значительные перепады рельефа. Территория центрального Закамья представляет собой слабо приподнятую волнистую равнину, ограниченную с севера Камой, и ее притоками: на западе – р.Ахтай, на востоке – р.Шешмой, а с юга – бассейном р.Черемшан, левым притоком Волги. Овражная сеть этой зоны Закамья имеет достаточно крутые склоны.

К востоку от р.Шешмы расположена зона Восточного Закамья, ограниченная с севера р.Камой, в которую с юга впадают реки Белая, Ик, Зай, Шешма, образующие низину из соединенных припойменных участков. Поймы рек Белой и Ик объединяются, образуя огромную низину, в которой расположено самое крупное болото Волго-Камья – Кулегаш. Юго-восточную часть Закамья занимает Бугульминское плато (более 300 м высотой над уровнем моря), по которому протекают верховья этих рек. Территория Закамья относится к лесостепной зоне, переходящей на юге в степные черноземы.

ГЛАВА I

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ X – СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

I.1. ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНА В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

I.1.1. Волго-Камье в градостроительной системе Восточной Европы и ЕвразииX – первой трети XIII вв.

На карте Евразии Волжско-Камский регион занимает относительно небольшую территорию почти в центре Восточной Европы. Однако в средние века на ней сосредотачивались геополитические интересы различных государств и народов. Перекрёсток двух крупнейших рек Восточной Европы стал на рубеже IX – X вв. центром формирования одного из первых раннефеодальных государств Волжско-Камская Булгария. (Таблица 3).

В период сложения государства в Волго-Камье большую роль играл торговый Великий Волжский путь, связывавший Волжско-Камскую Булгарию с северо-западной частью Восточной Европы и через Балтийское море с регионами Северной Европы, а через Каспийское море – Ближним и Средним Востоком. Через территорию Булгарии проходило одно из ответвлений сухопутного Великого Шёлкового пути, которое, начинаясь в Средней Азии и достигнув столицы Биляра, уходило на запад в Киевскую Русь. Пересечение этих торговых путей и сочетание их с региональной дорожной сетью создавало благоприятные условия для развития торговли и стимулировало ремесленное производство товаров на продажу.

Трансконтинентальные торговые пути являлись также каналами связи Волго-Камья с высокоразвитыми регионами Евразии и передачи от них культурных и технических достижений, религиозно-социальных идей и научных мыслей в первую очередь мусульманской, а также христианской цивилизаций.

В период раннего средневековья градостроительная система Восточной Европы включала города Древнерусского государства, Прикавказского региона, Болгарского царства. До конца XI в. в ней были представлены города Хазарского каганата. Ко времени появления в Восточной Европе государства Волжско-Камская Булгария, в мусульманском мире Евразии одним из ведущих государств развитой градостроительной культуры был Багдадский халифат.

На другом полюсе Евразии выделялся центр христианского мира - Византийская империя, наивысшим воплощением градостроительной культуры которой был Константинополь. Корни этой культуры питались античными традициями. Древнерусское государство в период своего становления и развития ориентировалось на Византию.

Градостроительное развитие других регионов мусульманского мира можно проследить по городам, построенным или реконструированным в рассматриваемый период. Мусульманский мир в X в. включал Кордовский халифат (г.Кордова) на Пиренейский полуострове Западной Европы; султанат Идрисидов (г.Фес), Египетский султанат (г. Фустат-Каир) и другие более мелкие эмираты и султанаты на территории Северной Африки; Багдадский (Аббасидский) халифат (г.Багдад) на Ближнем Востоке и ряд эмиратов на Аравийском полуострове; эмираты Синд (г.Мансура), Мультан

(г.Мультан), Саффаридов (г.Нимруз) на Среднем Востоке; Критский эмират (г.Хандак); Эмираты Дербендский (г.Дербенд), Тбилисский (г.Тбилиси), Ширванское ханство (г.Шемаха) и другие более мелкие эмираты в Закавказье; Саманидский (Мавераннахрский) эмират (г.Бухара), государство Хорезмшахов (г.Ургенч), Караханидский каганат (г.Балагасун) и другие государственные образования в Средней Азии.

В XII в. на части территории Византии появились Конийский (г.Конья) и ряд других султанатов. На территории Аббасидского халифата возникли султанаты Дамасский (г.Дамаск), Халебский (г.Халеб) и Великих сельджуков (г.Исфаган). Смены правящих династий в государствах, полная или частичная военная оккупация соседних территорий приводили к изменениям границ, появлению новых и утрате прежних государств в мусульманском мире. При этом общая территориальная целостность его не нарушалась.

В X-XI вв. только Волжско-Камская Булгария отделялась от стран мусульманского мира обширными территориями Хазарского каганата, которые с конца XI в. были заняты союзом кыпчакских кочевых племён. Булгарское государство сформировалось в центре восточной части Восточной Европы, находясь в окружении славянских, угро-финских (предков удмуртов, марийцев, мордвы) и тюркских (предки чувашей, башкирских и др.) племён, которые частично вошли в её состав.

Для укрепления государственной структуры и политической стабильности Волжско-Камская Булгария должна была признать вассалитет и принять покровительство одной из двух полярных религиозных мировых систем: мусульманской или христианской. Выбор правителем и вождями племён Булгарии по ряду причин ислама определил не только её религиозное и государственно-политическое устройство, но и дальнейшее культурное и градостроительное развитие. В начале X в. центром мусульманского мира был Аббасидский халифат со столицей в г.Багдад, куда в 920 г. и отправилось булгарское посольство для налаживания связей с мусульманским миром и передачи просьбы правителя халифу о поддержке намерений принять ислам вместе с поданными.

В 922 г. ислам был принят правителем и знатью в качестве основной религии и постепенно был распространён среди населения по всей его территории. Это означало вхождение Булгарии в мусульманский мир, налаживание связей с его государствами и регионами и предопределило направление развития региона на многие столетия.

I.1.2. Волжско-Камский регион в догосударственный период. Образование Волжско-Камской Булгарии и появление городов

Племена из Хазарии, наряду с местным населением, стали одним из основных компонентов при формировании населения региона в последующее время. В начале IX в. в результате гражданской войны произошло массовое переселение населения из Хазарского каганата на север в Волго-Камье. По историческим источникам известно, что тогда преследовались те подданные кагана, которые отказались принять иудаизм. Согласно археологическим исследованиям были разрушены булгарские поселения на р.Донец и в Приазовье, с которыми связаны степные памятники салтово-маяцкой культуры, и это привело к миграции уцелевшего населения в направлении Волго-Камья на север и Дунайской Болгарии на запад. Часть переселенцев, поднявшаяся на север в Волго-Камье, включала как исламизированное население с традициями земледелия и ремесел, так и кочевников-язычников. Наряду с этим следует учитывать, что пришлые булгарские и тюркские племена перемещались в Волго-Камье из Хазарского каганата, обладая собственным опытом строительства городов и поселений. Среди крупных хазарских городов в низовьях Волги была столица Итиль, в Подонье - Саркел, в Предкавказье - Баранджар и Семендер и т.д.

Среди прибывших в регион хазарских племён были и кочевники с навыками возведения временных стойбищ и зимников. Говоря о массовом переселении в Волго-Камье части населения Хазарии и учитывая огромные расстояния, которые пришлось преодолевать переселенцам, следует подчеркнуть большое значение опыта кочевых племен, с которыми перемещалось и оседлое население. При этом булгары не только создавали новые, но и расселялись в уже существовавших в регионе поселениях за счет расширения или уплотнения их селитебной территории при ассимиляции местного населения. Переселенцы из Хазарии принесли с собой в регион новые элементы культуры, которые были присущи в VIII – IX вв. салтово-маяцкому населению юго-востока Европы: особый вид гончарства, металлургии, захоронений и т.д.

Одна часть булгарских племен, в состав которых помимо собственно булгар входили барсилы, савиры, буляры, беленджеры (баранджары) и другие этнические группы, исповедовала язычество в форме тенгрианства. Другая часть исповедовала ислам. Вероятно, в Волго-Камье переселялись представители всех племен Хазарии, но преобладали кочевые (полукочевые) булгарские племена.

Древнетюркские традиции проявлялись и в Хазарии, где для части населения был характерен полукочевой образ жизни. В.С. Флеров утверждает, что в Хазарии преобладал не классический кочевой образ жизни, а именно полукочевой в форме сезонного отгонного скотоводства. Относительно мирное сосуществование племен Хазарского каганата в южных степях Восточной Европы было возможно при четком определении территории их кочевок. В Хазарии, а позднее, очевидно, и в Волжско-Камском регионе, отдельным племенным родам и группам принадлежали свои территории с пашнями, степями, лугами и лесными угодьями, реками и другими источниками водоснабжения. Именно на этих территориях появились племенные центры - прообразы городов (протогорода) и связанные с ними открытые поселения.

Часть пришлого тюркоязычного булгарского населения обладала опытом оседлой жизни и строительными навыками возведения жилищ и культовых сооружений. В Волго-Камье они использовали местные строительные традиции, а также адаптировали и использовали прежние навыки, применимые в новых условиях. Кочевые и полукочевые племена, не откочевывавшие по каким-либо причинам в южные степи на зиму, вынуждены были в суровых условиях края переходить к оседлости и перенимать строительный опыт у местного населения. Возможно, что часть этого кочевого населения возводила временные зимники, дожидаясь весны.

Часть переместившегося в регион пришлого населения на первых порах осваивала именьковские городища, на многих из которых обнаружены следы жизнедеятельности булгар.

Таким образом, на протяжении VIII - IX вв. и позднее в Волго-Камье постоянно перемещались тюркские и другие племена, придерживавшиеся различных религиозных верований: язычества, ислама и т.д. В догосударственный период расселение людей в Волго-Камье сосредотачивалось по берегам крупных рек Волги и Камы и приустьевой части их притоков, широкие поймы которых были богаты травами, дичью и т.д. Водоразделы были покрыты лесами. Дорожная сеть была развита слабо. Реки являлись основными коммуникациями связи между поселениями, расположенными по их берегам. Для переправы с одного берега на другой были специальные места, отвечавшие определённым требованиям: удобные и безопасные спуски к воде, спокойное течение при отсутствии порогов, перекатов и водоворотов, доступность из мест массового расселения плёмен, минимальное изменение ширины и глубины реки в месте переправы при половодье и т.д. Археологические карты Татарстана подтверждают это с документальной достоверностью.

Ко времени образования Волжско-Камской Булгарии в регионе сложилась традиция размещения на высоких мысах между реками или оврагами поселений, укрепленных с напольной стороны деревянно-земляными валами со стенами и рвами,

существовала достаточно развитая строительная культура возведения оборонительных сооружений укрепленных поселений, деревянных жилищ наземного, полуземляночного и земляночного типа и хозяйственных сооружений. Местное население обладало навыками обработки дерева и строительства из него сооружений различных конструкций: срубной, столбовой, каркасно-дощатой. Несмотря на то, что выявлены только единичные материалы по юртообразным жилищам, несомненно, оно имело широкое распространение в регионе в связи с отгонным животноводством. Существование каменного строительства этого периода в настоящее время не установлено.

Булгарские племена, переместившиеся в регион с юга, являлись носителями более высокой культуры, получившей развитие в условиях государственности Хазарского каганата. Это позволило им объединить под своим началом многочисленные племена Волго-Камья для создания на рубеже IX-X веков одного из первых в Восточной Европе раннефеодальных государств Волжско-Камская Булгария, которое до гибели Хазарии оставалось ее вассалом. В состав Булгарии вошли земли Западного Закамья, Предволжья и частично Предкамья. Население Волжско-Камской Булгарии формировалось на основе активных взаимоотношений между тюркоязычными булгарскими племенами и местным финно-угорским населением.

К началу X в. в Волго-Камье сложилось племенное расселение в форме княжеств, которое составляли поселения различного уровня: небольшие селения, открытые торгово-ремесленные поселения, укрепленные городища – центры княжеств различных племен с зачатками торговли и ремесел. На основе последних поселений, являвшихся средоточием племенной власти, с развитием в них торговли и ремесел, шло становление и развитие первых городов.

В Булгарии, как и Древнерусском государстве, времени появления ранних городов предшествовала стадия протогородов – IX – первая половина X вв. В.В.Седов установил, что в VIII - IX вв. у славян в северо-западной части Восточной Европы развиваются укреплённые поселения неаграрного характера, в которых концентрировались ремёсла, торговля, формировались купеческие и дружинные сословия. То есть, образование городов, в первую очередь, обуславливалось социально-экономическим развитием общества [445, с.6-55]. С IX в. особенно активно этот процесс протекал на Волжском и Волжско-Балтийском путях. Международная торговля способствовала формированию городов. Ремесленно-торговые поселения с политико-административными функциями, являвшиеся центрами племенных образований, эволюционировали в раннесредневековые города. Торгово-ремесленные поселения (протогорода), ориентированные в основном на международную торговлю, на фоне поселений с управленческими функциями постепенно затухают [449, с. 74]. Это заключение находит подтверждение и в булгарском градостроительстве. В Волжско-Камской Булгарии крупные торгово-ремесленные поселения в низовьях Камы и левобережья Волги, население которых было активно вовлечено в международную торговлю и производство качественной ремесленной продукции, не преобразовались в города и постепенно прекратили существование.

Наряду с формированием в Волго-Камье раннефеодального Булгарского государства, протекала исламизация населения. В 922 г. под руководством проповедников из Арабского халифата и Средней Азии правителем и знатью Волжско-Камской Булгарией ислам был признан государственной религией. Это явилось фактом включения Волжско-Камского региона в мусульманский мир.

С образованием одного из первых в Восточной Европе раннефеодальных государств Волжско-Камской Булгарии начинает складываться структура пространственной организации территории региона с соответствующими элементами: коммуникационным каркасом, структурой расселения, в которой получают развитие города различной величины и ранга, структурой обороны государственной территории и т.д. Она являлась верхним уровнем формировавшейся системы градостроительной культуры Волжско-Камской Булгарии. Средний, основной уровень этой системы,

формировали поселения, в первую очередь – города. Архитектурные постройки, технические сооружения и элементы благоустройства составляли нижний уровень градостроительной культуры как целостной системы.

I.2. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ

I.2.1. Элементы пространственно-территориальной организации

Пространственно-территориальная организация Волго-Камья имела составные части, включавшие отдельные элементы. К составным частям относились речной и сухопутный коммуникационный каркас, структура обороны государства, структура расселения, административно-территориальная структура государства.

Элементами речного и сухопутного коммуникационного каркаса являлись переправы, пристани, придорожные караван-сараи; структура обороны государства включала линейные и точечные элементы защиты; структура расселения состояла из градостроительных элементов в виде городов, замков, селений; административно-территориальная структура государства включала княжества, округа и т.д. Объединяющей основой всех частей пространственно-территориальной организации служил ландшафт. Пространственно-территориальная организация Булгарии определяла месторасположение любого города и столицы на территории государства, связи с другими городами и столицами соседних и дальних государств.

Административно-территориальная структура государства

Территория Булгарии включала в себя земли на севере - от реки Казанки, на юге - до Самарской Луки, от верховий реки Суры на юго-западе до рек Белая и Яик на востоке и юго-востоке. Окончательно структура расселения Волжско-Камской Булгарии сформировалась на рубеже XII – XIII вв. и просуществовала до начала монгольского нашествия 1236 года.

Волжско-Камская Булгария – раннефеодальное государство с иерархической системой власти, во главе которой находился ильтэбер – верховный правитель. В структуру государства входило несколько княжеств, объединявших более мелкие территориально-племенные округа, делившиеся в свою очередь на более мелкие единицы. Княжества известны по названию главного города: Ошель, Джукетау, Кашан, Сувар, Балымер, Алабуга, Муромский городок на Самарской Луке, Юлово на р.Суре, Афкуль в Пермском Предуралье.

Коммуникационный каркас Булгарии

Сухопутный коммуникационный каркас Булгарии состоял из государственных трактов (караванных путей), связывавших г.Биляр со столицами и крупными городами других государств, и местных дорог. Города Булгарии были связаны дорогами с пристанями на реках, куда водой доставлялись товары из других регионов, и переправами на реках Волга и Кама. В местах пересечения малых рек устраивались мосты. Большая лесистость территорий не способствовала развитию сети дорог. Одна из основных дорог государства связывала Биляр с Булгаром и пристанью с поселением Ага-Базар. Она проходила через укрепленные населенные пункты с караван-сараями, находившимися вблизи современных селений Старый Нохрат и Ямбухтино Алексеевского района РТ.

На север от Биляра уходила дорога в г.Джукетау, на юго-запад – в г.Сувар. Дорога, проходившая через укрепленное поселение (Кокрятьское городище), связывала города Булгар и Сувар. В среднем течении Волги от Биляра на юго-восток отходили сухопутные

пути в Хорезм, а на запад - в Киев и далее в Чехию, южную Германию. Между Волжско-Камской Булгарией и Киевской Русью на сухопутном торговом пути, по Идриси, было около 20 станций на 1400-1500 км. Расстояние между двумя остановками составляло около 70 км. Взяв за основу день пути (легкий - 31-37 км, тяжелый - 46 км), Б.А.Рыбаков рассчитал, что расстояние от Биляра (Булгара) до Киева караван преодолевал за 60 дней [341, с.40].

Водный коммуникационный каркас региона формировали реки Кама, Волга и их крупные притоки; Свияга, Вятка, Мёша, Большой и Малый Черемшаны и многие другие, связывавшие внутренние районы государства с внешним миром и крупными городами. Речные и наземные пути пересекались в местах бродов и переправ, для защиты которых служили укрепленные поселения. Переправы через Волгу и Каму издревле находились в местах, обусловленных соответствующими ландшафтными и гидрологическими условиями, и использовались вплоть до середины XX в., когда уровень вод в этих реках поднялся при строительстве гидроэлектростанций и уничтожил их. На Геометрическом специальном плане Казанской губернии 1796 г. показана речная система региона с переправами, связывавшими берега рек на протяжении веков (Таблица 4, рис. 1). Сравнительный анализ карт Казанской губернии конца XVIII – начала XX вв. позволил выявить места переправ через Каму и Волгу, которые связывали Предволжье, Предкамье и Закамье на протяжении веков. Нет оснований полагать, что эти переправы не использовались в регионе в древности. В Волго-Камье установлено длительное использование нескольких переправ на Каме (у с.Епанчино к юго-западу от Лаишева, у с.Шураны к юго-востоку от Лаишева, у с.Омары и под Елабугой). На Волге переправы были западнее Казани в районе сел Верхний Услон и Васильево. Ниже устья Камы переправа через Волгу была к юго-западу от Булгара. Она связывала его с булгарским поселением на правом берегу Волги, где позднее возник г.Тетюши. Южнее была еще одна переправа (у сел Крестово-Городище и Кайбелы Чердаклинского района Ульяновской области) [564, с. 36]. Все эти переправы функционировали до середины XX в. В связи поднятием уровня вод в Каме и Волге после строительства электростанций в 1953-1956 гг. эти переправы были утрачены.

На плане отражены важнейшие дорожные коммуникации региона, большая часть которых существовала на этих местах на протяжении столетий и легла в основу современных дорог.

Структура обороны и коммуникаций государства

Государственная оборонительная структура включала военные крепости, линии валов, засек и другие элементы защиты. Волжско-Камская Булгария развивалась на протяжении всего домонгольского периода и нуждалась в защите от набегов кочевников из южных степей и от ближайших соседей. Общегосударственная оборонительная структура Булгарии создавалась последовательно и включала разновременные части линейные (земляные валы, рвы, засеки) и точечные (военные крепости) элементы.

Линейные элементы структуры обороны

В связи с вторжением в восточно-европейские степи половцев, вытеснявших печенегов, Булгарское государство предприняло меры для обеспечения безопасности центральных районов. Вероятно, именно в этот период были насыпаны многокилометровые валы, защищавшие наиболее крупные округа государства.

Центр страны и г.Биляр защищал с юга Верхне-Альмурзинский вал, со стороны Камы их, вероятно, защищали Молоствовский (7,5 км), Никольский (2,2 км) и Бураковско-Кожаевский валы (2,8 км). Суварский округ с северо-запада, со стороны Волги защищал Танкеевский вал (0,28 км), Старо-Куйбышевский (1,22 км) [273, с. 84, 149, 150, 155, 156].

Известны Деушевский вал (0,26 км) и Карлинский вал в Предволжье. Предположительно, Старо-Куйбышевский (Куйбышевский) вал защищал излучину реки Бездны размером 1 х 2 км [47, с.49]. Вероятно, и Бураковско-Кожаковский вал защищал богатую травой припойменную излучину реки Ахтай, где также отсутствуют какие-либо следы булгарских поселений [276, с.15]. Также, предположительно, к булгарскому времени относятся Карамышевский (8,78 км), Елховский (7,86 км), Новошешминский (8,1 км) валы, расположенные в Чистопольском районе Татарстана по левому берегу р.Шешмы, являвшейся восточной границей Булгарии. Они служили преградой кочевникам из приуральских степей, особенно от проникновения в пределы Джукетауского княжества [273, с. 207, 214, 215; 276, с. 39].

От Болгарского городища до с.Красная слобода протянулся на юго-восток длинный вал, часть которого, очевидно, составлял Молоствовский вал, показанный на карте Татарской АССР 1946 г. под названием Никольский (по одноименному ближайшему населённому пункту) (Таблица 4, рис. 2). Это свидетельствует о том, что Никольский и Молостовский валы являлись некогда одним целым.

На карте Булгарского царства, составленной В.А.Раевским, отмечено несколько валов [661, л.1]. Среди них указан вал от с.Куралово на правом берегу р.Бездны на северо-восток до р.Ахтай, южнее с.Измери. Очевидно, Бураковско-Кожаевский вал составлял его северо-восточную оконечность, а Старо-Куйбышевский вал – его юго-западную часть. В таком случае этот протяженный вал прикрывал обширную пойму в низовьях рек Бездны и Ахтай, где располагались наиболее крупные торгово-ремесленные селения (Измерское, Семёновское и другие). Вероятно, В.А.Раевский указал его приблизительное местонахождение, потому что Молостовский вал расположен значительно южнее с.Красная слобода.

К юго-западу от с.Новошешминск (предположительно, здесь находился булгарский г.Тубулга-Тау) до с.Екатерининская слобода протянулся вал более чем на 12 км. Ныне он известен как Новошешминский и сохранился на две трети. Южнее его в виде широкой дуги от с.Карамышево до с.Карасу протянулся вал, получивший название Карамышевский вал. Эти валы представляли собой оборонительные рубежи пограничных районов Волжско-Камской Булгарии и располагались в левобережье р.Шешмы, перпендикулярно ее террасе. Расстояние между Елховским и Новошешминским валами составляет 1,5 - 3 км, между Новошешминским и Карамышевским – 24 - 25 км.

В единой системе с заградительными валами находились военные крепости, от которых сохранились только валы и рвы. Особенность размещения крепостей заключалась в том, что они примыкали к внутренней стороне заградительных валов, которые являлись частью их укреплений [54, с.77 - 78].

В Волго-Камье длинными валами защищались от набегов кочевников отдельные районы Булгарии. Однако в Волго-Камье валы часто защищали не заселенные территории, а богатые луговыми травами обширные поймы рек. Очевидно, они в первую очередь подвергались опустошению кочевниками, и в экономическом плане их защита была значительно важнее, чем населенных пунктов. Возможно, что валами в Булгарии защищались, как и в Уйгурском каганате, наиболее хлебородные территории [322, с. 21 - 29].

Валы в Волго-Камье, вероятно, насыпались с ростом городов и массовым появлением в регионе кочевников в XII в. и в период ожидания нашествия монгольских войск в первой половине XIII в. Следует отметить, что валы наблюдаются в Закамье и на правобережье Волги в лесостепных районах. В масштабах государства протяженность валов была незначительна. Создавать единую неразрывную оборонительную систему валов у Булгарии, очевидно, не было необходимости, так как концы валов входили в густые лесные массивы, не проходимые конницей. В настоящее время большая часть лесов Волго-Камья вырублена. Строительство защитных рубежей – общая практика в средневековый период для государств и регионов, защищавшихся от кочевников.

Военные крепости

В систему обороны Волжско-Камской Булгарии входили также пограничные и военные крепости. Анализ местоположений булгарских крепостей, выявленных археологически, показал, что они располагались вблизи крупных городов. Пограничные крепости Булгарии, опускаясь с северо-востока на юго-запад и далее на запад, полукольцом опоясывали основные территории государства, защищая их от кочевников с юга и юго-востока. Большое значение в повышении обороноспособности страны должны были иметь крепости, располагавшиеся по высоким берегам Камы и контролировавшие её акваторию. Прибрежные территории Камы издавна были достаточно плотно заселены и также нуждались в защите.

Практически отсутствовали крепости на территории Предкамья. Территории Предволжья в междуречье Свияги и Волги были малозаселенными. Крепости защищали территории в верховьях Свияги. В домонгольский период большое значение для Булгарского государства имела, очевидно, Волга ниже места слияния с Камой. К югу от Камского устья и вплоть до Самарской Луки акваторию Волги защищала цепь крепостей, поставленных в местах переправ, бродов и скопления городов.

Военные крепости предназначались для защиты границ государства, переправ и торговых факторий на реках. Военные крепости, определенные типологически археологами по материальным остаткам, мощности археологического слоя и особенностям рельефа, располагались по периметру основной территории Булгарии и в стратегически наиболее важных местах внутренних областей государства. Площадь большинства крепостей в среднем колебалась от 0,2 до 2 га. Крупные крепости были площадью 2-7 га. В конце X – первой половине XI вв. в Булгарии, как и на Руси, в роли ядра будущих городов выступали некоторые пограничные крепости. Они состояли из небольшой укрепленной цитадели, к которой примыкала укрепленная территория, использовавшаяся для убежища населения при набегах врагов. Эволюция этих крепостей в города тесно связана с превращением их в административно-хозяйственные центры округов.

Структура расселения Волжско-Камской Булгарии

Структура расселения региона формировалась поселениями различных типов: город, торгово-ремесленное поселение, феодальный замок и сельское поселение.

Города

Эта группа была выделена по следующим признакам: наличие укрепленной площади, обширные посады, производственные комплексы и орудия труда ремесленной деятельности, предметы и инвентарь торговли, свидетельства административного управления, предметы военного вооружения, культовый и общественный центр с монументальными зданиями, элементы благоустройства и т.д. Однако число булгарских городов было значительно выше. Не всегда большие размеры города могут служить показателем его значимости. По аналогичным признакам выделены города Древнерусского государства [432, с. 28-29].

Идентификацию городищ как остатков булгарских городов по этим признакам провести достаточно сложно. Дело в том, что с остатками монументальных зданий и элементов благоустройства выявлены единицы городов. Определение их как булгарских поселений осуществлялось археологами преимущественно по материальным остаткам, в первую очередь, по керамическим материалам, а также, безусловно доказанным как булгарским элементам быта (замкам с ключами, ножницам, ювелирным украшениям и т.д.).

Интенсивные археологические раскопки в Волго-Камье последних десятилетий позволили помимо Сувара, Биляра и Булгара выделить из общего количества

археологических памятников остатки булгарских городов домонгольского периода. Среди них выявлены города, бывшие центрами земель-княжеств; средние и малые по величине города – центры определенной сельскохозяйственной округи, от которых остались городища: Старо-Нохратское, Барское-Енарусскинское, Щербеньское I; города на торговых путях и переправах, это городища: Крестово-Городищенское (г.Симбир), Кокрятьское, Булгарское, Красноключинское, Кирменское (г.Кирменчуг), Западно-Войкинское, Хулашское, Казанское и другие [564, с.139].

Торгово-ремесленные поселения

В X веке на берегах Волги и Камы возникли торговые фактории или рыночные места, которые позднее превратились в торгово-ремесленные поселения. В Западном Закамье, где находилась центральная часть Волжско-Камской Булгарии, также существовали места, удобные для перевалки грузов с сухопутного транспорта на речной. Все они располагались в приустьевой части притоков рек Волги и Камы: Шентала, Курлянка, Утка, Майна и других. Русла этих рек в нижнем течении служили удобным путем для преодоления бездорожья широких пойм. По ним с Большой Волги и Камы товары на судах доставлялись к поселениям, расположенным на незатопляемых речных террасах.

На территории этих поселений открыты наземные и полуземляночные жилища, хозяйственные постройки типа зернохранилищ и остатки большой деревянной мечети, выявлено обилие предметов торговли, монет. Население этих поселений занималось цветной и черной металлургией, ювелирным делом и земледелием [564, с.69-70]. Главным пространственным узлом в таких селениях была пристань с рыночной площадью, к которой стягивались коммуникации с застройкой. Вблизи площади находилась мечеть.

Крупные торгово-ремесленные поселения булгар существовали и в Предкамье на территориях современных Рыбнослободского и Лаишевского районов РТ [275; 278, с.64]. Несмотря на то, что большинство населения этих поселений занималось торгово-ремесленной деятельностью, в них сохранялась и сельскохозяйственная функция. Они являлись своего рода «воротами» международной торговли Булгарии и стабильность их существования во многом зависела от её конъюнктуры (Таблица 4, рис. 3). Эти поселения обладали такими основными признаками городов, как развитая торговля и ремесла, но не имели оборонительных стен. При расположении этих поселений в низинном ландшафте речных пойм видна нецелесообразность устройства оборонительных систем в каждом из них. Устройство крепостей на возвышенностях, ближайших к устьям этих рек, решало вопрос обороны для всех торгово–ремесленных поселений в речных долинах. Здесь по-другому была построена система обороны. Эти торгово-ремесленные поселения можно было бы считать городскими поселениями открытого типа. Однако следует отметить, что в них отсутствовала административная функция или она была менее значимой в сравнении с основными городами Булгарии.

Феодальные замки

Наибольшее количество укрепленных поселений Булгарии, вероятно, относилось к укрепленным феодальным центрам. Они, как правило, имели укрепленную территорию площадью от 0,7 до 7,0 га. Таких центров выявлено 74. Вблизи них располагались открытые селения. Архитектурно-пространственная организация феодальных замков не установлена. У подавляющего большинства из них выявлена в основном только оборонительная система из валов и рвов. Деревянные стены на валах не сохранились. Возможно, это были малые городки, где в случае опасности собиралось население окрестных поселений.

Сельские поселения

Селения составляли подавляющее большинство из поселений Булгарии. Как правило, они располагались вблизи феодальных замков и укрепленных городков, контролировавших сельскую округу. В Предкамье булгарские селения появились с начала XI в. в низовьях рек Меши, Брыски, Шуранки, правых притоков Камы. В XII-XIII вв. на р.Меше существовали Рождественские I, V, VI селения со многими отдельными усадьбами. Археологическими раскопками на них выявлены жилые дома типа землянок, полуземлянок и наземных срубов. Рядом располагались ямы-зернохранилища, навесы с летними печами, иногда колодцы. Планировочная структура их с очевидностью не выявлена, однако по раскопанным материалам выделяются линейная и групповая форма расположения усадеб. При линейной форме усадьбы располагались в ряд вдоль одной стороны дороги, реже - вдоль двух сторон, образуя подобие двухсторонней улицы.

При групповой форме усадьбы образовывали живописную группу, к которой подходила дорога. Такая свободно-скученная форма усадебной застройки являлась древнейшей в регионе и сохранялась в селениях преимущественно нерусских народов до конца XVIII – начала XIX веков. В этом случае, примыкая одна к другой, на берегу речки хаотично располагались патриархальные усадьбы, где свободно размещались дома и хозяйственные постройки. К скученной застройке подходили дороги из соседних поселений. Большие и средние селения представляли группу скученных усадеб, объединенных сетью коммуникаций, образованную основными и второстепенными дорогами. В средневековый период линейная и групповая формы застройки селений были характерны и для древнерусских селений [444, с.18, рис. 6, 1, 3].

На VI Алексеевском поселении зафиксирована скученная застройка. Отдельные дворы непосредственно примыкали друг к другу и разделялись дощатыми заборами. На V Рождественском поселении наблюдалась свободная линейная застройка, когда каждый двор обосабливался территориально [425, с.121-122]. В центре усадьбы располагался один или несколько домов. Они не выходили на улицу, усадьба отделялась от неё оградой. Следовательно, в булгарских селениях улиц как таковых не было, а усадьбы соединялись дорогами, часто обстроенными оградами. Воду в селениях, очевидно, брали из рек и ручьёв. Колодцы на территории булгарских селений пока не обнаружены.

Мусульманские некрополи XII-XIII вв. располагались за пределами поселений, но в непосредственной близости от них за естественным или искусственным рубежом – ручьём, оврагом, рощей, рвом [425, с.130].

Вышеприведенную градостроительную типологию следует дополнить временными стоянками кочевников или поселениями, возникавшими летом при отгонном скотоводстве. Они не оставили следов на поверхности земли, но их существование в Булгарии не вызывает сомнений. С большой степенью уверенности можно предположить их существование вблизи пойменных лугов на реках – притоках Волги и Камы. На них весной перегонялся перезимовавший в городах и селениях скот. Поймы, богатые травами, защищались от пришлых кочевников земляными валами. На надпойменных террасах и низких берегах многих рек выявлены так называемые местонахождения обломков булгарской керамики, монет и других предметов, которые, вероятно, сохранились в местах расположения кочевых станов.

I.2.2. Структура пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии в начале XIII в.

Анализ археологических карт Татарстана, историографических материалов и синтез выявленных элементов всех составных частей позволил реконструировать структуру пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии на начало XIII века (Таблица 5, рис. 1).

Естественно, она не отражает всю полноту реальной картины того времени. Не все населённые пункты выявлены археологически. В ней отражён современный уровень знаний о булгарских поселениях домонгольского периода в Волго-Камье. На схеме представлена степень заселенности в домонгольский период основных зон Булгарии.

Территория Предкамья в булгарский период была заселена относительно слабо. Основные памятники предкамской части Волжско-Камской Булгарии, датирующиеся преимущественно XI-XIII вв., сосредоточены в прибрежной части р.Камы и низовьях р.Меши.

Из ряда выявленных в этой зоне булгарских поселений было только10 городищ, 5 из которых определены археологами как остатки военных крепостей на высоких берегах рек, 4 – как остатки городов: Елабужское (23), Кирменское (14), Кашанское I (Кашан), Чаллынское (13). Вблизи городов и крепостей выявлены немногочисленные сельские поселения. Расположение городов и крепостей в правобережной части Камы свидетельствовало о важности Камского пути для Булгарии. К тому же правобережная полоса издавна была территорией расселения различных племен.

Глубинные территории Предкамья были покрыты густыми лесами, и поселения булгар располагались по берегам Вятки, Мёши и их притоков. С начала XI в. получила развитие крепость в низовьях р.Казанки, ставшая позднее центром одного из булгарских княжеств (областей) [34, с.6].

В Пермской области Рождественское городище связывают с остатками булгарского города XI - XII вв., который в арабских источниках XIII – XV вв. упоминается как Афкуль [564, с.183].

В предволжской части Волго-Камья в домонгольский период располагались города, остатками которых являются Деушевское городище (16) на левом берегу Свияги, Староалейкинское городище (18) на правом берегу Свияги, Красносюндюковское I городище (19). На этом же берегу реки, Богдашкинское городище, являющееся остатками легендарного булгарского города Ошель, Хулашское городище (21), на правом берегу р.Кильны (в 2 км к востоку от р.Свияги), Городищенское городище (17) на правом берегу Волги, Валынское городище (Муромский городок). Крупным торгово-ремесленным поселением городского типа, которое в золотоордынский период времени стало городом, было Междуреченское городище (22) [564, с.17-29].

Южнее располагались два крупных города, от которых сохранились Садовское II и Юловское городище. Последнее – остатки административного центра «Буртасского княжества» на сухопутном торговом пути из Булгара в Киев в юго-западных землях Булгарии. По сравнению с Предкамьем в булгарский период в Предволжье была более густая сеть сельских поселений.

В западной части Закамья было сосредоточено наиболшее количество булгарских городов. Это столица государства Биляр (Великий город или Булгар), портовый городок Булгар, Сувар, Джукетау и т.д. На берегу Волги, южнее Булгара располагался город Балымер (24). Вокруг каждого города Булгарии располагалась сельская округа. По дороге, связывавшей города Булгар и Сувар, стояли два города, на месте которых сохранились городища Кокрятьское (4) и Шмелевское (5). Восточнее Биляра располагалась группа городов (Барско-Енарускинское (1), Щербеньское I (2), Новошешминское I (11), Екатерино-Слободкинское I (12) городища). К северо-востоку от г.Джукетау находился неизвестный город (Малополянское (10) городище). К торгово-ремесленным поселениям на берегу Камы из Биляра тянулась дорога через большие города, от которых сохранились Ромоданское I (8) и Западно-Войкинское (9) городища). На караванном пути из Биляра в Киев лежали города с обширными посадами (Красноключинское (6) и Старонохратское (7) городища). Восточное Закамье в домонгольский период было заселено слабо, и на его территории выявлено 7 городов. Названия многих городов остались неизвестными.

К концу X в. оформилась восточная граница Волжско-Камской Булгарии, которая проходила по р.Шешме. Пограничным пунктом было, вероятно, Саклыкское городище на

правом берегу р.Шешмы [279, с. 36]. Восточное Закамье продолжало оставаться под властью угорских и тюркских кочевников Приуралья. В конце X в. в этот район продолжали прибывать кочевые племена угров (древних венгров), разбивавших временные или сезонные поселения на дюнах. В начале XIII в. угры имели поселения с домами на левом берегу Камы, в низовьях р.Зай и занимались преимущественно скотоводством. На территории между реками Шешма и Зай были булгарские и угорские поселения.

I.2.3. Развитие структуры пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии X – первой трети XIII вв.

Пространственно-территориальная организация государства видоизменялась и развивалась на протяжении трёх веков. Этот процесс протекал под действием различных факторов и условий. Наибольший урон этому уровню градостроительной культуры наносили вторжение кочевых племён и военные действия соседних государств. В результате этого появлялись изменения в структурах расселения и обороны. Внутригосударственные политические изменения вызывали реструктуризацию административно-территориальной организации Булгарии. Следовательно, развитие структуры пространственной организации территории Волго-Камья не всегда было поступательным. Подобные регрессивные факторы развития обуславливали изменения качественных характеристик всех составных частей и элементов пространственно-территориальной организации региона. Схема развития структуры пространственно-территориальной организации региона представляется кривой с различной амплитудой подъёмов и спадов её качественных характеристик. Она отражает различные состояния всей системы градостроительной культуры, проявляющиеся в данном случае на уровне её пространственно-территориальной организации. Мы не в состоянии выявить все факторы и условия развития региона в домонгольский период в виду отсутствия летописных и других исторических источников. Данная схема развития условная и может принимать иные начертания с выявлением новых факторов и условий развития градостроительной культуры региона. Однако синусоидально-цикличный характер развития пространственно-территориальной организации региона останется неизменным (Таблица 5, рис. 2).

I.3. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

1.3.1. Геополитические изменения в Восточной Европе и Евразии в середине XIII в. как фактор образования Золотой Орды и Булгарского улуса

Арабский географ Рашид ад-Дин сообщал, что монгольская армия была направлена на завоевание Сибири, Булгарии, Дешт-и-Кыпчака (южные степи Восточной Европы, где жили кыпчаки), Башкирии, Руси и Черкесии до Дербента [409, с.71-72].

В первой четверти XIII в. территорию Восточной Европы сотрясала многотысячная монгольская конница. Первыми пали Хива, Хорезм (1232 г.), затем Волжско-Камская Булгария (1236 г.), Русь (1237 - 1240 г.). Другая часть войск в это время громила Крым, Придунайские области и углублялась в Западную Европу. В 1250-е гг. монгольские войска опустошили государства Ближнего и Среднего Востока, где образовалось новое монгольское государство Хулагуидский Иран. В результате монгольских походов на завоеванных территориях «опустели земли и обезлюдели страны».

Монгольское нашествие в Азии и Европе с 1229 по 1240-е гг. практически полностью разрушило цивилизованный мир. Летописные авторы Европы и Востока называли эти племена общим именем - «татары». Получив сведения от христианских миссионеров, побывавших во дворах монгольских ханов, европейцы к концу XIII в. узнали, что завоевателями являлись собственно монголы, а именем «татары» назывались покоренные племена и народы. Так их называли по имени одного из тюркских племен, воинов которого монголы ставили впереди своих войск. В завоевательных походах монголов они почти все погибли. Этот этноним перешел к другим племенам, которых монголы продолжали ставить впереди своих войск.

Венгерский миссионер монах Юлиан писал: «Во всех завоеванных царствах они (монголы) без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян, они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли и обязывают тех людей впредь именоваться татарами» [39, с.76]. Однако европейцы, даже хорошо знавшие реалии жизни в Монголии, очевидно, следуя традиции, называли ее жителей татарами и изредка монголами. Правящая верхушка и знать Монгольской империи предпочитала называть себя монголами.

Смерть великого каана в 1241 г. заставила монгольские войска, оставив гарнизоны на завоеванных территориях, вернуться в Монголию. Бату хан, внук Чингиз хана и сын Джучи хана отказался стать великим кааном и стал строить на территории Дешт-и-Кыпчак в юго-восточной части Восточной Европы новое государство Улус Джучи. Это государство современники называли по-разному: арабы – царством северных татар, государством Дешт и-Кыпчак или Улусом Джучи; европейцы – Татарией или страной команов (т.е. кыпчаков); русские – Ордой или царством татар; а его жители – Улуг Улус (Большим или Великим государством). Синонимами слова «улуг» в средние века были понятия золотой, царственный. В эпосе «Идегей» страна именовалась Алтын Урда, т.е. Золотая Орда [470, с.64]. Позднее, в XVI в. это название закрепилось в русских источниках.

Оседлое население Улуса Джучи в XIV в., после распространения ислама, в русских летописях отличалось от татар и называлось «бесермены» (искаженное «мусульмане»). Летописцы при описании боевых столкновений золотоордынцев называли «татары» или «татары и бесермены» (различая, очевидно, военноначальников и рядовых воинов), а мирное население – «бесермены» [480, с.96].

Монгольское завоевание не только уничтожило государства и разорило народы, но и подчинило их военно-административной системе Улуса Джучи. Включение кочевых племен в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимого населения сопровождалось уничтожением или изгнанием старой родовитой знати, массовыми переселениями народов и разрывом прежних родовых связей [500, с. 35 - 43]. В период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры, родовые культы и часть традиций, введен улусно-территориальный принцип военно-административного управления и расселения народов, по которому были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних племен. По сути, монголы растворили в своем государстве кыпчаков, булгар, мадьяр, другие народы, и внедрили в их сознание новое этнополитическое самосознание, при котором они стремились включиться в новую социальную систему, принимая новую этнополитическую идентификацию, как татары [480, с. 88]. Эти процессы в определенной степени были характерны и для оседлых областей Золотой Орды, в том числе и бывшей территории Булгарии.

Основную территорию Золотой Орды составляли степи и лесостепи южной части Восточной Европы. Эти прикаспийские и причерноморские степи издавна были местом обитания кочевников. До прихода монголов градостроительная культура получила в этих районах развитие во времена Хазарского каганата. Столица Хазарии г.Итиль возник в

дельте Волги после 723 года. В Подонье с 830-х гг. существовал г.Саркел. В Прикаспии во второй половине и конце первого тысячелетия существовали города Семендер, Беленжер, Дербент, Баку. После монгольского погрома из руин поднялись только Дербент и Баку.

В XIII в. западная граница Золотой Орды проходила по р.Дунай и в пределы нового государства входило Пруто-Днестровское междуречье, которое с 1260-х гг. являлось улусом крупного монгольского феодала –Ногая. К 1280-м гг. в зависимость от Ногая попадает Дунайская Болгария, вынужденная платить монголам дань (Таблица 6, рис.1).

Северная граница государства подходила к Русским княжествам. К востоку от Рязанского княжества находились лесные районы, тянувшиеся до Волги на 700 км в виде полосы шириной 300 км и заселенные мордвой. С самого начала образования Золотой Орды эти территории вошли в ее состав отдельным улусом, центр которого г.Мокша был основан монголами в начале XIV в. Остатки города сохранились вблизи г.Наровчатова Пензенской области [210, с.104].

Волжско-Камская Булгария была включена в состав Золотой Орды сначала до р.Камы, а в XIV в. до р.Казанки с правобережными районами и преобразована в Булгарский улус. Территория восточнее Суры (современная Чувашия), Предуралье и Южный Урал также были включены в состав Золотой Орды. Восточные границы Золотой Орды проходили в Сибири по р.Иртыш и р.Чулыман и ограничивали Барабинские и Кулундинские степи. Южная граница Орды проходила от оз.Балхаш на запад к южному концу хребта Каратау, далее через район среднего течения Сыр-Дарьи южнее Аральского моря, разделяя область Хорезм на две части. К Золотой Орде относились северные районы с городами Хорезм и Куня-Ургенч, плато Устюрт и полуостров Мангышлак [210, с.45].

На западном берегу Каспийского моря южным пограничным городом был Дербент, от которого граница тянулась вдоль отрогов Кавказского хребта к побережью Черного моря, и северо-кавказские степи входили в состав Золотой Орды. В состав Монгольского государства входили также Таманский и Крымский полуострова своими степными районами. Южное побережье и горные районы Крыма в XIII в. представляли ряд обособленных, полузависимых от монголов владений.

I.3.2. Формирование структуры расселения Золотой Орды в Восточной Европе в XIII –XIV вв.

Река Волга в Золотой Орде являлась главной судоходной и транзитной магистралью, связывавшей не только крупнейшие города государства между собой, но и с другими государствами через Каспийское море. В 1243 г. на левом берегу р.Ахтубы, притока Волги, был заложен г.Сарай, ставший первой столицей Улуса Джучи. В начале 30-х годов XIV в. Узбек-ханом было заложена новая столица Сарай ал-Джедид южнее г.Сарая, ниже по течению и на том же левом берегу р.Ахтубы. Между городами по берегам рек Волги и Ахтубы появилось большое количество мелких городков и поселений, образовывавших обширные оседлые жилые районы, тянувшиеся на десятки километров [210, с. 77] (Таблица 6, рис. 2).

Золотая Орда в период своего расцвета имела обширную территорию, в которую входили высокоразвитые земледельческие районы Хорезма, Крыма, предгорий Кавказа, Приднепровья и Приднестровья, Волжско-Камской Булгарии, юго-западные территории Русского государства и кочевнические районы в южной части Восточной Европы. Другие зоны Русского государства княжества не были включены в состав Орды напрямую с образованием на их территории улуса, а в силу отдаленности остались в даннической зависимости от Орды.

Волжско-Камский регион входил в состав Золотой Орды отдельным улусом, известным как Булгарский, и включал территории всех трех зон на берегах Волги и Камы: Предкамья, Предволжья и Закамья. Большинство городов и селений Булгарии после монгольского погрома не восстанавливалось, в том числе и г.Биляр. Оборонительные

сооружения разгромленных городов и крепостей, в которые вернулось население, были снесены – категорическое требование монгольских ханов ко всем городам своей империи. Оборонительные сооружения оставались исключительно в населенных пунктах, ставших резиденциями даруг - представителей монгольской администрации и баскаков с монгольскими гарнизонами, оставленными на завоеванных территориях. Местное население частью было истреблено, захвачено в плен, частью бежало за р.Каму в северные лесные земли Булгарии, где уже существовали булгарские поселения Казан, Арча и другие.

I.3.3. Элементы пространственно-территориальной организации региона в золотоордынский период

Административно-территориальная структура улуса

Со времени включения территории Волжско-Камской Булгарии в Улус Джучи произошла реорганизация всей админастративно-территориальной структуры управления в регионе. Булгарский улус, как и вся территория Улуса Джучи, получил даружную структуру административного управления, направленную на сбор различных налогов. Даружное деление территории Булгарского улуса, очевидно, в определенной степени преемственно сохранялось позднее в Казанском ханстве [164]. Даруги являлись княжествами главенствовавших в этом феодальном государстве родов-кланов. Поскольку в Улусе Джучи известно пять основных феодальных родов: Барын, Кыпчак, Аргын, Ширин, Мангыт, следовательно, в Булгарском улусе также было, как минимум, пять даруг. Конкретная территориальная локализация даруг Булгарского улуса неизвестна.

Структура расселения

Структура расселения Булгарского улуса Золотой Орды реконструирована на основе опубликованных данных археологических раскопок средневековых поселений, которые в соответствии с определенными признаками отнесены к золотоордынскому периоду (стратиграфия, керамика, вещевой материал). Для точной локализации все известные на сегодняшний день золотоордынские поселения отмечены на карте Волго-Камья в привязке к современным населённым пунктам. Структура расселения относительно точно реконструируется в основном по городам, поскольку они в период «замятни» были опоясаны валами и стенами (Таблица 7, рис. 1).

Местоположение большей части поселений региона в золотоордынский период определено по остаткам валов и археологическим данным. Застройка селений полностью не восстановима. При отсутствии следов оборонительных сооружений местонахождение поселений определялось по остаткам кладбищ и подъёмным материалам.

После гибели г.Биляра, столичные функции в регионе, как центру улуса, переходят к городу Булгар, располагавшемуся в северо-западной части Закамья недалеко от Волги. Возрождение и дальнейшее развитие его в рамках Золотой Орды было обусловлено выгодным географическим положением вблизи Волги. Биляр в золотоордынский период не был восстановлен. Однако возвратившееся после разорения столицы население в 1237-1240 гг. пыталось построить к северу от сожженного города на высоком (40-50 м над рекой) правом берегу р.Малый Черемшан новый город, строительство которого, вероятно, было прекращено после карательного похода монгольских войск. Выжившее население обосновалось в обширном неукрепленном поселении (200 га), остатки которого ныне известны под названием Билярского III (Балынгузского) селища (1). Этому поселению принадлежало обширное кладбище с мавзолеями и надгробными камнями, сохранявшимися до рубежа XVIII – XIX вв. Новый город оказался в окружении сельских поселений золотоордынского времени в 1-1,5 км от разрушенного Биляра. В новом Биляре

в конце XIII в. чеканились монеты, и он был не только городом, хотя и без оборонительных стен, но и центром административной области с одноименным названием [141, с.79]. Однако другие исследователи считают, что монеты с именем Биляр чеканились в Булгаре, а не на поселениях, расположенных вблизи разрушенного монголами Биляра [376, с.160 - 162].

В Закамье от крупных золотоордынских городов сохранились Барско-Енарускинское городище (2) на р.Сульче и Кокрятьское городище (4) на р.Утке. На берегу Волги стоял Балымер (3). Южнее его, на дороге к золотоордынской столице находились Симбир и неизвестный город, от которого сохранились Старо-Майнское городище (9). Небольшой булгарский городок (25) (ныне Междуреченское городище на Самарской Луке) в золотоордынский период стал крупным городом [564, с. 17 - 29].

В золотоордынский период продолжали существовать с некоторыми изменениями также города Джукетау, Керменчуг, Казань. Домонгольский г.Джукетау в рамках оборонительных стен практически не содержит материалов золотоордынского периода. Он утратил укрепленную часть и развивался на территории посадов домонгольского периода вдоль берега Камы. Казань вошла в состав Булгарского улуса только в начале XIV в.

Среди золотоордынских поселений Предволжья выделены три группы, которые сосредоточивались вокруг крупных городов. Так, к городу (14 - Деушевскому городищу) с прилегавшим обширным селением тяготели кладбища с мусульманскими надгробиями XIII-XIV вв. (Мало-Кайбицкое, Шам-Булыхчинское, Кулганское) и ряд городов (19 - Танай-Тураевское, 20 - Чуру-Бурашевское, 21 - Шонгутское и другие). С городом на месте Больше-Кляринского городища (11), скорее всего, были связаны поселения со средневековыми кладбищами Больше-Кляринское, Сюкеевское (13), Салтыгановское, Старо-Казеевское и городища Уразлинское (12) , Девичья гора (Сюкеевский взвоз) (13а). С легендарным городом Тысячедомный Шунгат, отождествляемым со II Больше-Атрясским (16) селищем с его огромными кладами монет, связано одно из крупных и хорошо сохранившихся кладбищ – Больше-Атрясское [492, с.55]. Еще в середине XX с.Большие Атряси называлось просто Атряч. Это название следует считать антропонимом, и вероятно, что оно восходит к некому Атрячу, упоминаемому в эпитафии на одном из надмогильных камней Больше-Атрясского древнего кладбища. Не исключено, что уже в XIV веке город мог называться Атряч, являясь, при этом, центром области Шунгат. В этом городе чеканились монеты с именем Шунгат [753]. Вблизи города Тятеш (15) на месте современного города Тетюши располагалось несколько городов (17 - Больше-Шемякинское, 18 – Льяшевское, Больше-Тарханское, Урюмское) [126, с. 96].

Помимо выше перечисленных городов в бассейне Свияги существовали и другие на месте городищ Альменевское (23), Тавлинское (22), Городищенское (10), Луковское (24), из которых два последних существовали и в домонгольский период. Появление у этих городов оборонительных поясов в виде валов, рвов и деревянных стен может быть связано с ослаблением центральной золотоордынской власти и опасностью набегов кочевников во второй половине XIV в. Собственные названия городов не сохранились.

Коммуникационный каркас

Города и селения Булгарского улуса связывались дорогами различного значения. Реконструированы только самые значительные из них соединявшие столицу Булгар с крупными городами региона. Картографирование поселений Булгарского улуса на Геометрическом специальном плане Казанской губернии 1744 г. показало вероятные дорожные связи между ними и Булгаром, Сараем ал-Джедитом, улусными центрами и крупными городами Золотой Орды, сохранявшимися с раннего средневековья и составлявшими сухопутный коммуникационный каркас региона в золотоордынский

период. В золотоордынский период произошли изменения в прежнем сухопутном коммуникационном каркасе (Таблица 7, рис. 2).

Большие дороги связали Булгар со столицей и крупными городами Золотой Орды. Из областных центров дороги сходились не в Биляре, как прежде, а в Булгаре. В Предволжье появились тракты, соединившие крупные города на месте Деушевского, Альменевского, Тавлинского и Луковского городищ, а в Предкамье – на месте Старо-Зюрейского, Берсутского, Омарского городищ. Сохранил своё значение караванный путь из Средней Азии, пролегавший через Биляр в Булгар. Структура водных коммуникаций региона развивалась за счет освоения рек в глубине территорий, где появлялись новые поселения.

Структура обороны Булгарского улуса

Структура обороны региона также понесла значительный урон после вхождения в состав Золотой Орды. Став её составной частью, Булгарский улус не нуждался в защите прежних границ. Протяжённые элементы обороны рвы и валы во многих местах были соответственно срыты и засыпаны. Оставшиеся рвы – оплывали и зарастали кустарниками и деревьями. Крепости остались только в стратегически важных для монгольского государства местах – вблизи крупных городов, переправ и т.д., где расположились монгольские гарнизоны. Основными элементами государственной обороны служили мобильные военные отряды.

Синтез рассмотренных всех составных частей и элементов позволил реконструировать структуру пространственно-территориальной организации Булгарского улуса Золотой Орды (Таблица 8, рис. 1).

I.3.4. Развитие пространственно-территориальной организации Булгарского улуса Золотой Орды середины XIII – середины XV вв.

Монгольская администрация, очевидно, не была заинтересована в экономическом развитии бывшей Билярской округи Булгарии. Она была удалена от рек Волга и Кама, которые являлись основными коммуникациями в формировавшемся государстве Улус Джучи. Из многочисленных булгарских ремесленно-торговых поселений, располагавшихся по берегам левых притоков р.Камы, в золотоордынский период возродилась только часть.

Золотоордынские правители не возводили новые города в Булгарском улусе. Городищ, датированных только золотоордынским временем, неизвестно. В Закамье выявлено 85 селений золотоордынского периода, из которых 51 селение возникло в указанный период, а остальные продолжали существовать с домонгольского времени. Селения группировались в северной половине Западного Закамья по левому берегу Камы и её притокам: Шенталка, Бахта, Курналинка, Толкишка и другим. По левобережью Волги селения золотоордынского периода известны в окрестностях Булгара, на водоразделе р.Бездны и р.Утки. В нижних течениях рек Малый и Большой Черемшан и Сульча золотоордынские поселения не выявлены.

В золотоордынский период вследствие перемещения людей с юга и увеличения населения в центральных и северных районах Предволжья активно осваивались низовья Свияги, а также правобережье Волги. Здесь зарегистрированы остатки более 75 золотоордынских поселений. После монгольского нашествия прекратили существование селения на Верхней и Средней Свияге. В нижнем течении рек Кубня и Бирля, притоков р.Свияги, выявлены эпиграфические памятники периода Золотой Орды, что свидетельствует о существовании здесь селений.

В Предкамье в золотоордынский период увеличилось население, которое расселялось в бассейнах правых притоков рек Кама и Казанка. Большим торгово-ремесленным центром округи в бассейне последней становится поселение Иске-Казан, существовавшее на месте Урматского селища. Во второй половине XIV в. в городе появилась цитадель с оборонительными стенами (Камаевское городище). Несколько золотоордынских поселений существовало на р.Ашит. В золотоордынское время продолжали развиваться города Арча и Керман. По мнению А.Г.Мухаммадиева и А.Г.Ситдикова, Казань первоначально носила название Керман, а в XIV в. город получил современное название.

Во второй половине XIV в. территория Предкамья заселялась еще плотнее за счет продолжавшегося переселения людей на север за Каму из Закамских территорий. Это было связано с начавшимся распадом Золотой Орды, известным по летописным источникам как «Великая замятня». Изменения, произошедшие в регионе в золотоордынский период, особенно наглядны при сравнении структур пространственно-территориальной организации Булгарии и Булгарского улуса.

Схема пространственно-территориального развития региона представляет собой кривую (Таблица 8, рис. 2). Она отражает спады и подъёмы качественных характеристик пространственно-территориальной организации региона под влиянием основных факторов и условий в золотоордынский период развития. Наиболее значимые из них обусловили кризисные явления в организации региона: массовое переселение в регион кочевого населения из других регионов Золотой Орды, карательный поход Булак-Тимур хана в 1367 г. на Булгарский улус, поход русских войск в 1431 г. на Булгар. При этом не учтены те факторы и условия, которые имеют предположительный характер, хронологически точно не определены или не имели решающего значения в развитии региона. На схеме видно, что наивысший уровень развития пространственная структура территориальной организации региона имела в середине XIV в., до наступления периода «замятни» и карательного разгрома региона войсками Булак-Тимур хана. После кризиса, отмеченного точкой 2, регион восстанавливался без кардинальных потерь. После очередного кризиса (3) в виде распада Золотой Орды и разгрома Булгара в 1431 г. регион потерял поступательное развитие, и эта часть градостроительной культуры была реструктуризирована в новое образование – пространственно-территориальную организацию региона в рамках Казанского ханства.

I.4. ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В ПЕРИОД КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI В.

I.4.1. Влияние геополитических и пространственно-территориальных изменений в Восточной Европе и Евразии в середине XV В. на развитие Волго-Камья. Условия образования татарских ханств

После периода распада Золотой Орды конца XIV – первой половины XV в. представители правящего дома Чингизидов сформировали в различных регионах Восточной Европы и Евразии независимые ханства: Казанское, Крымское, Астраханское (Таблица 9, рис.1 - 2). С ними было связано Касимовское ханство, существовавшее на юго-восточной границе Московского государства и под его протекторатом. Образование татарских ханств в Восточной Европе сопровождалось административно-территориальной реорганизацией пространств бывшей Золотой Орды и формированием новых столичных центров. Эти столичные города: Казань - Казанского ханства, Кырк-Иер, Бахчисарай - Крымского ханства, Хан-Керман (Касимов) - Касимовского ханства, Хаджи-Тархан - Астраханского ханства, наряду с крупными городами Московского государства и

Великого княжества литовского отражали основные тенденции развития градостроительства в Восточной Европе середины XV – середины XVI вв.

Столичные степные города в низовьях Волги Сарай-Бату и Сарай ал-Джедит практически лежали в руинах. Центральный регион Золотой Орды в низовьях Волги вновь превратился в сплошные кочевья. В бывших окраинных улусах стали формироваться самостоятельные государства, в которых в дальнейшем складываются свои этносы. При сохранении в них социально престижного макроэтнонима «татар», появились новые этнонимы по имени хана (узбеки, ногаи, шейбаниды) или по названию местности или главного города – казанцы, крымцы, касимовцы. Наименование страны и народа по названиию господствующей элиты было характерно для средневекового общества Средней и Центральной Азии.

Некоторые этносы в своем развитии стали народами, другие – растворились среди других этносов. Однако почти все они, выйдя из Улуса Джучи, сохранили в своем составе сходные племенные этнополитические кланы – мангыт, барын, кыпчак, аргын, ширин, а также общее обозначение военной знати – татары. По мере усложнения этнополитической структуры Улуса Джучи содержание термина «татары» менялось. В XIV – XV вв. оно уже связывалось с имперской военно-служилой знатью. В татарских ханствах сохранялись прежние золотоордынские социально-политические структуры, прежняя религия – ислам, клановая система. Этнический термин «татары» приобрел социальное значение. Это обозначение военно-служилой знати бытовало в Волго-Камье до XVII в. и зафиксировано в русских источниках термином «служилые татары», под которым понимали нерусских, преимущественно мусульманских помещиков – служилых дворян. Им противопоставлялись тягловые слои местного населения, платившие ясак – «ясачные чуваши» и «ясачные татары» [264, с.61-102]. «Чернь» (ясачное население) Казанского и Касимовского ханств генетически восходила в целом к более ранним, дозолотоордынским и золотоордынским этническим обществам. Знать в Казанском ханстве, как и в других ханствах, являлась в определенной степени экстерриториальной группой, обладавшей правом перемещения из одного ханства в другое. «Черное», зависимое население было «привязано» к государственной земле через принадлежность к имевшимся в ее составе «юртам» - княжествам. Это было характерно и для других татарских ханств.

Некогда единый Булгарский улус распался на несколько княжеств: Булгарское, Джукетауское, Кашанское, Казанское, Кирменчугское, Шонгатское, которыми управляли местные князья, не являвшиеся чингизидами. В 1431 г. русскими войсками был захвачен и разрушен центр Булгарского княжества (закамская часть бывшего Булгарского улуса) - г.Булгар. Закамская зона Волго-Камья экономически ослабла и стала приходить в упадок. Казань превратилась в центр региона, где правил сын булгарского правителя Габдуллы Гали-бей (по русским летописям – Либей). В 1438 г. он был свергнут золотоордынским ханом Улу-Мухаммедом (по другим данным в 1445 г. его сыном ханом Махмутом). Утверждение на престоле представителя династии Чингисидов означало создание самостоятельного государства - Казанского ханства. (Таблица 9, рис.3).

Одним из крупных ханств было Крымское ханство. Из г.Солхат хан Хаджи-Гирей перенес административный центр ханства в город Кырк-Иер, превратив старую часть города в укрепленную цитадель. В дельте Волги Возникло Астраханское ханство с центром в г.Хаджи-Тархан.

В одном ряду с этими постзолотоордынскими государствами, и особенно Казанским ханством, стояло Касимовское ханство (Мещерский юрт). Касимовское ханство со столицей Хан-Керман (Ханская крепость, позднее Касимов) образовалось в 1446 г. на месте Городца Мещерского с прилегающими землями. Городец Мещерский основан Ю.Долгоруким в 1152 г. на берегу Оки для охраны границ Владимиро-Суздальского княжества. В период Золотой Орды он стал центром Мещерского улуса, управлявшегося татарскими князьями. В 1373 г. в период «Замятни» Городец был разгромлен войсками Мамая, а позднее перешёл к Московскому княжеству. В 1444 г.

московский князь Василий II попал в плен к татарам. В качестве откупа в 1446 г. он отдал Городец Мещерский с уделом сыну золотоордынского хана Улу-Мухаммеда Касиму. Здесь проживали татары из различных регионов бывшей Золотой Орды: Булгарского, Крымского, Центрального нижневолжского улусов.

Для государств – наследников Золотой Орды в XV-XVI вв. было характерно взаимодействие на основе общих механизмов: правление представителей дома Чингизидов (монголов); общность правящих феодальных кланов; родственные связи между высшими духовными мусульманскими должностными лицами – сеидами. Наиболее интенсивными в XV-XVI вв. были контакты между Крымским, Казанским и Касимовским ханствами. Эти три ханства управлялись близкими родственниками. Жены многих ханов происходили из правящих домов Астраханского, Тюменского ханств, Ногайской Орды. Материальная культура этих ханств, восходившая к культуре Золотой Орды, имела много общего, особенно для феодальных верхов. Между этими ханствами и Московским государством в Восточной Европе располагались обширные территории, на которых кочевала Ногайская орда и многочисленные группы кочевников некогда единого оседло-кочевого государства Золотая Орда. В систему контактов татарских ханств Ногайская Орда вписывалась через мангытский клан.

Важную роль в объединении всех сословий Казанского ханства в единый народ играл ислам и восприятие себя через конфессиональный спектр как единой общности – мусульман. До конца XIX коренное население Волго-Камья не называло себя «татарами», а только «мусульманами», хотя в официальных русских документах местное население называлось татарами с указанием отношения к ясачным или служилым.

I.4.2. Структура пространственной организации территории региона в составе Казанского ханства

Пространственно-территориальная организация Казанского ханства являлась составной частью градостроительной культуры региона. Она включала такие элементы, как: коммуникационный каркас; структура обороны государства; структура расселения; административно-территориальная структура государства. Немаловажное значение в пространственно-территориальной организации региона имел ландшафт. Значение пространственно-территориальной организации для любого города ханства заключалось в их определённом месторасположении на территории ханства, связях с центрами улусов ханства и другими городами и столицами государств.

Для исследования изменений в структуре расселения региона в составе Казанского ханства основными источниками служили Писцовые и Переписные книги, написанные после включения региона в состав Московского государства, историографические материалы и данные археологических исследований. Археологами и историками установлено и картографировано большинство населенных пунктов периода Казанского ханства [36; 569]. Изменения в структуре расселения Казанского ханства были обусловлены сменой государственно-политического устройства. Вместо Булгара столичные функции перешли к Казани.

I.4.3. Элементы пространственно-территориальной организации Казанского ханства

Административно-территориальная структура и коммуникационный каркас ханства

Территория Казанского ханства разделялась на пять административно-территориальных образований - даруг: Арскую – на северо-востоке, Зюрейскую - на юго-востоке, Ногайскую – на юге (в неё входила и Горная сторона на западе), Алатскую – на севере, Галицкую – на северо-западе от Казани [291, с. 35]. Даруги имели волостную

структуру (сотнями), формировавшуюся более мелкими улусами (десятками). Подтверждением этому служило существование управлявших волостями и улусами сотских и десятских князей, которые упоминались в исторических источниках. Они являлись помещиками, получавшими от хана землю за службу. Представители высшей знати владели наследственными вотчинами.

По данным последних исторических исследований, даруги в Казанском ханстве имели политико-административное назначение, они являлись княжествами (юртами, бейликами) отдельных, главенствовавших в этом государстве родов-кланов. Алатская даруга являлась княжеством рода барын, Арская – кыпчак, Галицкая – аргын, Зюрейская – ширин, Ногайская – мангыт [163, 2002]. Как правило, даруга называлась по-центральному поселению. Город Алат находился у современных селений Старый Алат и Казаклар Высокогорского района РТ, Арча - в центре современного г.Арск. Центр Зюрейской даруги выявлен на месте села Старые Зюри Тюлячинского района РТ.

Даружная организация ханства являлась наследием Булгарского улуса Золотой Орды, где существовала такая же структура, точная локализация которой пока остается неясной. При образовании Казанского ханства произошла её реорганизация с перемещением центра в Казань. Образовались и другие центры даруг. Возможно, что при этом была учтена прежняя принадлежность волостей, улусов и поселений даругам определенных кланов.

Даруги ханства были увязаны с основными транспортными магистралями, начинавшимися в Казани. По традициям Золотой Орды, административно-управленческий смысл был придан не всем транспортным коммуникациям региона, а только связывавшим Казань с даружными центрами. Они становились магистральными сухопутными путями - трактами. Поселения по этим трактам и по их большим и малым дорожным ответвлениям входили в соответствующие административные единицы – даруги–округа, которые на карте ханства представляли собой треугольники с одной вершиной в Казани [164, с.273]. Такое деление территории ханства очень напоминало Великоновгородские пятины, которые также имели форму треугольных в плане областей, начинавшихся от определенных концов Великого Новгорода. Дороги от ворот Казани вели в центры даруг, в г.Сарайчик - центр Ногайской орды, в столицу Московского государства, в Крым и т.д.

Административные преобразования региона в течение нескольких веков в составе Московского государства, а затем Российской империи учитывали прежнюю значимость Казани и сохраняли её в качестве регионального центра. На карте Российской империи, изданной Академией наук в 1745 г. в Санкт-Петербурге, регион обозначен как Казанское царство, что свидетельствовало о преемственности административно-территориальной организации Казанского ханства и Волго-Камья в XVIII в. (Таблица 10, рис.1). Крупные дороги ханского периода также сохраняли преемственное функционирование как крупные тракты Казанской губернии в конце XVIII - XIX вв.

В регионе, разделенном реками Волгой и Камой, водный коммуникационный каркас с переправами, бродами, пристанями в отсутствии мостов имел огромное значение. Наиболее древними связями вплоть до середины XX в., были переправы через р.Каму у современных сел Епанчино (Мансурово) и Шураны. Ногайская дорога из Казани шла на г.Лаишев, затем раздваивалась в юго-западном и юго-восточном направлениях. Одна ветвь шла к переправе на Каме у с.Епанчино. На левом берегу Камы дорога пролегала через г.Спасск и Булгар (с XVIII в. с.Успенское) к переправе через Волгу, на противоположном берегу которой находился г.Тетюши. Другая ветвь дороги от Лаишева спускалась к Каме у с.Шураны. На левом берегу Камы к этой переправе стягивались дороги от Джукетау (совр. г.Чистополь), Биляра, Булгара, Кокрятьского городища и других крупных населенных пунктов. От позднего Чистополя дорога уходила на юго-восток в Бугульму и далее в Оренбург. В Волжско-Камской Булгарии и Булгарском улусе Золотой Орды это была караванная дорога, связывавшая регион со Средней Азией.

Другая дорога от Чистополя шла на восток вдоль Камы к переправе у с.Омары, расположенном на высоком правом берегу. К этой переправе спускались дороги от г.Мамадыш и с.Старые Зюри, на месте которого в Казанском ханстве находился город – центр Зюрейской даруги. В основе сети коммуникаций Казанского ханства лежали большие дороги Булгарского улуса Золотой Орды. В ханский период в этой сети появились новые дороги в Предкамье, связывавшие Казань с центрами даруг.

Предволжье связывалось с Предкамьем переправами, которые располагались в районе современных селений Верхний Услон и Васильево. Верхнеуслонская переправа была более древней. Через нее проходила Крымская дорога из Казани на юг. Она раздваивалась. Одна часть дороги тянулась по правому берегу Волги через поселение Старый Атряч, вблизи которого в Булгарском улусе Золотой Орды существовал крупный город Шунгат [753], к городу Тятеш (современный г.Тетюши) и далее в Симбир (ныне Симбирск). Другое ответвление Крымской дороги уходило на юго-запад и юг в Буинск и возвращалось в Симбирск. После Симбирска Крымская дорога вновь становилась единой. Другая переправа находилась западнее места впадения р.Свияга в Волгу. Дорога после нее выводила на Свияжск и далее на Московский тракт.

Автором выполнена реконструкция сухопутного каркаса Казанского ханства. Земли к северу от Казани входили в Алатскую даругу, получившую название по городу Алат на левобережье среднего течения р.Ашит. Большой Алатский тракт из Казани вел в Вятские земли через селения Кадыш, Альдермыш, Дубъяз, Алат, Большая Атня, Старый Ашит, через р.Ашит, марийские волости бассейна верхнего течения р.Илеть. Иногда Галицкая даруга рассматривалась как часть Алатской даруги и называлась в источниках Алатско-Галицкой.

Арский тракт пролегал от Казани в северо-восточном направлении к г.Арску по левобережью р.Казанки. У Арска он пересекал реку и пролегал по правому берегу р.Казанки через городок Малмыж, уходил в Вятскую землю и далее в Пермский край. Арская дорога позднее стала называться Сибирским трактом.

Ногайская даруга включала в себя земли ханства к югу от Казани. Через земли даруги пролегал одноименный сухопутный тракт. В Предкамье территория Ногайской даруги с севера и востока ограничивалась землями Зюрейской даруги, с запада – Волгой, на юге – уходила за р.Каму и охватывала территорию Западного Закамья. На правобережье Волги к Ногайской даруге относились прибрежные поселения от южной границы Свияжского уезда периода XVI-XVII вв. и ниже, включая и г.Тятеш. Территория позднего Свияжского уезда до р.Волги в ханский период входила в Галицкую даругу.

Галицкая даруга начиналась в западных окрестностях Казани и включала северо-западные районы современного Татарстана по левобережью Волги. Галицкий тракт из Казани проходил через с.Карагузя (с.Б.Кургузи Зеленодольского района РТ), с.Яки, Илетьский городок в нижнем течении р.Илети через марийские земли к русскому г.Галичу в левобережье верхней Волги.

Центральные районы Нагорной стороны (Предволжья) входили в Крымскую даругу, через которую от Крымских ворот Казанского посада, по левому берегу оз.Кабан в Крымское ханство отходила Крымская дорога. Татарско-ханские названия дорог сохранялись на картах Казанской губернии до конца XVIII – начала XIX вв.

Сравнительный анализ карт (геометрических планов) Казанской губернии 1796, 1822, 1871 годов показал, что природно-ландшафтные условия и преемственность традиций в административно-территориальной организации региона обусловили сохранение и длительное функционирование средневековых речных и сухопутных коммуникаций. В основе коммуникационного каркаса региона этого времени лежала дорожная сеть Казанского ханства. На протяжении XVIII-XIX вв. появлялись новые почтовые тракты, соединившие Казань с Оренбургом, Царевококшайском, Симбирском, Уржумом и другими городами, возникавшими по мере развития Российского государства.

Важное значение сохранял водный коммуникационный каркас с исторически сложившимися переправами и бродами на реках Кама, Волга и их притоках.

Структура расселения

В Казанском ханстве структуру расселения формировали города, крепости, замки и селения. После развала Золотой Орды в Волго-Камье изменилась прежняя структура расселения и стала выстраиваться новая. Столицей ханства стала Казань. Формирование иной даружной структуры обусловило появление новых городов в Казанском ханстве – центров даруг: Иске-Казан, Чаллы, Арча (Арск), Алат, Зюри. Из прежних городов Булгарского улуса, потеряв былое значение и значительно сократившись в размерах, сохранялись города Булгар, Кирменчуг, Джукетау, Кашан. Основным типом населённых пунктов Казанского ханства были сельские поселения (аулы).

Переселение людей на новое место в средневековый период осуществлялось в составе целого племени или большими родственными группами, патриархальными семьями. Они образовывали одно или несколько родственных селений. Наложение на местную структуру расселения даружной административно-территориальной структуры управления привело к закреплению в Казанском ханстве принципа кланово-родственного расселения. Подтверждением этому служило многовековое бытование в среде сельского и городского татарского населения древнего праздника «джиен». «Джиен» а переводе с татарского означает «сбор», праздник встречи родственников. Родственная основа этих праздников, территориально-окружной принцип организации, исторически сложившаяся последовательность проведения их по округам, определенная связь джиенных округов с историческими памятниками конкретной территории, а также с языковыми и бытовыми особенностями их населения свидетельствовала о значении джиенов как определенных общественно-территориальных единиц. Существовала прямая связь джиенных округов с феодально-иерархической системой Казанского ханства [481, с. 196-199]. В этом аспекте термин «джиен» имел и второе значение – «округ» (Таблица 10, рис.2-3).

Селения, связанные общностью происхождения, входили в джиен, жители которого были связаны родственными узами. Такие селения, как правило, располагались цепочками по берегам малых рек, вдоль которых тянулась дорога, связывавшая их с крупным трактом даруги или его ответвлением. Соседние группы селений не всегда входили в один джиен. Во взаимосвязи отдельных групп селений просматриваются глубинные причины, возможно, связанные с принадлежностью их к разным правящим кланам, существовавшим в ханстве. В ханский период сельская община состояла из отдельного аула, представлявшего собой самостоятельную хозяйственную единицу и состоявшего из совокупности больших семейств со своим хозяйством [481, с. 205]. С них взимался ясак, который представлял собой традиционную форму налоговых сборов в денежном или натуральном виде за пользование землей. Существовало нераздельное пользование лесами, пастбищами и другими угодьями членами общины, но пахотные земли находились в индивидуальном пользовании больших семейств и делились внутри общины.

Двор находился в наследственном владении семьи и служил единицей обложения налогом. Под двором здесь следует понимать не только территорию с жилыми и хозяйственными постройками, но и пахотные, и сенокосные угодья, принадлежавшие крестьянской семье. Исследователи ясачного землевладения Волго-Камья указывают на его сходные черты с черносошным землевладением крестьян Русского Севера [481, с. 205 - 206].

Для других народов Казанского ханства исторически сложившимся в ландшафтных условиях региона также являлся прибрежный (овражно-речной) тип заселения. Селения их издревле располагались в долинах по течению речек, по склонам или краям оврагов. По принципу группировки на местности селения народов региона, в

том числе и татар, относились к гнездовому типу. В долине реки или ручья на расстоянии 10-15 км размещались гнезда деревень. В расселении татар различали два типа гнезд: осевой и скученный (Таблица 11, рис.2).

Расстояние между селениями одного гнезда было 2-3 или более км. Гнездовой тип скученного вида группировки селений был распространен реже и объединял 4-6 селений. Они группировались вокруг одного более крупного по величине и наиболее древнего селения. В этом случае гнездо селений часто располагалось на берегах двух-трех мелких речек, вливавшихся в более крупную реку. Очень часто основные селения таких гнезд становились рыночными или волостными центрами. Группировка татарских исторически сложившихся селений на местности сохраняется в настоящее время.

Из всех элементов пространственно-территориальной организации региона структура расселения была наиболее уязвимой. При внутригосударственных переворотах, военных действиях соседних государств города и селения в первую очередь подвергались захвату и уничтожению. Сложение и развитие структуры расселения ханства протекало в условиях периодического уничтожения и восстановления её частей. При этом некоторые её элементы в виде сельских поселений и замков приходили в запустение и их в русских источниках называли пустошами.

Структура обороны ханства

Элементами, формировавшими структуру обороны ханства, являлись протяжённые валы, засечные линии и военные крепости. Бытовавшие в булгарскую эпоху на территории Волго-Камья протяжённые валы в составе Золотой Орды утратили своё значение. Одним из немногих в Казанском ханстве был возобновлён вал в южной части Предволжья – Карлинский, защищавший от набегов постзолотоордынских кочевников правобережные территории ханства к западу от Волги. Для лесистой зоны Предкамья – основной территории Казанского ханства, большое значение имели засечные линии, препятствовавшие продвижению конницы.

Военные крепости ставились в стратегически важных местах: вблизи переправ, устьев рек, крупных городов, на пересечениях важнейших дорог государства. Точное месторасположение большинства засечных линий и крепостей невозможно восстановить. Однако достоверно установлено существование деревянной крепости на Зилантовой горе в устье р. Казанки, а также крепостей на правом берегу Камы, установленных на «горах» вдоль реки. Помимо этого, местоположение части ханских крепостей установлено по военным крепостям русского периода, преемственно размещавшихся в стратегически важных для государства местах (Таблица 11, рис.1).

В Казанском ханстве, как и большинстве средневековых государств, границы были «плавающими», также как и границы между даругами. Оборонительная структура ханства состояла из точечных объектов – военных крепостей, незначительных по длине заградительных валов и засек, которые не могли полностью защитить территорию от врагов. Поэтому в эту структуру можно включить и укреплённые оборонительными стенами города. К ним относились Казань и даружные центры. Элементы оборонительной структуры ханства также были подвержены периодическим разрушениям и восстановлениям. Этому способствовали военные действия противника и решения и усилия ханской администрации.

I.4.4. Изменения пространственно-территориальной организации региона в составе Казанского ханства

По результатам исследования реконструирована структура пространственно-территориальной организации Казанского ханства (Таблица 12, рис.1).

Для восстановления структуры выявлены и синтезированы все её основные элементы на середину 1540-х гг. Она отражает состояние пространственно-территориальной организации ханства до его падения. На сложение и развитие пространственно-территориальной организации ханства оказывали воздействие определённые факторы и условия.

На развитие административно-территориальной структуры государства влияли интересы хана, его администрации в лице представителей правящих кланов, выливавшиеся в законы и указы ханов и администрации. Они вызывались военными столкновениями с соседними государствами и политическими потрясениями внутри властных структур, признанием или отрицанием властью прав различных этносов ханства на традиционные территории расселения и т.д.

На развитие коммуникационного каркаса ханства воздействовали государственные стратегические интересы, торговая значимость городов и поселений, изменения в административно-территориальной структуре региона, традиционные связи с определёнными городами и регионами государств Восточной Европы и Евразии.

На развитие структуры расселения ханства влияли планы и устремления властных структур и знати, основывавшие новые города, замки и селения; военные угрозы или действия, вызывавшие переселения людей; изменения прав собственности на землю; сохранение или утрата традиционных ареалов расселения и т.д.

Схема развития структуры пространственно-территориальной организации Казанского ханства отражает её изменения за время существования. С образованием Казанского ханства в градостроительной организации Волжско-Камского региона произошли заметные изменения. С массовым переселением населения в северную половину региона возросла плотность структуры расселения в Предкамье и Предволжье. Степное Закамье, не считая прибрежных территорий по Волге и Каме, к середине XV в., стало слабозаселенным. Там сохранялось незначительное количество прежних поселений, с юга переместились отдельные кочевья Ногайской орды. Вблизи культовых и мемориальных сооружений центральной части Булгара жизнь продолжалась в XV - начале XVI вв. Закамские города приходили в упадок и постепенно переставали существовать.

В момент образования ханства его территория ограничивалась размерами Казанского княжества. К 1463 г. Махмуд хан, представитель династии Чингизидов и основатель ханства, расширил его территорию путём присоединения территорий княжеств Кашанского, Кременчугского, Джукетаусского, Шунгатского, Булгарского. Административно-территориальная структура ханства была реорганизована в Алатскую, Галицкую, Ногайскую, Зюрейскую и Арскую даруги. На территории всех этих княжеств сложилась даружная административно-территориальная структура и видоизменилась прежняя сеть коммуникаций. Новые дорожные тракты связали Казань с центрами даруг. Прежние караванные пути переориентировались с Булгара на Казань и стали частью Ногайского, Крымского, Московского и других трактов.

В 1480-е годы на территорию Волжско-Камского региона вошла Ногайская Орда, и это вызвало конфронтацию между ней и Казанским ханством. В результате политического компромисса северо-западное Приуралье вошло в состав Мангытского княжества, т.е. Ногайской даруги Казанского ханства. Из Казанского ханства в Ногайскую Орду выплачивали «выход» (годовой налог), собиравшийся с Мангытского юрта. В него входили территории позднейших Казанской и Осинских даруг Уфимского уезда и бассейнов рек Сылвы и Ирени в Кунгурском уезде.

Сравнение структур пространственно-территориальной организации ханского и золотоордынского периода показало, что в ней произошли изменения. Образовалась новая иерархия городов и новый центр региона – Казань. Значительно уплотнилась сеть сельских поселений в Предволжье и Предкамье. Закамье из зоны высокой градостроительной культуры превратилось в кочевья с рыхлой сетью оседлых поселений,

в которой уже не было значительных городов. Постоянно функционировали исторически сложившиеся переправы на Волге, Каме и других реках.

Периодическая конфронтация Казанского ханства с Русским государством приобретала форму набегов на соседние территории. Прохождение войск разрушало часть структуры расселения государства, разорялись и горели города и селения. Такие периоды хаоса сменялись периодами восстановления и дальнейшего развития.

Следовательно, пространственно-территориальная организация Казанского ханства как часть градостроительной культуры трансформировалась с проявлением изменений на уровне городов. Упадок или гибель золотоордынских городов региона, появление новых или изменение статуса прежних городов и поселений способствовали изменениям структуры расселения, коммуникационного каркаса, оборонительной и административно-территориальной структур региона в составе Казанского ханства. В этой структурной организации Казань, как столица, занимала особое место, к которому стягивались главные дороги государства, располагались важные торговые ярмарки, крупный порт на Волге и.д.

ГЛАВА II

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ВОЛГО-КАМЬЯ

II.1. ГОРОДА ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ

II.1.1. Условия их формирования булгарских городов

Булгарские города региона рассматриваемого периода в настоящее время сохранились как градостроительно-археологические памятники в виде городищ с остатками рвов и валов. Анализ сохранившихся булгарских городищ позволил провести систематизацию булгарских городов по пространственно-территориальной организации и условиям использования рельефа местности для обороны, начертанию линий оборонительных сооружений.

Традиционная пространственно-планировочная структура городов Булгарии была секторно-мысового и замкнуто-криволинейного типов при расположении в ландшафте между оврагами, реками и т.д., что направляло развитие их посада в определенную сторону. В Булгарии к городам секторного (секторно-мысового) типа относились Булгар, Джукетау, Казань и многие другие. В городе внутренними стенами выделялась цитадель, вмещавшая княжеский двор, мечеть, баню-хаммам и т.д., так называемый внутренний город (кремль), и наружный город (посад). Коммуникации общегородского значения связывали цитадель с проездными воротами и образовывали веерную планировочную структуру города. В городах секторно-мысового типа внутреннее пространство раскрывалось к оборонительному рубежу с напольной стороны. Города этого типа развивались на протяжении всего средневекового периода, вплоть до Нового времени. Ярким примером города секторного типа может служить Золотарёвское городище, укреплённая часть которого была разделена поперечными стенами на несколько частей.

Замкнуто-криволинейный тип пространственно-планировочной структуры определялся ландшафтными условиями расположения поселения на нескольких мысах между оврагами или реками, и контур города мог принимать различные очертания. Кремль, как центр пространственной структуры, мог располагаться в любом месте, отвечающем наиболее благоприятным условиям обороны города. От расположения кремля зависела направленность городских коммуникаций и локализация проездов в оборонительной системе города. Городская застройка разрывалась в местах нахождения торговой площади, пересечения общегородских коммуникаций и перед проездными башнями, образуя участки открытых пространств. Пространственная структура города лучше раскрывалась извне, с дальних подступов. В вертикальной композиции булгарского города большую роль играл ландшафт с горизонталями городских стен, кремля и вертикалями минаретов.

Для понимания причин появления у булгар городов с пространственно-планировочной структурой концентрического типа следует обратиться к культурно-историческим смыслам некоторых явлений в духовной культуре булгар, которые можно рассматривать как факторы развития градостроительства. Одним из важнейших символических знаков господства правителей (эльтеберов) Булгарии, как и других тюркских правителей, являлась их ставка. В тюркском (и в современном татарском) языке существует характерный для ее определения термин «йорт» — «дом с постройками», «усадьба», «стан», который в литературном языке соответствовал смыслам «страна», «владение», «государство».

Первоначально в догородской период центральное место в ставке правителя занимали его юрта и шатер. Ибн-Фадлан описал, как эльтебер Булгарии принял послов из Арабского халифата в большом шатре, который являлся политическим и сакральным

центром ставки. В свою очередь сама ставка понималась как центр, точка всех владений правителя. В графическом плане это представляется в виде круга с точкой в центре, о чем писал в свое время персидский государственный деятель и историограф Хулагуидов Рашид ад-Дин: «Значение (термина) курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. Значение (термина) курень — кольцо. В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно (располагалось) наподобие кольца, а его старейшина находился в середине (этого) круга, подобно центральной точке; это и назвали курень» [409, с.18, 60].

Ставка правителя служила местом средоточия власти, где собирался совет знати - представителей кланов и племен, которые выражали ему поддержку от имени своих соплеменников. Очевидец этих советов Ахмад Ибн-Фадлан так описал их подготовку и проведение: «Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители жителей его страны, чтобы услышать чтение письма (халифа)… Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами. У него (царя) в середине ее (стоит) трон, покрытый византийской парчой» [298, с. 131, 139]. Вероятно, посольство из Арабского халифата булгарский правитель и знать намеренно встречали в юртах, поскольку они являлись у них символом социального превосходства.

С развитием городской культуры в Булгарии ставка правителя переместилась в столичный город. Именно здесь находилось место сбора войска для походов, приема иностранных послов и т.д. Система концентрических кругов с точкой в центре, очевидно, виделась самим булгарам символом власти: посредине страны - ставка, центр ставки - юрта, а юрты - трон. Подобное сходство, видимо, осмысливалось как единство микро- и макрокосма, сакрального и профанного, как модель идеального устройства мира и государства [251].

Для столицы Волжско-Камской Булгарии была характерна пространственная структура города концентрического типа. Внутреннее пространство такого города делилось оборонительными структурами на концентрические части (внешний город, внутренний город, цитадель-кремль), из которых центральная часть (цитадель-кремль) обладала свойствами композиционного центра города. В ней сосредотачивались наиболее значимые объемные и вертикальные доминанты: культовые здания и дворцовые комплексы. Главные коммуникации, соединявшие центр и ворота, а также внутреннее пространство города с внешним миром, формировали радиально-кольцевую планировочную структуру. Она отражала синтез тюркских традиционных воззрений булгар (кочевников–язычников из Хазарии и юго-востока Евразии) и идеальных представлений правителя и знати о городе мусульманского мира, с которым олицетворялся Багдад на Ближнем Востоке. Следовательно, важным фактором развития градостроительства следует признать традиционные воззрения населения и градостроительные идеи, распространённые в развитых государствах того времени, связанных с Волжско-Камским регионом единой религией ислама.

В упрощенном варианте, когда внутреннее пространство города опоясывалось одним кольцом оборонительной системы, строились княжеские города, в которых композиционным центром служила главная площадь города с соборной мечетью и княжеской резиденцией. Примером может служить г.Сувар – второй по величине город Булгарии.

Круглый тип города был наиболее универсален и распространен в Волго-Камье. Большинство булгарских городов круглой формы имели небольшие размеры от 100 до 500 м в диаметре: Тигашевское городище (150 м), Екатерининско-Слободкинское II (300 м) и многие другие. Они, как правило, опоясывались 2 - 3 рядами валов и 1 - 3 рвами. Круглые

булгарские города строились на протяжении всего домонгольского периода. Круглую форму имели, как правило, крепости.

В городах мусульманского Востока цитадель с XI в. была обязательна для правительственных центров. Во второстепенных, даже крупных городах она могла отсутствовать. Этим можно объяснить наличие предполагаемой цитадели только в Биляре и ее отсутствие во всех других городах Волжско-Камской Булгарии.

II.1.2. Элементы пространственно-планировочной структуры булгарского города

Структурные части города выстраивали определённую иерархию: цитадель, укреплённый кремль (внутренний город), укреплённый или неукреплённый посад (внешний город) и пригороды.

Пространственно-планировочная структура города в целом и его структурных частей формировалась следующими элементами: оборонительная структура, коммуникационный каркас, крупные архитектурные комплексы, рядовая застройка. Ландшафт и оборонительная структура определяли тип пространственно-планировочной структуры города.

Коммуникационный каркас составляли главные и второстепенные дороги, соединявшие различные части города. Трассировка главных дорог зависела от расположения центра (кремль с соборной мечетью, дворцовым комплексом и баней-хаммам) и крупных культовых и общественных комплексов в пространстве города и проездных ворот в оборонительной структуре.

Жилая застройка города формировалась жилыми кварталами, состоявшими из усадеб, которые отделялись от коммуникаций заборами с воротами. Разные по величине усадьбы ремесленников различного профиля обычно располагались в пространстве города в соответствующих районах, названных археологами районами металлургов, керамистов-горшечников, стеклодувов, косторезов и т.д. Такие районы могли иметь одну или несколько центральных улиц, соединявших район с ближайшими воротами, административным, торговым и культовым центрами города и на которые выходили более мелкие улочки и переулки. Застройка некоторых частей городов Булгарии была, вероятно, по плотности неравномерной. Очевидно, это зависело от демографической ситуации в племени или родственных группах, населявших части города.

Судя по археологическим материалам, в булгарских городах жители различного социального уровня проживали рядом. Об этом свидетельствовали различные типы усадеб, располагавшиеся рядом. В центре города встречены землянки и полуземлянки социальных низов вблизи каменных зданий дворцового типа. Аналогичная картина была на окраинах Биляра и других булгарских городов. Это может свидетельствовать о сохранении племенного или патриархально-родового принципа расселения, при котором в одном квартале или части города жили представители социальных верхов с родственниками, служилыми и зависимыми людьми.

В древнерусских городах на боярском дворе и рядом с ним жила многочисленная дворня и зависимые люди [432, с. 64]. В большинстве средневековых городов Евразии выделялись кварталы с населением различного исповедания (христиане, евреи, мусульмане и т.д.). Факт проживания иноконфессионального населения в городах Булгарии подтвержден находками предметов христианского культа и бытовой керамики славянского типа. Однако места компактного проживания славян, евреев, армян в булгарских городах домонгольского периода пока не выявлены.

Крупные архитектурные комплексы имели, как правило, культовое или общественное назначение. В небольших городах Булгарии торговая, административная и культовая части составляли, вероятно, единый центр города. На площадях городов выявлены остатки нескольких кирпично-каменных зданий, которые идентифицированы

как бани-хаммам и дворцовые здания. В таком комплексе, типичном для средневекового города, была соборная мечеть, преимущественно деревянная.

Административная власть в исламских городах сосредотачивалась в мечетях, где находился судья (кади), хранилась казна города, на молебнах присутствовал правитель города, от лица которого провозглашались все указы. Вблизи главной мечети располагался городской рынок, на котором сосредотачивалась вся общественная жизнь города. Возле главных ворот с внешней стороны внутреннего города (кремля, крепости) располагался комплекс главного рынка. Помимо него в крупных городах было еще несколько мелких рынков, тяготевших к речным мостам и воротам. Месторасположение кремля и рынка предопределяло направления развития посада и конфигурацию города в целом. Важными элементами города были комплексы приходских мечетей.

Своеобразной прослойкой между городом и окружающим пространством служили городские кладбища и пригороды, опоясывавшие города извне широкой полосой застройки вдоль наружных стен. Возможно, расселение в пригородах было связано с земельными или социальными отношениями или существовал какой-то этнополитический ценз, по которому люди определенного этноса и социального положения должны были селиться за стенами городов. В средневековый период в Булгарии, также как и в Средней Азии и на Ближнем Востоке, за пределами городских стен находились скотобойни и другие виды ремесел, опасные или зловонные для города, станы кочевников или социально отверженных элементов.

II.1.3. Пространственно-планировочные структуры крупных городов Волжско-Камской Булгарии

Булгар относился к типу городов с секторно-мысовой пространственно-планировочной структурой и был небольшим городом Таблица 13, рис. 1). Он располагался на высокой надпойменной террасе волжского берега на мысу, в месте пересечения крутых берегов Волги и большого оврага, глубоко врезавшегося в материк в юго-западном направлении и получившего в русский период название - Иерусалимский. Перепад высот террасы и поймы составляет 30-35 м (горизонтали на отметке 80 м). К западу от Булгара, там, где надпойменная терраса разворачивалась на юг в сторону Волги, её высота достигала отметок 85-86 м. При этом угол наклона откоса составлял 45-50 градусов. В пределах города на высоте отметок 68-70 м откос имел широкий уступ, достаточный для размещения на нём односторонней улицы. Пойменные территории (на отметке 50 м) отделялись от склона протекавшей вдоль него в сторону Волги небольшой речки Болгарки (Меленки). Нижняя терраса волжского берега находилась на отметке 35-40 м. В период половодья на подоле в виде островов оставались незатопляемые территории, где издавна селились люди.

Булгар первоначально занимал территорию в 12 га и в отличие от Биляра развивался на территории, издавна заселенной и освоенной различными племенами. Они расселялись на верхней волжской террасе, разделенной глубокими оврагами на бугры, получившими различные названия у русского населения Закамья XVII - XVIII вв. (Бабий, Коптелов и т.д.).

Первоначальная функционально-планировочная структура города складывалась в домонгольский период, когда Булгар представлял собой небольшой торгово-ремесленный город Волжско-Камской Булгарии. С напольной стороны в X – XII вв. он был окружен двумя рядами рвов с восьмиметровой площадкой между ними, и двумя стенами по обеим сторонам восточного рва. В период существования города глубина этого рва была 2,6 м, ширина 5 м. По восточному берегу рва шла бревенчатая стена. На расстоянии 2 м друг от друга на глубину 1 м в землю были вбиты столбы диаметром около 0,7 м. Пространство между ними было забрано горизонтальными бревнами [462, с. 6].

Оборонительная система города проходила дугой с северо-запада на юго-восток и отделяла территорию внутреннего города в 9 га. За пределами оборонительных стен располагались открытые посады и кладбища. В XII в. ремесленный посад тянулся в западном направлении от стен внутреннего города на 600-800 м [552, с. 21]. На территории города подземные воды проходили на глубине 30-35 м, поэтому большую роль в водоснабжении города играли озера, питавшиеся ключами, дождевыми и весенними водами.

На подоле под склоном верхней террасы, вдоль берега речки Меленки располагался нижний открытый посад, где выявлены дома, мастерские и различные хозяйственный сооружения.

Наиболее древнее кладбище находилось на Бабьем бугре на северо-западной окраине города. Мусульманское кладбище для знати – за стенами внутреннего города на восточной окраине посада, там, где в золотоордынский период появился Восточный мавзолей. На месте Черной палаты золотоордынского периода также было посадское мусульманское кладбище домонгольского времени [462, с. 11].

Обжитой частью домонгольского города была территория, где в золотоордынский период существовала Армянская колония. Возможно, она появилась в домонгольский период. Большое значение имел небольшой поселок с пристанью Ага-Базар, который являлся торгово-перевалочной базой Булгара и располагался в 6 км западнее города на берегу волжского рукава Чертык, вблизи Степного озера. Слои домонгольского времени прослежены по склону, а также узкой полосой на верхней террасе до и после Армянской колонии и далее далеко на запад, вплоть до пристани и поселка Ага-Базар [462, с. 7 - 8].

В целом Булгар был деревянным городом и имел застройку по краю верхней волжской террасы, по береговому склону и на правом берегу речки Меленки. Монументальных каменных построек домонгольского периода в городе не зафиксировано. Однако выявлены остатки наземных жилищ, полуземлянок, зернохранилищ. В центре города вблизи кладбища знати была деревянная мечеть, на месте которой в золотоордынский период была построена каменная Соборная мечеть [154, с.249].

Стены города были поставлены поверх вала и, вероятно, как и в Суваре, представляли собой срубы, поставленные впритык друг к другу и заполненные камнями и землёй [554, с. 318].

Ранний Булгар, возникший на рубеже IX—X вв., как и салтово-маяцкие города, в процессе перехода полукочевого булгарского населения к оседлости, являлся в то же время началом становления городов в Волго-Камье. Это первое городское поселение, возникшее на основе замка-крепости на большом международном торговом пути в районах плодородных земель и богатых лугов, как торговый центр широких международных связей по Волге и Каме, как политический центр формирующегося феодального государства и экономический центр широкой земледельческо-скотоводческой округи.

На этом начальном этапе возникновения городов, в условиях определенной роли полукочевого скотоводства в хозяйстве булгар, решающим для Булгара явилось его положение на международных торговых путях, его значение политического центра формирующегося государства Волжско-Камская Булгария. В XI - начале XII вв. развивалась западная часть ремесленного посада, где на окраине города возникли железоплавильные мастерские с сыродутными горнами, и расширилась жилая зона. На посаде развивались медеплавильное производство и кожевенное ремесло. В последующее время за этими ремёслами закрепляются определенные районы города.

Расширение посада шло далее к западу, юго-западу и югу. К концу домонгольского периода площадь посада стала втрое большей по сравнению с первоначальной. Под жилье осваивается и склон верхней террасы на уступе на середине его высоты и у его подножия. Строительство в городе велось из дерева и глины. Кирпич применялся только в кладке

печей. Застройка имела планировочную сетку, ориентированную с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад, что может свидетельствовать о ее планомерности и направлении уличных коммуникаций. Это подтверждается материалами археологических раскопок городов, показывающими направления оград усадеб вышеуказанной ориентации [687, с. 129, рис.13]. Только постройки на склоне террасы ориентированы по линии восток-запад с небольшими отклонениями, что обусловлено, по-видимому, направлением склона.

До конца домонгольского периода посад города не был укреплен, и только в конце XII - начале XIII в. построили структуру обороны, опоясавшую наиболее густо застроенную часть. К началу XIII в. площадь Булгара с открытыми посадами достигла 25 га.

Ошель являлся одним из крупных городов Булгарии на правобережье Волги (Таблица 13, рис. 2). Ныне на его месте сохранилось Богдашкинское городище Тетюшского района РТ. Полуовальная площадка (900 х 800 м, S=77 га) городища имеет небольшой уклон к юго-востоку. В юго-западной части городища внутренние укрепления отделяют прямоугольную с закругленными углами площадку размерами 500 х 200 м, вероятно, внутренний город или цитадель. С внутренней стороны цитадель укреплена двумя рвами и валом между ними. Они были созданы в начале XI веке. На северной и южной стороне цитадели есть разрывы в укреплениях. Укрепления внешнего города состояли из наружного рва (в настоящее время шириной 2 м, глубина 1,1 м), вала (шириной 8,5 м, высотой 1,5) и внутреннего рва (шириной 4,5, глубиной 1,2 м) и были возведены, вероятно, в XII в. Во внешней системе укреплений три проезда, все с северной стороны. В 300 м к западу от городища находилось мусульманское кладбище. Планировочная структура не прослеживается. Застройка была деревянной. Кирпично-каменные здания не обнаружены. Сплошного археологического обследования Богдашкинского городища не проводилось. По одним сведениям город разрушен в 1220 г., по другим - в 1170 г. в результате военных действий.

Крупным городом Булгарии был город с неизвестным названием, на месте которого сохранилось городище ***Муромский городок*** [333]. На месте Муромского городка (Валынского городища) - существовал крупный булгарский город, появившийся в X веке между современными сёлами Валы и Жигули Самарской области. В XII веке площадь города составляла 150 га, а с посадами свыше 600 га. Название его неизвестно. Город был обнесён двумя линиями укреплений, состоящих из трёх валов и рвов (Таблица 13, рис. 3). На городище этого булгарского города впервые были обнаружены остатки глинобитных стен, что может свидетельствовать об участии среднеазиатских мастеров в их сооружении [187, с. 55]. В различных местах города находились кирпичные здания, вероятно, бани и мечети.

Его пространственно-планировочная структура относилась к замкнуто-криволинейному типу. Две части внутреннего города, разделенные отрогами оврага, и обширный внешний город, примыкавший к ним с севера и юга, создавали сложную пространственную организацию города. С востока и юга к нему примыкали неукрепленные посады. Город являлся крупным ремесленным центром на юге Булгарии. В западной части города находились ремесленные кварталы. При раскопках обнаружены следы плавильных печей, гончарных горнов, медных и ювелирных мастерских. Помимо ремёсел горожане занимались земледелием и скотоводством. Об этом свидетельствует большое количество найденных костей домашних животных, немало земледельческих орудий: лемехи и резаки плугов, сошники, косы-горбуши, серпы, мотыги. Во время раскопок найдено множество привозных вещей: посуда из Средней Азии, украшения из Византии, пряслица, изготавливавшиеся в древнерусском городе Овруче близ Киева. Ценной находкой является найденная германская монета XI века, свидетельствующая о существовании торговых отношений Булгарии с Западной Европой. Мусульманские

некрополи находились за пределами укрепления к юго-западу, западу от города и на северо-восточной окраине.

Сувар был вторым по величине городом Волжско-Камской Булгарии (Таблица 13, рис. 4). Считается, что Сувар основали савиры (сувары-сувазы), входившие в состав Хазарского каганата вместе с булгарами и другими племенами. В конце IX - начале X вв., в период образования государства в Волго-Камье, сувары состояли в булгарской конфедерации племен. Они основали одноименный город, ставший политико-административным центром их княжества.

Город имел округлую в плане форму с длиной окружности около 4,5 км. Если сравнивать с Биляром, то Сувар приближался по размерам к его внутреннему городу с длиной окружности около 4,86 км. Диаметр города в среднем составлял 1,433 км. Площадь древнего города внутри укреплений составляла 64 га, а вместе с укреплениями – более 90 га.

С северо-западной, юго-западной и южной сторон город был окружен двумя линиями укреплений из валов и рвов. В юго-восточной и восточной части оборона усилена третьей линией, проходившей на расстоянии 40 - 50 м от двух первых. Наружный ров имел первоначальную глубину 5 м. В систему укреплений включались овраги. С северной стороны, вдоль левого берега р.Утки оборонительные сооружения практически не сохранились. Однако во время раскопок в 1930-е гг. был выявлен вал с внутренними конструкциями типа городней. Следы деревянной восьмигранной башни шириной 3 м выявлены в приречной части, четырехгранной, тоже деревянной башни 12 х 12 м - в северо-восточном углу города [457, с.138, 140].

Был ли укрепленный центр в городе - не установлено. Вдоль северо-западной стороны города протекала р.Утка, вдоль западной – ручей шириной 35 м. За внешними стенами к городу примыкали посады, один из которых имел протяженность на восток около 4 км.

Археологами выявлены остатки глинобитных и бревенчатых жилых домов, бани-хаммам, оборонительных сооружений с конструктивными особенностями [273, с. 156-157]. В северной и западной части городища также были вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек. Жилища были двух типов: глинобитные и срубные с подпольями. Обогревались они печами сводчатой формы и в виде цилиндров. Вокруг домов располагались зернохранилища и погреба различных типов. В центре городища выявлены остатки монументального кирпичного здания на уровне фундамента, цокольной части с полом и системой подпольного отопления. Оно было построено в конце X – начале XI в. и функционировало все время существования города. Одни исследователи относят его к дворцовому типу, другие - считают баней-хаммам. Практически в центре города, как и в Биляре, располагались кузнечные и железоделательные слободы. Планировочная структура города не выявлена.

Джукетау возник во второй половине X в. и включал внутренний укрепленный город (Джукетауское городище), открытые посады внешнего города (Донауровское I и Донауровское II селища) и кладбища, занимая территорию площадью более 150 га [355 с. 137 - 155]. Относился к городам секторно-мысового типа (Таблица 13, рис. 5). Ровная площадка городища с возвышающимся центром имеет треугольную форму плана. Длина городища 280 м, ширина у вала также 280 м. Общая укрепленная территория городища составляет 5,8 га.

С юго-востока и востока город был защищен тройной линией валов и двумя рвами между валами с одним проездом в их южной части. Западнее города, на левом более низком, противоположном берегу р.Килевки располагался посад (Донауровское II селище) площадью около 100 га, тянувшийся широкой полосой 150 - 180 м (местами до 300 м и более) вдоль р.Камы на 1,5 км. Культурный слой его составляет 35-40 см и имеет следы гончарного и железоделательного ремесел. К юго-западу от него располагалось кладбище (Донауровское). С расширением посада кладбище перемещалось к югу. По правую

сторону р.Килевки и за валами города на протяжении всей высокой террасы на 200 - 250 м растянулась другая часть посада (Донауровское I селище).

В домонгольское время значительная часть населения проживала на территории западного посада, на прибрежных участках рек Камы и Килевки. В материальной культуре Джукетау проявлялись традиции прикамско-приуральского финно-угорского населения. Предположительно в Джукетау и его округе существовал локальный вариант культуры домонгольских булгар. Как в городе, так и на посаде вскрыты землянки, полуземлянки и наземные жилища с подпольями, погребами, зернохранилищами, аналогичные однотипным сооружениям других булгарских городов.

Пространственно-планировочные структуры крупных булгарских городов восстановлены на период их наивысшего развития, когда городские системы обладали наиболее развитыми качественными характеристиками архитектурной среды.

II.1.4. Развитие крупных городов Волжско-Камской Булгарии

Для того, чтобы проследить процесс развития пространственно-планировочной структуры каждого крупного города Булгарии были построены схемы развития. Для их построения были выявлены наиболее существенные факторы и условия, действия которых вызывали в конкретной городской системе изменения качественных характеристик архитектурной среды, к которым относятся возведение элементов оборонительной структуры города, крупных архитектурных комплексов, сложение планировочной структуры и развитие застройки города. На развитие системы градостроительной культуры на уровне городов влияли следующие факторы и условия:

- решения властей по устройству оборонительной структуры города, размещению соборных и квартальных мечетей, рынков, кладбищ и т.д.;
- традиции расселения родственных кланов и племён, иноземцев и иноверцев на территории города;
- традиционные языческие верования и мусульманские воззрения населения;
- заимствование градостроительных идей;
- региональные градостроительные традиции;
- бытовые пожары, военные и внутриполитические катаклизмы и многое другое.

Под воздействием различных сочетаний факторов и условий процесс развития городов приобретал разные формы. Разработаны условные схемы развития пространственно-планировочных структур основных городов Булгарии (Таблица 14, рис. 1-2). Сравнение этих схем показало, что, несмотря на некоторые особенности, города Булгарии в целом имели поступательное развитие в домонгольский период. В этом развитии наблюдались временные спады, этапы хаоса, подъёма и динамичного развития. Самой низшей точкой развития каждого города стало разрушение его монгольскими войсками.

II.1.5. Столица Волжско - Камской Булгарии г.Биляр в начале XIII в.

Остатки города и каменных зданий Биляра, сохранившиеся во второй половине XVIII в., видел и описал Н. Рычков: «Остатки каменных развалин, окружающие его пространные и порядочные валы, суть ясные свидетели огромных тех времен строений. Укрепление его состояло из трех глубоких рвов и в толиком же числе возвышенных валов, обнесенных вокруг городских развалин. Первый вал с северо-восточной стороны от речки Билярки, текущей посреди сего местечка, и сочиняет окружность более 12 верст; потом находится другой, отделенный довольным расстоянием от первого, где видно множество знаков каменных развалин. Последний вал, гораздо лучше укрепленный, подает повод думать, что был он замком сего древнего города, где между различными разрушенными зданиями находится еще до ныне преогромный каменный столп, построенный посреди

сего замка из красного кирпича, смешанного с диким камнем…вышиною от пяти аршин с четвертью, толщиной семи, а кругом его двадцать четыре аршина. По сторонам его видно множество развалившихся зданий, где находятся гончарной работы изразцы, виду синего и зеленого, и ржавое железо» [435, с.13].

Исследования Билярского городища в течение двух с половиной веков дали знания о материальной культуре города, некоторых сторонах его жизни. Они позволили уточнить конфигурацию и структуру обороны города, выявить месторасположение и характер фундаментов, а иногда и планировки некоторых монументальных зданий. Однако ранее никем не ставилась задача реконструировать пространственно-планировочную структуру столицы Булгарии и исследовать её развитие от начала закладки города в 922 г. до его разрушения в 1236 г. монгольскими войсками под предводительством хана Батыя (Бату-хана).

Для реконструкции пространственно-планировочной структуры Биляра начала XIII в. автором были использованы аэрофотоснимки (Таблица 15, рис. 1-3), все известные схемы Билярского городища XVIII – XX вв. (Таблица 15, рис. 4-5), данные археологических раскопок, авторские материалы натурных исследований городища и округи. Археологами исследована округа Биляра, которая начала осваиваться человеком во 2-м тысячелетии до н.э. Сам город был расположен на равнине правобережья р.Малый Черемшан южнее ранних поселений. В добулгарский период по берегам р. Малый Черемшан расселялись племена срубной, городецкой и именьковской культур. Градостроительно-археологические памятники этих культур представлены в основном селищами и курганами срубной культуры (15, рис. 6). В булгарский период сеть поселений значительно уплотнилась. В верховьях рек Билярки и Елшанки, левых притоков р.Малый Черемшан, в 922 году был заложен город Биляр. В домонгольский период вокруг него сформировалось кольцо селений. На высоком правом берегу р.Малый Черемшан появились укрепленные крепости (Таблица15, рис. 6, № 48,51,52).

Структурные части и элементы городской системы

Ландшафт

Структуру города в первую очередь определял ландшафт. Город располагался на равнинном ландшафте левого берега реки Малый Черемшан (Таблица 16, рис. 1). Правый берег реки был значительно выше, поэтому военные крепости, защищавшие столицу, располагались в основном здесь. На юге к валам города подходили леса. Это было установлено специальными анализами почвы вокруг Билярского городища.

Город имел округло-квадратную форму с углами, ориентированными по сторонам света, и делился на концентрически вписанные друг в друга четыре части: цитадель, внутренний город, внешний город и открытые посады. Части города отделялись друг от друга кольцами обороны, состоявшими из валов с деревянными стенами и башнями и рвов с водой. Диаметр внешнего города в среднем составлял 2,0 км, внутреннего города – около 1,0 км.

В центре внутреннего города, предположительно, находилась цитадель с большой деревянной мечетью. На ее территории вскрыты также остатки большого кирпичного здания и окружавшей его усадьбы со следами надворных построек и ограды. К двум большим общественным колодцам и к белокаменному зданию мечети цитадели прослежены остатки мостовой [515, с. 31].

За валами внешнего города почти по всему периметру в ширину 500-600 м (а местами 900 м) располагались обширные посады, перемежающиеся на северо-западе и юго-западе большими городскими кладбищами. По мусульманской традиции общегородские кладбища вынесены за стены внешнего города. Общая площадь посадов более 350 га, а общая площадь всего города с посадами не менее 1000 га [273, с. 62].

Натурные исследования городища показали гигантские размеры средневекового Биляра. На территории, лишённой построек, в пространстве возвышаются только

оплывшие валы, кое-где поросшие деревьями и кустарником (Таблица 16, рис. 1). Фундаменты немногочисленных монументальных построек, выведенные на поверхность земли, теряются в высокой траве.

Равнинный характер расположения города на местности позволил предположить, что постройки города были скрыты за валами и мощными деревянными стенами, установленными поверх них. Из-за оборонительных стен, вероятно, виднелись только завершения минаретов. Такая замкнутость от внешнего мира была характерна для средневековых городов. Внутри города визуальные картины застройки обогащались пространственными разрывами в местах протекания речек Билярки и Елшанки, расположения площадей, кладбищ.

Структура обороны города включала внешнюю и внутреннюю линии**.** Внешняя линия обороны имела округлую в плане форму, образованную тремя параллельными валами с северо-востока и юго-востока и соответствующими им рвами. Для защиты от нападений перед первым внешним валом было создано дополнительное укрепление, выявленное при раскопках за северо-восточной частью города. Оно имело вид тына и шло в 3 - 4 ряда на расстоянии 25 - 80 м от наружной стены [248, с.103]. Преимущество этой системы обороны состояло в том, что защитники выдвигались вперед на дистанцию прицельной стрельбы из луков, аркбаллист и камнеметов, что в два раза расширяло полосу стрелкового боя вокруг города (до 100 - 150 м) и защищало стены города от дальнобойной метательной артиллерии и прямого штурма. Средняя линия валов имела следы только однократной перестройки. Вокруг внешней линии укреплений, в северо-восточной и юго-восточной стороне находилась полоса надолбов шириной 50 м из врытых в землю столбов.

Внутренняя линия обороны состояла из двух валов. Протяженность первого вала была 4,86 км. Площадь внутреннего города составляла 116 га, с учетом территории под валами – 130,6 га. В укреплениях внутреннего города имелись башни с проездными воротами. В северо-восточной стене внутреннего города было два проезда. На юго-восточной стороне – четыре. Сколько проездных башен располагалось на северо-западной и юго-западной частях внутренней оборонительной системы города, уничтоженных современной застройкой с.Билярска, установить невозможно.

Функциональные зоны города определялись главным назначением и не имели резко выделенных границ. К ним относились мемориальные, ремесленные, административные и т.д.зоны.

В структуре города было несколько мемориальных зон. У р.Билярки известно раннее кладбище X - XI вв. Оно располагалось во внешнем городе, северо-западнее южного угла внутреннего города, по обе стороны р.Билярки (Билярский могильник III) и имело приблизительные габариты 120 х 300 м. Могильник начал функционировать в X в., а в XI в. был перекрыт поселением внешнего города. Это свидетельствовало о том, что внешний город был заселен, и под застройку потребовалась территория старого кладбища.

В северо-западной части посада, к западу от северного угла внешнего города располагалось общегородское кладбище (могильник V) площадью 30 га (500 х 600 м) для рядового населения. Из города к нему выходили по дороге, которая вела в г.Тухчин (Алексеевское городище).

За восточным углом внутреннего города располагалось другое городское кладбище X - XI вв. (могильник II). Рядом с кладбищем, у главного выезда из внутреннего города, за пределами укреплений в X - XII вв. существовало кирпичное здание (караван-сарай или баня-хаммам), двор которого был обнесен дубовым частоколом и окружен рвом шириной 4,5 и глубиной 2,5 м. В ров, вероятно, была пущена вода из текущего рядом ручья. На месте двора в последней четверти XII в. одновременно с подсыпкой валов города появился укрепленный форпост. Валы высотой до 4 м и шириной основания до 10 м покрыли почти всю площадь двора предполагаемого караван-сарая и часть самого здания. Это кладбище II также, как и кладбище III, существовало за пределами оборонительной

системы внутреннего города в X-XI вв., пока внешний город не был плотно заселен. С усилением оборонительных поясови нехваткой территорий их прекратили использовать.

Примыкая с юго-востока к комплексу Соборной мечети, расположен Билярский могильник IV, на котором выявлены захоронения представителей знати и остатки здания, вероятно мавзолея. Очевидно, именно на него указывал В.А.Казаринов. Кладбище начало функционировать в X в. и прекратило - в начале XIII в. Краниологические материалы могильника настолько отличались от материалов I – III могильников, расположенных на периферии города, что исследователи отнесли погребенных на них людей к разным антропологическим типам [491, с. 119-123]. Это объясняется тем, что булгарский царь и знать происходили из племени собственно булгар, что и отмечал Ибн-Фадлан. Среди рядового населения булгарских племен преобладал длинноголовый европеоидный тип, характерный для территорий салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата. Собственно булгары, связанные с тюрко-язычными племенами Центральной Азии, Алтая и Сибири, имели несколько иной антропологический облик. Он характеризовался в целом смешанными европеоидными типами с включением монголоидных элементов южно-сибирского морфологического комплекса [480, с. 37]. Где-то на территории города было христианское кладбище, упоминаемое в русских летописях и пока не выявленное [262, с. 375].

К западу от Соборной мечети выявлена часть большой железоделательной слободы, функционировавшей с самого начала до конца жизни города. К северо-западу и юго-востоку от этой слободы, на расстоянии до 80 м располагались районы косторезов. Еще один район косторезов находился у середины северо-восточной стены внутреннего города. Здесь, только южнее центрального проезда, вероятно, располагался район проживания ремесленников-стеклоделов. Эти районы выявлены археологами по преобладающим остаткам данных ремесленных производств в общей массе археологических материалов.

Ориентируясь на расположение построек, археологи считали, что предполагаемая цитадель, укрепленная мощными бревенчатыми конструкциями толщиной до 10 м, набитыми камнями и землей, имела прямоугольную конфигурацию и габариты 220 х 300 м (7,7 га вместе с площадью под стенами) и находилась примерно в середине внутреннего города. Она отстояла от северо-восточной стены внутреннего города на 300 м, от юго-восточной – на 350 м. В месте поворота стены под прямым углом на северо-запад располагалась угловая башня, под которой было выявлено ритуальное погребение собаки. На расстоянии 70 м от нее выявлена глухая башня, стоявшая между пряслами стен [519, с. 9]. В цитадели находились соборная мечеть, кладбище знати, кирпичное здание, несколько колодцев с деревянными срубами. В культурном слое цитадели не обнаружены остатки производственного мусора (шлаков, криц, керамического брака и т.д.). Считалось, что стены цитадели были сооружены в 922-23 и разрушены в 1236 году.

Археологические исследования Билярского городища последних лет не выявили следов мощной цитадели. Одни археологи считают, что стены цитадели были бревенчатыми в один ряд, другие - существование цитадели не подтверждают. Автор придерживается своей версии, основанной на материалах археологических раскопок 1970-х годов. Если цитадель и была, то, вероятно, в начальный период существования города, в X веке. По образцу столиц стран мусульманского Востока, особенно Арабского халифата – Багдада, это был дворцовый комплекс с мечетью. Утверждение о толщине стен цитадели в 10 м является явным преувеличением, поскольку даже стены булгарских городов такой толщины в Волго-Камье не обнаружены. Максимальная толщина стен типа городней не превышала 3-4 м. Возможно, дворцовый комплекс был огражден бревенчатыми стенами типа заплота, который в середине X в. разобрали, а к деревянной Соборной мечети пристроили белокаменный зал с минаретом. Цитадель с габаритами 220 х 300 м составляла бы почти треть внутреннего города, поскольку его средний диаметр был 1000 м. В таком случае весь центр внутреннего города находился бы в стенах цитадели. А это

маловероятно, поскольку цитадель сооружали для правителя с целью отделения от остального населения города. Следы такой мощной цитадели читались бы в структуре городища и, маловероятно, что бесследно исчезли бы с поверхности земли.

Планировочная структура города формировалась на протяжении нескольких веков. Схематические планы городища не дают представления о планировочной структуре города. На них, как правило, отмечены оборонительные системы внутренней и внешней частей городища, места проведения раскопок, ориентировочное расположение ремесленных слобод и районов города, выявленных по преобладающим в археологических материалах остаткам того или иного ремесленного производства.

Для выявления планировочной структуры внутреннего города автором привлечены материалы аэрофотосъемок, перечисленные выше [702] (Таблица 15, рис.1 - 3). Аэрофотосъемки городища производилась в течение лета и осени 1973 г. при разных погодных условиях и в разное время суток. Наиболее интересные результаты были получены во время аэрофотосъёмки после дождя, влага которого быстрее испарилась с поверхности древних построек, способствуя высветлению мест их расположения на фотоснимках, где хорошо просматриваются прямоугольные и квадратные пятна, обозначающие каменные постройки древнего Биляра [245]. В местах, где не было построек, влага проникала в почву глубже, очерчивая контуры улиц, дорог, площадей, которые из-за плотности поверхности также высветлялись. На аэрофотоснимках четко видны оборонительные валы. В планировке внутреннего города по данным аэрофотосъемок просматриваются общие контуры улиц и кварталов.

После приведения плана городища к одному масштабу с аэрофотоснимком (его выполняли в определенном масштабе), на него были нанесены местоположения всех выявленных пятен, связываемых с каменными постройками. На план городища нанесены предполагаемые древние дороги, улицы, площади, выявленные по соответствующим тёмным пятнам и линиям на аэрофотоснимке. На плане прочиталась планировочная структура центральной части внутреннего города. Далее автором были сопоставлены пятна каменных построек на этом плане с постройками, выявленными археологами в процессе раскопок. Они совпали с местоположением некоторых пятен. В частности совпали местоположения Соборной мечети, двухэтажного здания вблизи неё. В 300 м юго-западнее Соборной мечети располагалась рыночная площадь с главной мечетью города. Мукадесси сообщал, что в Булгаре (читай Биляре) главная мечеть стоит на рынке. Место второго «столпа» (минарета мечети) указал на своем плане В.А.Казаринов [515, с. 16, рис. 4]. И что самое интересное, предполагаемому месту нахождения минарета мечети на рыночной площади по плану В.А.Казаринова точно соответствует одно из светлых пятен на аэрофотоснимке городища, не видимое при визуальном осмотре пашни.

На аэрофотоснимке видно скопление белых пятен к востоку от Соборной мечети. Здесь выявлен комплекс обширных белокаменных сооружений, вероятно, дворца булгарских правителей (100 х 100 м) [515, с. 33]. То, что белые пятна на аэрофотоснимке внутренней части городища соответствуют реальным каменным постройкам, существовавшим в г.Биляре, подтверждено археологическими раскопками. Наземное уточнение позволило выявить местоположение нескольких десятков кирпичных и белокаменных зданий, расположенных в центральной части внутреннего города [671, с.2].

Внутренний город был застроен жилыми кварталами определенных ремесленных районов. В средневековом городе нельзя достоверно точно разделить жилые и ремесленные районы, поскольку ремесленное производство не отделялось от жилья. Разделение внутреннего города на ремесленные районы гончаров, стеклодувов, косторезов и т.д. является условным.

По материалам аэрофотосъемки установлено, что в нем было предположительно 2500 - 3000 построек. Наряду с деревянными постройками во внутреннем городе располагались более 30 каменных и кирпичных зданий. В центре внутреннего города

находились озера диаметром 50-80 м, на берегах которых располагались мастерские и жилища ремесленников [273, с. 64].

Застройка городов Булгарии была усадебного типа и преимущественно деревянной. Двор являлся замкнутой структурой хозяйствования семьи и основным элементом застройки городов и селений Минимальные усадьбы ремесленников в среднем составляли 200 кв.м. Богатые усадьбы были в несколько раз крупнее и, возможно, имели кирпично-каменные дома. Набор жилых и хозяйственных построек, произвольно расставленных на участке, был характерен и для усадеб древнерусских поселений и городов [432, с. 64] Жилые дома и усадьбы городов Булгарии имели много общего с жилой архитектурой Древнерусского государства. Общность наблюдалась в пространственной организации усадеб в виде обнесенных забором или тыном участков, на которых в соответствии с социальным статусом и возможностями хозяев располагались жилища и хозяйственные постройки, навесы и т.д. Помимо дома хозяина на усадьбе располагались жилища и мастерские родственного или зависимого населения. Чаще небольшие усадьбы такого населения располагались вблизи усадеб знати и у булгар, и у русских. В древнерусских городах такие группы усадеб образовывали городские «концы» и «улицы».

В Биляре при округлой конфигурации территории и расположении главной мечети на рыночной площади, во внешнем городе складывалась радиальная сеть главных коммуникаций, связывавших ворота оборонительных поясов и центр города с главным рынком и Соборной мечетью. Обычная ширина улиц достигала 2 - 3 м, главных улиц – 4 - 5 м.

В Биляре, вероятно, было две Соборные мечети: одна в предполагаемой цитадели и другая – на рыночной площади в 250 м юго-западнее от первой. Наличие двух больших мечетей в городе отмечает существование двух центров: административного и торгового. Первый из них располагался вокруг центральной площади с Соборной мечетью.

Вблизи административного центра Биляра также наблюдалась уличная сеть, обусловленная прямоугольной конфигурацией обширной площади. Восстановленная по материалам аэрофотосъемки и данным археологических исследований планировочная структура внутреннего города Биляра показала застройку кварталами, разделенными улицами и переулками. Для центральной части города это в целом подтверждается материалами археологических раскопок.

Анализ материалов археологических раскопок на Билярском городище позволил установить закономерность в ориентации уличной сети, жилых и хозяйственных построек. Подавляющее большинство наземных и полуземляночных домов ориентировано углами по странам света [677, с. 68].

На всех раскопках, заложенных археологами в центре города, наблюдалось однотипное направление расположения выявленных объектов: по линии 39-43 – 129-134 градусов. Такая ориентация зданий и сооружений особенно явно прослежена в центре города и вблизи Соборной мечети (Таблица 17, рис. 1.7). Мечеть ориентирована по азимуту 25-115 градусов [519, с. 5]. Халиков А.Х. предполагал, что это было обусловлено направлением стен цитадели, которые предположительно были вытянуты с юго-запада на северо-восток по азимуту 42-43 – 132-133 градуса. Однако автор считает, что такое расположение улиц в центре было обусловлено ориентацией Соборной мечети и центральной площади перед ней. При этом, ориентация ограждений усадеб в виде частоколов и заборов по направлению с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад прослежено и в других районах города, удалённых от центра. Такое же направление уличных коммуникаций подтверждается результатами раскопок ремесленного района А.Г.Мухамадиевым и А.Х.Халиковым. Они выявили канавы, вытянутые по направлению с северо-запада на юго-восток, вдоль которых располагались мастерские и горны кузнечно-металлургического района (раскоп V) [669, с. 7, рис. 1].

Характер застройки точно не установлен, но судя по тому, что внутри некоторых кварталов отмечены пятна кирпично-каменных и деревянных крупных зданий и учитывая родоплеменной характер структуры булгарского общества и материалы археологических исследований, можно предполагать, что они застраивались усадьбами различной величины, социального статуса и имели иерархическое построение.

Город Биляр был разгромлен монгольскими войсками Батыя. Верхний горизонт культурных отложений представлен слоем пожарища 1236 г. и слоем запустения. В процессе интенсивных археологических раскопок в Биляре не обнаружена ни золотоордынская керамика, ни монеты. Город после монгольского нашествия не восстанавливался и в русских летописных источниках не упоминался [523, с.88].

Синтез материалов анализа структурных частей и элементов города позволил реконструировать пространственно-планировочную структуру Биляра начала XIII в. (Таблица 18, рис. 1).

II.1.6. Развитие пространственно–планировочной структуры Биляра X – первой трети XIII вв.

Схема пространственно-планировочной структуры Биляра отражает состояние города на начало XIII в. Однако период становления и развития структуры города в ней не отражён. Анализ данных историографии, материалов археологических и натурных исследований позволил в определенной степени воссоздать жизнь столичного города на отдельных этапах его более чем трехвекового существования. Закладка города в 922 г. начиналась с возведения валов и рытья рвов, что позволило вычленить его из окружающего природного пространства и обозначить его размеры. То, что они были чрезмерными для того времени, подтверждено отсутствием других городов такого масштаба в Булгарии. А о нехватке в X в. населения для единовременного заселения Биляра свидетельствовала застройка низкой плотности в ранних слоях города.

С другой стороны, внутренний и, в большей степени, внешний город мог быть заселен на первых порах кочевым населением в юртах, не оставивших следов в культурных слоях. Вполне вероятно, что огромные пространства внешнего и внутреннего города были разделены между основными племенами, входившими в государственное объединение. Подтверждением этому может служить факт нахождения следов юртообразного жилища первой половины X века в северной части внешнего кольца Биляра [564, с. 93].

При закладке города возвели два невысоких земляных вала внешней линии обороны, которые затем претерпели 4-х кратную перестройку. Очевидно с обострением отношений с соседним Русским государством и учащением набегов кочевников в XII в. началось усиление всей первоначальной оборонительной структуры города. В последней четверти XII в. был насыпан мощный третий вал внешнего кольца высотой до 6 - 8 м. По верху вала была сложена дубовая стена, укрепленная в некоторых местах кирпичом [515, с. 28]. Наружный вал длиной 9,6 – 10,2 км отстоял от первоначальной структуры обороны X в. почти на 100 м. Рядом с ним был выкопан ров. С северо-западной и юго-западной сторон к первоначальному первому валу добавился второй внешний вал, являвшийся продолжением третьего вала с противоположной стороны города. Первоначально он был высотой 2 - 2,5 м. Позднее он был подсыпан еще на 1 - 1,2 м.

Вторая оборонительная линия состояла из двух рядов валов и двух рядов рвов. Первый внутренний вал был насыпан при закладке города, так как под ним не обнаружен культурный слой. С начала заложения города этот вал претерпел 4 - 5 перестроек. В XII в. после неоднократных обновлений насыпь вала составила 2,4 м с шириной основания 16 м. На нем были установлены деревянные конструкции, остатки которых вскрыты раскопками у юго-восточных ворот внутреннего города. К 1236 г. высота внутреннего вала внутреннего города была приблизительно 3,5 м, ширина – 20 м. По верху вала был

установлен тын. Перед валом со стороны внутреннего города был выкопан ров глубиной 3,0-2,5 м, шириной 10 м, над которым перед воротами были устроены подъемные мосты [561, с. 69].

В последней четверти XII в. был насыпан второй внешний вал внутреннего кольца укреплений города длиной 5,4 км. Высота его составляла около 1,5 м, ширина основания – 14 м. Его современные размеры: ширина в основании до 20 м, высота 4-5 м, ширина рва 15-18 м, глубина 2,5-3 м [273, с. 62-63].

Процесс становления и развития города на отдельных этапах отражался на пространственно-планировочной структуре, которая приобрела относительно целостный вид в начале XIII в. (Таблица 19, рис. 1).

В течение жизни города на его развитие влияли различные факторы и условия, которые видоизменяли пространственно-планировочную структуру города и качественные характеристики архитектурной среды и пространственной организации города (Таблица 19, рис. 2). Схема развития структуры Биляра отражает процесс жизни города с начала X в. до его гибели после погрома монгольскими войсками в 1236 г.

II.1.7. Факторы и условия развития пространственно-планировочной структуры Биляра

Выявление факторов и условий развития Биляра позволит решить вопрос о генезисе и аналогах пространственно-планировочной структуры города. На некоторую общность структуры Биляра и Багдада указывали А.П.Смирнов, Ф.Х.Валеев, Г.Н.Айдарова. Несомненно, такая общность усматривается в пространственной организации этих городов. Однако эта односторонняя версия не придает полноту ответу на поставленный вопрос, требующий дополнительного исследования.

Для решения этого вопроса необходимо выявить более полный перечень факторов и условий развития города, которые подразделялись по способу влияния - на внешние и внутренние.

К внутренним факторам и условиям относились: решения власти по размещению в системе города оборонительной структуры, соборных мечетей, рынков, кладбищ, отведению городских территорий для расселения кланов, иноземцев, иноверцев и т.д.; - традиционные языческие верования населения; - региональные градостроительные традиции; - внутригосударственные социально-политические и экономические потрясения и т.д.

Внешние факторы и условия развития составляли: - мусульманские религиозные воззрения; - трансляция в регион градостроительных идей; - военные осады и катаклизмы, взаимовлияние и взаимодействие с государствами других регионов и т.д.

Трансляция в регион и реализация градостроительных идей была осуществлена в столице Волжско-Камской Булгарии Биляре. При строительстве Биляра правителем Булгарии была претворена в жизнь идея исламского города как символа его власти после официального принятия ислама. Аналогом служил Багдад, построенный в 762 - 766 гг. в качестве новой столицы Аббасидского халифата. Закладка Биляра произошла летом 922 г. во время приезда в Волжско-Камскую Булгарию посольства из халифата, в котором помимо посланника халифа были священнослужители, торговцы и мастера.

Официальное признание ислама в качестве государственной религии и обращение в ислам части булгарской знати, еще придерживавшейся языческих верований, завершилось священным действием закладки нового города в соответствии с идеальными представлениями булгарского правителя и знати о городе мусульманского мира, с которым олицетворялся Багдад на Ближнем Востоке. При строительстве Багдада также придерживались местных традиций, уходивших корнями в градостроительство Древнего Двуречья. Это сказалось в ориентации городских ворот на северо-запад-юго-восток и северо-восток-юго-запад, в центрическом размещении дворцово-культового комплекса, а

также в округлой форме городского плана [613, с.1046; 153, с. 7]. В центре располагался дворец халифа, к которому примыкала мечеть. Рядом с дворцом находились дома приближенных и родственников халифа, а также: правительственные учреждения (диваны), казна, арсенал и т.д. Доступа во внутренний город из городских кварталов не было. Базары находились в одном из предместий. Ремесленное население размещалось во внешнем городе. Реконструированный Леснером Крессвелом как идеально круглый план Багдада в действительности мог иметь отклонения при гигантских размерах города (Таблица I.3 – 9, рис. 1).

С другой стороны - древней форме круга придавалось сакральное значение. Круг увязывался с исламской концепцией Рая, выводимой из Корана [609, с.119]. В соответствии с ней, Рай представлялся цветущим садом с журчащими ручьями в кругу стен.

Габариты Биляра, имевшего в поперечнике около 2 км и площадь 620 га, сопоставимы с размерами Багдада, имевшего в поперечнике 2,5 км при площади города 625 га, а с предместьями около 4000 га. Площадь столицы Волжско-Камской Булгарии с предместьями составляла около 1000 га. Город был опоясан двумя кольцами обороны. Каждая из колец состояла из 2 - 3 поясов стен, отстоящих друг от друга на 50 - 100 м. Ворота прослежены по сторонам света и в местах выхода к дорогам на важнейшие населенные пункты государства. Речки Елшанка и Билярка были использованы для усиления обороноспособности города в виде водных преград. Справедливости ради нужно отметить, что второй и третий ряды оборонительных систем соответственно внутренней и внешней частей города появились по истечении достаточно длительного времени, в конце XII века. Но концентрическая пространственная структура из колец стен наружного и внутреннего оборонительных поясов, комплекса соборной мечети образовалась при закладке города.

Результатом сравнения структур двух городов является предположение, что в основе Биляра лежит модель идеального раннесредневекового мусульманского города Багдада с концентрическими стенами и цитаделью в центре как местопребывания наместника Аллаха на земле (Таблица I.3 – 9, рис. 2).

Очевидно, под руководством мастеров-строителей из Багдада в Волго-Камье был заложен новый город – столица Волжско-Камской Булгарии Биляр - по образцу и подобию «города Мира», как называли тогда на мусульманском Востоке Багдад. Объемно-пространственная композиция Багдада с четырьмя входами на координатных осях с точкой схода у трона «повелителя правоверных», не только была выражением идеи имперской власти, но и являлась в первую очередь символическим воплощением развитой Аббасидами особой религиозной концепции. Согласно ей, глава всех мусульман объявлялся заместителем (халифа) самого Аллаха, а не его посланника [102].

Аббасидская интерпретация города и монументального здания как выражения власти мусульманского правителя была воспринята новыми династиями сельджукского Ирана и Магриба и, вероятно, правителем Волжско-Камской Булгарии, что стимулировало с X в. градостроительные процессы в этих регионах. Это подтверждено в письме булгарского правителя к халифу в Багдад с просьбой - выделить денежные средства для строительства и помочь построить город-крепость и мечеть, чтобы утвердиться в них вопреки соседям-язычникам [298, с.113]. Этим и объясняются, по сути, округло-квадратный план и гигантские для того времени размеры Биляра и его название в русских летописях – «Великий город». О том, что город служил утверждению власти правителя Волжско-Камской Булгарии и символом приобщения к исламской цивилизации, говорит факт заложения его в центре основных земель государства по нетрадиционной для региона концентрической схеме города. Городов такой гигантской величины в Волго-Камье до того не было.

Следовательно, в раннесредневековый период существовал идеал мусульманского города, который, по возможности, старались достичь правители, строившие новые города в странах мусульманского мира.

Традиционные верования и мировоззрения предков имели важное значение в формировании развитии градостроительной культуры Волжск-Камской Булгарии. Анализ особенностей сложения и исторического развития Волжско-Камской Булгарии, характера этнического состава населения позволяет выдвинуть и другую гипотезу появления в Волго-Камье гигантского города с концентрическим типом пространственной организации. Отсутствие четкой круглой формы оборонительной системы внутреннего города Биляра может свидетельствовать о влиянии тюркской модели мировосприятия. В этой модели - пространство Мира, Земли представлялось четырехугольной горизонтальной плоскостью, а четыре стороны света, на которые ориентировались углы, считались главными направлениями – «углами мира» со своим внутренним смыслом. При этом направление на восток означало «вперед», на запад – «назад», на юг – «направо», на север – «налево» [195, с.147]. Это пространство противопоставлялось хаосу и означало освоенный, упорядоченный мир.

Помимо горизонтальной модели Мира, Земли у древних тюрок существовала вертикальная структура мироздания. Она состояла из трех частей: Верхний мир (мир Неба, бога Тенгри); Срединный мир (наземный мир, которым правило божество «Святая Земля-Вода»); Подземный мир (мир усопших). Небосвод тюрки представляли в виде полусферы с проекцией на земле в виде круга. Мемориальные комплексы тюрок отражали модель вселенной. В плане они представляли вписанный в круг (Небо) квадрат (Земля). Эта схема нашла отражение в структуре могильников древних монголов в Сибири. Космогонические представления, не подвергаясь принципиальным изменениям, продолжали бытовать и у хазаро-булгар, а от них были восприняты волжско-камскими булгарами [195, с.149] .

Такие воззрения сохранялись у булгарских племен Волго-Камья начала X в., а, возможно, и позднее. Это объясняется многократным проникновением тюркских племен в регион, ассимиляцией их в среде родственных булгарских племен. Структуры концентрических квадратов или квадрата в круге являлись схематическими изображениями картины Мироздания, в которой внешний элемент ассоциировался с Небом, а внутренний – с Землей. В этом аспекте пространственная структура Биляра концентрического типа, вероятно, также отражала воззрения булгарских племен. Оборонительная структура внешнего города может рассматриваться как неправильная окружность, а внутреннего города – как неправильный квадрат.

Принятая булгарами концентрическая схема Биляра, предположительно, по подобию мусульманского Багдада, не идет вразрез с их традиционными языческими представлениями об устройстве Мира. Первоначальная приверженность Тенгрианству и его частичное сохранение при постепенном переходе к исламу и значительно позднее обусловлено глубокими традициями почитания верховного божества тюрков Тенгри. Тюркские градостроительные традиции, отражавшие мировоззрение древнего населения, сохранялись в этот период в южной части Сибири и Средней Азии.

Жилые дома в городах и Хазарии, и Дунайской Болгарии, и Волжско-Камской Булгарии ориентировались входом в основном на восток, иногда – юг и юго-восточный сектор. Многие жилые постройки булгар ориентировались углами по сторонам света. При этом, внешних реальных причин, вызывавших такую ориентацию зданий, не наблюдалось.

Языческий политеизм булгарских и угро-финских племен Волго-Камья обусловил обожествление различных природных явлений окружающего мира. Божества помещались на 17 ветвях мирового дерева - древа жизни. Тенгри, главному небесному богу - создателю этих божеств, посвящались высокие деревья и горы, которым поклонялись, приносили жертвы и т.д. Атрибутом Тенгри было солнце, обозначавшееся на булгарских

предметах солярными знаками: пятиконечной звездой, шести- восьмиконечными розетками, колесом с шестью спицами, концентрическими кругами и отходившими от них и клонящимися в одну сторону лучами и др. [195, с.48]. Эти знаки встречаются на изделиях и стенах построек дунайских и кубратских болгар хазарского времени [756]. Они изображались на стенах фасадов и интерьеров зданий, на надмогильных стелах Булгара золотоордынского периода, в частности в Черной палате. Население региона продолжало широко использовать в оформлении жилищ и надмогильных стел такие знаки вплоть до середины XIX в., а в сельских районах Республики Татарстан - до настоящего времени [132; 133]. Это свидетельствовало о сохранении и длительном бытовании древних пантеистических представлений у населения Волго-Камья, несмотря на тысячелетнюю исламскую традицию.

В древности не только постройка огромного города, но и даже сооружение жилища осмысливались как космический акт, воспроизводящий творение мира, упорядочивание изначального хаоса, завоевание у него пространства. Это считалось священным, таинственным актом, поэтому и в начале, и в процессе работы выполнялись специальные обряды, приносились жертвы. Сохранилось предание, что при закладке Биляра для разметки стен на их будущем месте раскладывались бревна и поджигались. Это свидетельствовало о культе огня и вере в его очистительную силу у булгарских племен. Огонь являлся средством борьбы со злыми духами. Культ животных, в частности волка и собаки, долго сохранялся у средневекового населения Волго-Камья. Вера в охранительную силу жертвы собаки проявилась в археологических материалах. Скелеты собак под фундаментами сооружений и валами были обнаружены в Биляре и Тигашевском городище [522, с. 27; 195, с. 58]. Это была жертва Земле при основании городов и закладке зданий, чтобы их судьба была благополучной.

Со строительством городов в Булгарии связаны легенды о борьбе с драконами, змеями, обитавшими в местах их намеченного строительства и считавшимися олицетворением злых сил. От них избавлялись очищающим огнем.

На градостроительную культуру булгар, а затем и населения последующих государственных образований большое влияние оказывал культ воды. Вода считалась охранительной и очистительной силой. Поэтому булгарские и татарские кладбища в селениях и городах, как правило, располагались за рекой или оврагом, в котором прежде был водоем. Так стремились оградить поселение и жилища от духов умерших, которые могли причинить зло живым. Булгары поклонялись родникам и верили в исцеляющую силу воды. Вблизи Биляра у подошвы Балынгуз-горы есть родник, считающийся священным с булгарских времен.

У древних народов с языческими верованиями, в том числе у булгар, центром вселенной считалось их отечество. С распространением мировых религий центрами вселенной в воззрениях народов становились религиозные центры: Иерусалим и Мекка.

По средневековым мусульманским географическим представлениям мир делился на семь поясов. Считалось, что чем дальше данная территория была от срединного климата (пояс Мекки), тем больше ее население было оторвано от цивилизации. Волжско-Камская Булгария располагалась в седьмом климатическом поясе. По представлениям арабов и самих булгар, территории севернее Булгарии считались землями Мрака, Холода, Ночи. Слово «тэн як», означающее «север», в дословном переводе с татарского языка на русский, означает «ночная сторона». Поэтому такие понятия, как восток, утро, день, весна, юг, правый, как и у русского и других народов, у булгар имели положительное значение. Запад, север, вечер, ночь, осень, зима, левый – отрицательное значение. Эти понятия обозначали свой и чужой миры. Их старались разделить водной преградой, горой или непроходимой стеной [195, с.163 - 164]. Поэтому включение рек и ручьев в оборонительную систему Биляра и других булгарских городов имело не только военное, но и сакральное значение. Этот прием наблюдался и в Багдаде, и в Плиске.

Следовательно, в пространственно-планировочной структуре Биляра отразился симбиоз двух моделей мировосприятия - мусульманской и тюркской.

Взаимовлияния и взаимодействие с государствами других регионов нашли отражение в процессе развития булгарских городов, и в первую очередь, Биляра. Восстановление пространственно-планировочной структуры средневекового города позволяет представить только его схематические рамки, в которых протекала его повседневная жизнь. Отличие города от сельского поселения в средневековый период заключалось в наличии монументальных зданий Соборной мечети, бани-хаммам, дворцов и комплексов знати, расширенном производстве ремесленных изделий, которые преимущественно употреблялись в городах, приобретались на рынках и ярмарках сельчанами, а самое главное – в культурно-цивилизованном духе. Возникновение последнего обусловлено взаимодействием с культурой и материальными достижениями соседних государств и дальних регионов мусульманского мира.

Главными структурными элементами и ориентирами города стали дворцовый комплекс, Соборная мечеть с минаретом, и рынок, который был системой жизнеобеспечения любого средневекового города. Мусульманские законы и мораль стимулировали развитие рынков как средоточия торговли и ремесел. Допускалось размещение не только базаров вблизи мечетей, но и мечетей в структуре рынков.

Соборная мечеть являлась местом нахождения административно-судебной власти. При ней работало медресе, куда стекались богословы мусульманского мира. Здесь решались важные вопросы богословия, связанные с особенностями регионального климата – неравномерными днями и ночами в зимнее и летнее время года, что составляло трудности для установленного у мусульман определенного времени чтения намаза пять раз в сутки. В своих «Записках» об этом упоминал Ибн-Фадлан [298, с. 131-133]. Принятые в Биляре нормы отправления культа распространялись в мечетях других городов и поселений Булгарии.

В крупные города и в первую очередь Биляр стекались торговые караваны, привозившие предметы роскоши и сырьевые товары, необходимые в некоторых ремесленных производствах. На территории Биляра выявлены большие ремесленные мастерские по производству оконного стекла в виде кругов диаметром до 22-24 см, а также различных стеклянных изделий. В разных частях города найдены сфероконусы – сосуды для перевозки химических веществ, выявлена постройка с большим количеством сфероконусов, стеклянных колб и остатками химикатов, что позволило археологам назвать его «домом алхимика» [140, с. 18-21].

Использование на государственном уровне булгарского языка и письменности на основе арабской графики не означало полного отказа от традиционной рунической письменности. Так в XI-XII вв. гончарное ремесло булгар было связано с письменной практикой. В Биляре и других городах выявлены осколки керамической посуды и кирпичи с руническими знаками производственного назначения. Выявленная в Биляре надпись — редчайший письменный памятник, свидетельствовавший об общности происхождения булгарской и выявленной на Кубани хазарской рунической письменности. Столь позднее распространение рунической азбуки в среде ремесленников подтвердило, что древние традиции булгарской государственности и культуры сохранялись у горожан в условиях исламского общества вплоть до монгольского нашествия [319, с.18].

Повсеместное распространение ислама и обусловленного им образа жизни способствовало перенесению в Волго-Камье сложившегося на Востоке типа кирпично-каменной бани-хаммам и технического приема подпольного обогрева зданий. Бани имели общественное назначение и, как принято на Востоке, работали по определенным дням для мужчин и женщин, поскольку в Булгарии не было сдвоенного типа бань, которые одновременно могли обслуживать и мужчин, и женщин. В Биляре, очевидно, существовали маристаны – общественные больницы. Известно о созданном в Биляре перечне лекарственных трав и препаратов, один из списков которого «Большой

Кирриймат» найден на Востоке. В частности, в нём описывались травы и их применение в банях-хаммам Булгарии.

Биляр и другие города Булгарии не могли существовать без торговли, которая являлась важнейшей составляющей средневековой экономики. Арабские нарративные источники указывают на существование в центре Биляра главного рынка и мечети при нем. Вероятно, помимо него в городе было еще несколько базаров. Караваны из Средней Азии и Ближнего Востока оставляли часть импорта на рынках Биляра, докупали необходимые местные товары и отправлялись дальше в Древнерусское государство, в частности в Киев.

Однако суть городской культуры в большей степени могут характеризовать идеализированные представления о городе и их реальные воплощения в застройке, а также образ жизни различных слоев горожан. Здесь речь идет о философско-религиозных взглядах населения средневековых городов Булгарии. В первую очередь о тех из них, что отражали ожидания горожан в защите от опасности извне от реальных врагов и внутренней безопасности от потусторонней силы в различных частях города. Первая обеспечивалась мощностью оборонительных стен, а вторая – правильным выбором местоположения и организацией самого города и всех его составляющих: жилищ, культовых сооружений, кладбищ, источников воды и других. Причем эта организация архитектурного пространства городов по своей сути являлась приобщением к неизменным в своей сущности, предустановленным архитипическим образам [105, с. 96].

Несмотря на приверженность исламу население Булгарского государства на бытовом уровне сохраняло прежнее пантеистическое мировоззрение, наделявшее одушевленностью не только все элементы природной среды, но и рукотворной, остающейся причастной к ней.

Основным принципом расселения в городах Булгарии было отсутствие социального зонирования их территории. Традиционная социальная иерархия пронизывала структуру каждой общины городского посада, в которой были представлены одновременно практически все категории жителей, объединенных родственными узами, соседской круговой порукой или отношениями личной зависимости [105, с. 104]. В величине и богатстве его жилища отражалось признанное в обществе положение его владельца на ступеньках социальной иерархии.

Социальная структура Булгарского государства также нашла отражение в градостроительстве. Признав вассалитет от Арабского Халифата, булгарский правитель признал за халифом статус «наместника самого Аллаха на земле» и вписался в структуру мусульманского мира. Во главе социальной иерархической структуры Булгарии стоял правитель-эльтебер, которому подчинялись четыре князя–малика. Далее по меньшинству шли князья более низкого ранга. Их власть распространялась не только на отдельные племена или их союзы, но и олицетворялась с соответствующим городом – центром их территориальных владений.

Иерархическую субординацию выстраивали города и соборные мечети Булгарии, поскольку она также отражала реальную иерархию, существовавшую в булгарском феодальном обществе. Также как и Багдад – на Ближнем Востоке, верхнюю ступень в иерархии булгарских городов занимал Биляр – Великий город, затем - на ступень ниже находились Сувар, Джукетау, Ошель, и т.д. Это, очевидно, было общим явлением в феодальных государствах. Выстраивалась не только иерархия пространств внутри города, но и иерархия городов, между которыми соблюдалась субординация, что, в частности, отражалось в объемах храмовой архитектуры [106, с.118]. Остатки каменного здания соборной мечети обнаружены только в столице Булгарии г. Биляре. В других булгарских городах соборные мечети были деревянными, что соответствовало их статусу. Столицы соседних государств Киев и Биляр, также как и их главные культовые сооружения, были близки по масштабу.

II.2. ГОРОДА БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Города региона золотоордынского периода мало исследовались археологически. Большинство из них возродилось на месте посадов разрушенных булгарских городов. Наиболее крупными из них были Булгар, Джукетау, Шонгат и др. Именно Булгар, на территории которого сохранились некоторые средневековые постройки, в основном привлекал исследователей

II.2.1. Булгар – столица Булгарского улуса в середине XIV в.

Болгарское городище - остатки города Булгар - региональной столицы Булгарского улуса Золотой Орды. Для реконструкции пространственно-планировочной структуры Булгара применён метод обратной формализации. В отличие от метода прямой формализации, который применяется при изучении существующих градостроительных и архитектурных объектов (разработка функциональных, планировочных и других видов схем), он используется в обратном порядке.

Вначале на основе анализа историко-графических материалов реконструируется геометрическая схема основных транспортных осей, а также определяются вероятные границы застройки города. На следующем этапе выполняется корректировка геометрически правильной схемы с учётом данных археологических раскопок Болгарского городища, по которым определяются реально существовавшие фрагменты планировочной структуры и застройки города. На заключительном этапе реконструкции структуры города используются аналоги синхронных по времени существования золотоордынских городов.

Город региона золотоордынского периода представлял собой иерархическую структуру, в которой не было укреплений и ярко выраженных крупных структурных частей. Иерархия городской структуры выстраивалась за счёт элементов пространственно-планировочной структуры*:* ландшафта, коммуникаций, крупных архитектурных комплексов, рядовой застройки. Болгарское городище является наследием одного из немногих золотоордынских городов, от которого на поверхности земли сохранились следы: валы, рвы, несколько относительно целых и поросшие травой руины построек. Несмотря на появление в начале XVIII в. на Болгарском городище православного монастыря и русского селения, большая часть территории средневекового города остаётся незастроенной и в течение полутора столетий подвергается археологическим раскопкам. Реконструкция пространственно-планировочной структуры средневекового Булгара невозможна без анализа её элементов.

Ландшафт города имел большое значение ***в*** процессе воссоздания пространственно-планировочной структуры города. Выявление характера ландшафта города осуществлялось в процессе натурного обследования Болгарского городища (Таблица 20, рис. 1). Автор изучила существующий ландшафт городища и пришла к выводу, что за последние свыше 600 лет он претерпел определенные изменения. В 1953-1956 году с устройством Куйбышевского водохранилища была затоплена нижняя часть города вплоть до второй волжской террасы, где на склоне располагалась улица с банями. В настоящее время вода практически доходит до их вскрытых руин. Несмотря на смывы и сползание грунта с третьей волжской террасы, на которой находился город, на вторую террасу, перепад высот между ними на склоне в настоящее время составляет более 13 м. Очевидно в XIII - XIV вв. он был ещё более значительным. Усть-Иерусалимский овраг, игравший существенную роль в структуре средневекового города как естественная преграда, в настоящее время не имеет прежней глубины и заполнен поздними грунтовыми отложениями.

Немаловажное значение для понимания архитектурно-пространственной организации средневекового города имеет выявление сезонных водоёмов города. Они пересыхали к середине лета, однако места их появления не использовались под застройку.

Шагомерная съемка городища показала гигантские размеры средневекового Булгара. Большие пространственные разрывы между существующими и ныне руинированными монументальными постройками свидетельствуют о том, что при существовавшей рядовой застройке горожанам могли быть видны только верхушки минаретов с определённых расстояний. Возможно, пространственные разрывы между монументальными общественными и жилыми зданиями были меньше и они были расположены в структуре города более равномерно и плотнее, поскольку к настоящему времени утрачено свыше 70-100 кирпично-каменных построек, руины которых сохранялись на городище ещё в середине XVIII века.

Булгар золотоордынского периода развивался на месте домонгольского города, на третьей террасе крутого и обрывистого левого берега Волжской долины. Плоская низменная часть берегов Волги и Камы, находившихся в 6-7 км к западу и северу от обрыва, являлась их древним руслом. В средние века это было торфяное болото. Оно отделялась от обрыва протекавшими у подножия обрыва речками Меленка и Болгарка.

Территория города имела холмистую поверхность, много так называемых весенних озер, наполнявшихся весной водой и пересыхавших к концу лета. Вероятно, некоторые из них были полноводными круглый год и являлись наряду с ключами и колодцами источниками воды для горожан. Сильная изрезанность береговой линии оврагами составляла ландшафтную особенность города.

Объекты средневековых архитектурных комплексов Болгарского городища являются важным элементом реконструируемой пространственно-планировочной структуры города. В настоящее время на территории города находятся 6 относительно полно или частично сохранившихся объектов монументальной архитектуры (Таблица 21, рис. 1).

Коммуникационный каркас города формировался на основе Булгара домонгольского периода. Основными задачами реконструкции являлось выявление общего коммуникационного каркаса, восстановление усадебных комплексов и монументальных общественных зданий с установлением их местонахождений, объединение их в объемно-пространственные композиции, иллюстрирующие среду Булгара золотоордынского периода. За основу градостроительных доминант взяты монументальные сооружения, реконструкции которых выполнены автором.

Отправной точкой в процессе реконструкции пространственно-планировочной структуры золотоордынского города стала центральная городская площадь Соборной мечети, реконструированная С.С.Айдаровым [16, с.112, рис. 36]. А первым шагом в реконструкции пространственно-планировочной структуры Булгара золотоордынского периода середины XIV в. стал анализ картографических материалов. Одну часть его составляли схемы и карты первой трети XVIII – XIX вв., вторую – современные топосъёмки, аэрофото и космоснимки Болгарского городища (Таблица 22, рис. 1 - 4).

Одна из самых ранних схематических карт Болгарского городища относится к XVIII в. (Таблица 23, рис. 1.7). Несмотря на её схематизм, карта обладает ценной информацией о сохранявших в этот период остатках кирпичных зданий. Так в месте расположения Армянской слободы под цифрами 1 и 2 указаны две развалины: палата и столп (б). Очевидно, это были христианский храм и отдельно стоящая колокольня, упоминавшиеся в начале XVIII в. после посещения Болгарского городища Петром I. В то время рядом с этими зданиями сохранялись каменные надгробия с надписями на армянском языке. Под цифрой 9 указана «крепкая палата». Судя по всему, речь идет о Чёрной палате. Если под цифрой 6 отмечены руины Белой палаты, то цифрами 3, 7, 8 показаны неизвестные каменные строения. Еще один плюс этой карты заключается в показе ландшафтных особенностей к западу и востоку от городища.

В 1827 г. архитектором К.Шмитом (Шмидтом) были выполнены план Болгарского городища, обмеры и зарисовки памятников архитектуры (ОРРК НБ им. Н.И.Лобачевского ПФУ–КГУ) (Таблица 23, рис. 1.2). На плане Болгарского городища 1832 г. красным цветом выделены местонахождения средневековых каменных зданий, в том числе и Греческой палаты – армянского храма к западу от оборонительного вала за пределами городища [679, л.1]. Но на плане он ошибочно значится как Ага–Базар, который располагался на волжской протоке Чертык в 7 км к западу на нижней террасе. В экспликации значится вал, окружавший не Ага-Базар, а Армянскую слободу (квартал). В основании склона показана река (болото), на северном берегу которой находилось каменное здание (бани). Интересным является факт продолжения оборонительного вала по склонам обрыва до нижней волжской террасы, где протекала р.Болгарка.

На «Плане экономического села Болгары, а что внутри земляного вала» вблизи руин Соборной мечети показаны развалины трёх каменных зданий, от которых ныне не сохранились следы (Таблица 23, рис. 1.1). [685].

План Болгарского городища конца XVIII – начала XIX вв. представляет не меньший интерес (Таблица 23, рис. 1.5). [678, л.1]. В картуше плана написано, что в древности это был большой столичный татарский город и в нём жили болгарские татары. Это указывает на то, что в градостроительной документации Российской империи отражалось понимание преемственности развития Болгарского царства и Казанского ханства. Болгарское городище рассматривалось как наследие татарского народа. Отмечается, что в стенах вала в это время сохранялись 26 развалин, в Малом городке - 4, на подоле в заречной части города - 5 каменных строений. Среди них упомянуты 7 палат, 4 башни и два столпа. В развалинах зданий Болгарского городища находили много поливных керамических фрагментов деталей, использовавшихся в их наружном оформлении. На самом плане в западной его части показана просёлочная дорога к протоке Чертык, в устье которой в золотоордынское время располагались торговая пристань и посёлок Ага-Базар. Эта дорога, будучи одной из важных для Булгара X-XV вв., к концу XVIII в. превратилась в просёлочную, а Ага-Базар исчез с лица земли. Значки каменных строений размещены на плане весьма условно.

Фрагмент «Генерального плана Спасского уезда» с показом села Успенского Болгара тоже несёт в себе дополнительную информацию о Булгаре (Таблица 23, рис. 1.6). [636]. К югу и юго-востоку за пределами городища показаны значки каменных построек, следы которых ныне не видны на поверхности земли. Это может свидетельствовать о том, что оборонительная система 1360-х гг. прошла по структуре города. Помимо этого на плане показаны две речки: Меленка и Болгарка, текущие в противоположные стороны. Обе речки питались водой от многочисленных ключей, бивших в основании берегового склона.

На сводном плане Болгарского городища конца XIX в., составленном по материалам А.К.Шмидта (А.Шмита), Н.Савенкова, Ф.Сурина, Штрауса р.Меленка обозначена как Болгарка, отмечены большие сезонные озера, местонахождения развалин монументальных зданий, посёлок на подоле и т.д. [681, 1 л.].

План с.Успенского (Болгар) конца XIX в. является более подробным. На нём показана застройка села, в том числе и на подоле, валы Болгарского городища, местонахождения развалин каменных зданий. При этом их стало меньше, чем на предыдущих планах (Таблица 23, рис. 1.8).

Сравнительный анализ исторических планов Болгарского городища конца XVIII-XIX в., материалов археологических раскопок (Таблица 24, рис. 1) позволил уточнить ландшафтно-гидрологические условия размещения средневекового Булгара, свести на план все кирпично-каменные объекты, указанные на них, уточнить места их размещения в пространстве городища.

Для выявления утраченных коммуникаций и следов построек были привлечены материалы аэрофотосъёмок (Таблица 25, рис. 1- 2), космических съемок Болгарского городища и территории Волго-Камья.

По результатам сравнительного анализа данных картографических материалов, натурного обследования и аэрофото и космических снимков гипотетически восстановлены внешние и внутренние связи средневекового Булгара (Таблица 26, рис. 1-2). Основные дороги тянулись вдоль берега и выводили к соседним населённым пунктам, на переправы через Волгу и Каму, на пристань-порт Ага-Базар.

Материалы раскопок показывают плотное расположение построек вокруг Соборной мечети в золотоордынский период и существование дорожных настилов, позволяющих определить направление улиц средневекового города. В отчётах археологов, наряду с описанием находок, имеются указания на ориентацию выявленных жилищ и хозяйственных построек, реже - оград усадеб. Постройки вблизи Соборной мечети были ориентированы по линии ЮЗ-СВ и не совпадают с ориентацией улиц современной деревни. Около мечети выявлены жилой дом на каменном фундаменте начала XIV в., остатки срубного дома с деревянным полом, доски которого ориентированы по оси СЗ-ЮВ, с входом на восток и подпольем [699, л.10] (Таблица 27, рис. 1).

Автором выявлена основа коммуникационного каркаса средневекового Булгара. Есть основания предполагать, что практически сохранили свои направления дороги от центра к южным и западным воротам. От них дорога вела дальше на запад вдоль волжского берега мимо Армянской колонии к Ага-Базару. Вдоль этой дороги, скорее всего, и начало застраиваться русское село в конце XVII века (Таблица 28, рис. 1). В районе Черной и Белой палат, у юго-западного конца Иерусалимского оврага по логике, определяясь ландшафтными условиями, должны были сходиться дороги из разных районов города. Именно через этот узел проходит главная южная дорога, начинающаяся от ворот у так называемого Малого городка – укрепленной двумя рвами прямоугольной территории с руинами четырёх белокаменных построек. Оборонительная структура, появившаяся в 1360-70-х гг., только закрепила башнями с воротами существовавший тогда коммуникационный каркас из главных улиц.

Для подтверждения и уточнения гипотетической схемы планировки привлечены как опубликованные материалы археологических раскопок зданий и сооружений средневекового города, так и данные из отчётов археологов о раскопках за период 1939-2013 гг., хранящиеся в архивах научных учреждений РТ. Археологическими раскопками в различных местах центральной части Болгарского городища выявлены следы оград усадеб, границы площадей и отмосток вокруг общественных сооружений. Они свидетельствуют о возможном направлении уличной структуры и коммуникационного каркаса средневекового города. Маркировка местонахождений обнаруженных элементов и их ориентации по сторонам света на сводном плане Болгарского городища послужила основой реконструкции коммуникационного каркаса города.

Самые крупные археологические исследования 2010 г. были проведены на месте строительства Речного вокзала у береговой зоны памятника на крупном мысовом выступе восточнее исторического Бабьего бугра. Общая площадь исследований составила около 4000 кв. м. Береговая зона была достаточно привлекательна и плотно заселена. Здесь обнаружено около десятка прямоугольных полуземлянок, которые были связаны с жилыми постройками, мастерские кузнецов, рядом с которыми располагались хозяйственные ямы, погреба, водосборники, очаги и т.д. В северной части Болгарского городища на месте строительства памятного знака в честь принятия ислама булгарами в 922 г. выявлена и исследована также усадьба ремесленника XIV века. Она состояла из двух полуземлянок, которые являлись жилищем и мастерской. Рядом выявлен горн для плавки металла, очаг и хозяйственные ямы.

На участке к северо-востоку и востоку от Соборной мечети (раскоп XCIII) выявлена полуземлянка золотоордынского периода и ограда в виде плетня, вытянутого по оси

ЮЮВ - ССЗ параллельно её стене. Углы землянки ориентированы по сторонам света с отклонением её продольной оси к западу на 20 градусов. Очевидно, заборы и плетни, а, следовательно, и улицы и переулки в целом в этой части города были параллельны стенам Соборной мечети, находившейся юго-западнее этой полуземлянки и плетня [644, с.15].

В 52 м к юго-западу от Соборной мечети выявлены полуземлянки и многочисленные ямы, входившие, вероятно, в одну усадьбу [645, Ч.1 - с. 23; Ч 2 – с. 24 - 70]. В этой части города выявлены остатки кирпичных домов, возможно имевших подпольную систему отопления типа канов (обнаружены остатки дымогарных керамических труб и обожженных и сырцовых кирпичей), срубных наземных домов с подпольями и печами. Очевидно, усадьбы и дома людей различного социального уровня располагались вместе рядом, что косвенно может свидетельствовать о кланово-родственном принципе застройки Булгара, характерном и для нижневолжских золотоордынских городов.

На современной улице Назарова с.Болгар, где располагался раскоп XXXVI выявлены остатки кирпичного дома монгольского образца с подпольным отоплением канами и суфы [668, с. 76, 79, 80, 83]. На раскопе XXXIV в 1969 г. в районе Ханской усыпальницы также были вскрыты дома разных размеров из сырцовых кирпичей и с подпольным отоплением (под суфами). Полы домов покрывались деревом или глиной. Дома ориентировались осью по направлению СЗ-ЮВ [668, с. 52, 55, 59.].

Березин отмечал, что от районов Чёрной палаты и Малого минарета улицы и добротные здания шли по направлению к цитадели (Малому городку) [76, с.313]. О подобной ориентации улиц свидетельствует выявленный водопровод из керамических труб, ориентированный по оси ССЗ-ЮЮВ и снабжавший водой из озера верхней террасы баню №2 на склоне обрыва. Водопровод, с большой степенью вероятности, прокладывали вдоль улицы или переулка, не нарушая границ усадеб или ведя его ближе к ним.

Рвы оборонительной структуры домонгольского периода были засыпаны, на их месте появилась жилая застройка. Посад домонгольского периода превратился в центр города, где в 1230-60-х гг. была построена большая соборная мечеть [393]. Северным фасадом мечеть ориентирована к обрыву волжского берега. В 1330-е годы перед северным и восточным фасадами мечети возведены мавзолеи, получившие в научной литературе названия «Северный» и «Восточный». В процессе их строительства вокруг мечети было убрано домонгольское кладбище. Часть его сохранялась вблизи Восточного и к северу - от Северного мавзолеев. В центре города была образована главная городская площадь с культово-мемориальным ансамблем. Покрытие площади было выполнено из мелкого известкового бутового камня и плит [76, с. 316].

В первой половине XIV в. важными элементами в структуре города являлись некрополи. На Коптеловом бугре продолжало функционировать кладбище социальных низов. Здесь находился ремесленный район, застроенный усадьбами с землянками и полуземлянками, существовавший с домонгольского времени. В юго-западной части города находилось другое кладбище рядового населения. Представителей высшей знати хоронили в мавзолеях вблизи Соборной мечети и на небольшом кладбище западнее Восточного мавзолея. Свое кладбище было, вероятно, в слободе на подоле, за р.Меленкой. Здесь же, судя по археологическим материалам, находилась Русская слобода со своим кладбищем [550, с. 141-146].

К западу от Бабьего бугра образовалась Армянская слобода. Она имела свой каменный храм. К востоку от этого храма, получившего в дореволюционной историографии название «Греческая палата», было христианское кладбище [699, с. 2]. К городским некрополям подходили дороги от ближайших районов города.

На основе выявленных в процессе археологических раскопок данных на гипотетическую планировочную схему средневекового города были нанесены кирпичные постройки и участки выявленных фрагментов улиц, позволяющие уточнить коммуникационный каркас и являющиеся базовыми маркерами в реконструируемой пространственно-планировочной структуре Булгара (Таблица 28, рис. 1).

Крупные архитектурные комплексы являлись доминантами в застройке города и стали маркерами – неизменными точками при реконструкции пространственно-планировочной структуры города. Анализ отчётов археологических раскопок нескольких десятилетий позволил нанести на реконструированную планировочную структуру Булгара местоположения выявленных монументальных построек.

В 1994 г. археологом Р.Ф. Шарифуллиным выявлены и исследованы остатки монументального кирпично-каменного здания. Руины этого здания располагаются на северном краю верхней коренной террасы над известным памятником «Красная палата», в непосредственной близости (90 м) от центрального комплекса Соборной мечети Булгара. Остатки здания носят следы варварского уничтожения его местными жителями в XVIII–XIX вв. из-за добычи камня для выжигания извести. С западной стороны участок ограждает глубокий до 7 м овраг. Выявлен основной план постройки и отдельные конструктивные особенности. Ранее предполагалось, что здание может быть связано с не локализованным до сегодняшнего дня дворцовым комплексом правителей Булгара [456, с. 148]. Однако анализ результатов археологического исследования остатков этого сооружения в 2012 г. позволяют выдвинуть новую гипотезу. Это было общественное здание типа ханаки.

Отсутствие внутри ханаки Булгара мечети и мавзолея вполне компенсируется расположением её вблизи Соборной мечети и мусульманского кладбища с мавзолеями. Всё это позволило связать центральный культово-мемориальный комплекс с ханакой дорожными коммуникациями и расположить жилую застройку вблизи ханаки в планировочной структуре города. Ханака пространственно была связана с центральным ансамблем города. Другим объектом пространственного тяготения могла быть баня, получившая название «Восточная палата» и располагавшаяся к юго-востоку от ханаки. Коммуникации должны были связать три этих объекта. Помимо этого ханака имела вход на южной стороне, ориентированной на главный фасад Соборной мечети. Логически они должны были быть связаны дорогой между собой и с каменной лестницей, которая размещалась к западу от ханаки на береговом склоне и связывала основную часть города и две нижние террасы.

К юго-западу от Соборной мечети (в районе усадьбы Бушевых с.Болгар) располагался городской рынок золотоордынского времени с торгово-ремесленными рядами. Кирпичные стены рынка толщиной 80-100 см ориентированы по оси С-Ю и З-В с отклонением на 10 градусов. Следовательно, здание рынка вписывалось в общую структуру коммуникаций средневекового города, отклоняющихся от улиц современного русского села. Результаты раскопок последних лет позволили реконструировать рынок в виде квадратного двора 32 х 32 м, опоясанного кирпичной стеной. Поскольку археологическими раскопками входная зона рынка не определена на северной, южной и западной части раскопа, а восточная часть занята подстанцией и в настоящее время не может быть подвергнута раскопкам, то вход предположительно определен с восточной стороны. Его размещение здесь напрашивается логикой трассировки улицы золотоордынского периода, связывавшей культово-мемориальный центр и рынок. Эта одна из центральных улиц города доходила до бровки откоса и выводила к указанной выше каменной лестнице, связывавшей центр города с «улицей бань», проложенной в средней части откоса и заречной слободой на подоле.

Анализ материалов отчётов Г.Ф.Поляковой наводит автора на мысль, что это был скорее городской караван-сарай с функциями рынка. Тем более, что вход в него должен располагаться с востока, как у всех восточных караван-сараев. Этой гипотезы придерживаются и исследователи В.С.Баранов и В.Ю.Коваль, руководившие раскопками CLXXVI и CLXXIX на месте рынка в 2012 г. [49, с.12].

В этом случае перед восточным фасадом караван-сарая-рынка должна была располагаться торговая площадь, выходившая на главную городскую магистраль, связывавшую не только лестницу в нижнюю часть города и площадь Соборной мечети, но

и Чёрную палату и, очевидно, уходившую к площади с большой каменной баней (Белая палата).

В первой половине XIV в. в структуре города появились монументальные каменные здания различного назначения, служившие доминантами в пространствах различных его зон и районов с преобладающей деревянной застройкой. В 500 м к юго-западу от соборной мечети, на месте раннезолотоордынского кладбища в середине XIV в. было построено монументальное здание, получившее название «Черная палата». Возможно, это был большой мавзолей или поминальная мечеть в комплексе с ханакой. По архитектурной значимости Черная палата должна была располагаться на площади или одной из главных улиц города. Вокруг нее находились каменные и деревянные жилища знати и состоятельных слоев населения на каменных фундаментах. Они выстраивались по направлению к Малому минарету от площади, на которой стояла Чёрная палата [293; 410].

В структуре города выделялись зоны общественного притяжения, центром которых служили бани-хаммам, широко распространенные еще в городах Волжско-Камской Булгарии. Одна из первых каменных общественных бань города, получившая позднее название «Восточная палата», располагалась в 200 м к юго-востоку от Восточного мавзолея [577, с. 249-250]. В восточной стороне бани располагалась топочная камера, к которой примыкал обширный хозяйственный двор с водоёмом-накопителем по типу среднеазиатских хаузов. Во дворе находилась землянка и хозяйственные ямы [687, с. 95].

К середине XIV в. в подгорной части города были построены еще три бани, аналогичные Восточной палате. Вдоль склона пролегала улица, на которой в ряду жилой застройки стояли бани. Эта протяженная улица была связана с верхним плато и нижней подгорной частью деревянными и каменными лестницами. К северо-востоку от мечети на обрыве находилась парадная каменная лестница, связывавшая центр города с этой улицей и нижней частью Булгара [27, с. 5]. Лесница выводила к средней бане, которая располагалась на оси с Соборной мечетью внизу под обрывом. По цвету внутренних стен она была названа археологами Красной палатой. Баня располагалась на участке склона между горизонталями 52, 0 и 54,0 м.

Перед её восточным фасадом была устроена мощеная плитами белого камня площадь 6х6 м с фонтаном в южной части. А с западного фасада была устроена яма истопника, облицованная белым камнем. Печь топили с улицы. Продольной осью баня располагалась вдоль склона, а вдоль северного фасада проходила дорога (односторонняя улица). Застройка вдоль неё размещалась ближе к склону [719, с. 36; 728, с. 4 - 5]. По расчётам автора эта улица располагалась вдоль склона на 26 м ниже уровня верхней террасы. В своей статье о банях Болгара Шарифуллин указывает, что эти бани стояли ниже верхней террасы на 40 м [577, с. 225].

В 300 м к западу и в 150 м к востоку от Красной палаты располагались бани чуть меньших размеров. По номерации археологов это соотвественно бани №1 и №2. Первая из них была ориентирова углами приблизительно по сторонам света. Вход в баню был на юго-восточном фасаде, предпечная яма – на юго-западном фасаде. Баня № 2 также ориентирована углами по сторонам света. Юго-восточная стена тянется параллельно р.Меленке. Вход в баню был в юго-восточной стене предбанника. Перед главным фасадом бани №2 также была устроена площадь с фонтаном [577, с. 224 - 225]. Вода к бане №2 подводилась по керамическому водопроводу, протянутому от озера верхнего плато. За р.Меленкой в западной части заречного посада, получившего развитие в золотоордынский период, находилась баня для бедных слоев населения. Продольной осью она ориентирована по направлению север-юг с отклонением к западу на 20 градусов. Перед ней с юго-восточной стороны была устроена мощеная каменными плитами площадь [577, с. 227].

В юго-западной части города в 100 м к югу от Черной палаты располагалась еще одна баня, получившая название Белая палата. В настоящее время от нее сохранились

только руины, которые изображены на рисунке из статьи Н.Н. Кафтанникова [293, Приложение].

Судя по нумизматическим материалам, Булгар в золотоордынский период вместе со столичным рангом перенял название «Биляр». На территории города найдены монеты с названиями «Биляр» и «Булгар», которые чеканились в 1280-1290-е гг. На Билярском III селище, которое в современной историографии отождествляется с золотоордынским Биляром, до настоящего времени не обнаружен слой второй половины XIII в., то есть того времени, когда чеканились дирхемы с легендой «Биляр» [376, с.161]. На рубеже XIII – XIV вв. продукция Булгарского монетного двора полностью вытесняется из обращения и к 1310 г. Булгар перестал быть центром регионального денежного обращения [348, с.130]. Это свидетельствовало о том, что Булгарский улус полностью интегрировался в экономику и политическую структуру Золотой Орды, и на его территории обращалась денежная масса, чеканенная в нижневолжских городах.

Рядовая городская застройка формировалась усадьбами с наземными срубными жилищами, полуземлянками и землянками. Печи, зернохранилища и хозяйственные сооружения рядового населения домонгольского и золотоордынского времени совершенно идентичны [462, с.7]. Усадьбы огораживались дощатыми заборами и формировали улицы, которые в западной части города шли вдоль береговой линии, приближаясь к направлению с северо-востока на юго-запад [553, с.66]. Подтверждением этому служат и неопубликованные материалы о подобной планировочной структуре центральной части Булгара, предоставленные автору архитектором Ф.М.Забировой, участвовавшей в археологических раскопках Болгарского городища в 1970-х гг.

Величина жилых кварталов определена по габаритам усадеб (12-18 х 25-30 м), располагавшихся на краю террасы в центральной части города. В соответствии с проведенными историографическими исследованиями и учитывая характер организации кварталов в других золотоордынских городах, можно предположить, что жилые кварталы Булгара были в диапазоне 60 х 60 – 100 х 100 м, иногда достигая и больших размеров. (Таблица 29, рис. 1.4 – 1.5). По материалам археологических раскопок реконструированы усадьбы различных социальных типов населения. (Таблица 30, рис. 1).

Жилые кварталы формировались замкнутыми усадьбами. Если кварталы были большими, то внутри них складывалась извилистая сеть переулков, и мог находиться огороженный участок с квартальной деревянной мечетью. Следы деревянной мечети выявлены в юго-восточном районе города. Вероятно, рядом с Малым минаретом тоже находилась мечеть, примыкавшая к нему с западной стороны.

За Иерусалимским оврагом развивался новый жилой район, застроенный наземными кирпичными домами монгольского образца с подпольным отоплением [78, с. 6; 462, с. 12]. В нём, очевидно, жили выходцы из нижневолжских городов и представители монгольской администрации. Дома эти были, как правило, однокамерные, кирпичные с подпольной системой отопления. Один из таких домов сохранился в комплексе ханских усыпальниц. С.С.Айдаров считал, что это помещение обогревали для приюта странствующих дервишей, до превращения его в мавзолей. Материалы исследований последних лет свидетельствуют о том, что это был жилой дом монгольского образца, сохранившийся до наших дней как мавзолей. Дома этого района были ориентированы осью по направлению СЗ-ЮВ. Значит, и в этом районе уличная сеть повторяла ориентацию домов углами по сторонам света и усадебных домов вдоль улиц, аналогично центральной части [668, с. 8 - 10].

В 300 м к западу от восточного проезда в городских укреплениях второй половины XIV в. находилось сезонное озеро, наполнявшееся водой весной. В середине XIV в. северо-западный берег водоема был оформлен небольшой площадью 30 х 70 м, вымощенной мелкодробленым туфом [25, с. 140]. На восточном берегу этого водоема компактно располагались жилые и хозяйственные постройки золотоордынского периода

[78, с. 9]. В 1340-1350-х гг. здесь жили косторезы и кузнецы. Территория вокруг озера не была занята могильником и, возможно, этот район просуществовал до конца XIV – XV вв.

Внутриквартальные пространства достоверно практически не восстановимы без сплошного археологического вскрытия территории Болгарского городища. Однако по известным материалам археологических исследований и по аналогии с нижневолжскими городами автор представил вероятную организацию типичного квартала средневекового города. Улицы внутри кварталов, вероятно, были далеки от прямолинейных. Описывая следы жилой застройки вокруг Чёрной палаты и Малого минарета, один из авторов XIX в. отмечал: «… улицы были кривы и нечего предполагать какую-то большую улицу около тех развалин, которые сохранились доныне» [77, с. 313].

Доминанты и внутригородские визуальные связи, панорамы города восстановимы только виртуально. Панорамный анализ города осуществлен с учетом расположения сохранившихся и несохранившихся, но выявленных археологами, монументальных зданий и рядовой деревянной жилой застройки. Главная панорама города, открывавшаяся со стороны р.Волги, была протяженностью более 6 км. На панораме центральной части, протяженностью 2 км, выделялись доминанты. На переднем плане - комплекс Соборной мечети с мавзолеями, на втором плане – Черная палата, Малый минарет, Белая и Восточная палаты, на третьем плане – мавзолеи, т.е. все постройки, расположенные на высоком берегу; а также монументальные бани на береговом склоне и нижней береговой полосе у подошвы склона. Белокаменные доминанты на панораме объединялись деревянной фоновой застройкой.

Особенность панорамы города с р.Волги заключалась в ее каскадности, складывавшейся из разной по уровням застройки на верхнем плато, обрывистом склоне и на подоле. Главной доминантой панорамы была Соборная мечеть с Большим минаретом. Свободное пространство вокруг центрального ансамбля города подчеркивало его значимость на панораме.

Крепостные башни и стены, появившиеся в 1360-1370-ее гг. и упиравшиеся своими концами в береговую линию третьей волжской террасы, создавали на панораме ограничительные рамки центра прежнего города, за которыми с западной стороны находились храм и рядовая застройка Армянской слободы и другие части города. С восточной стороны за стеной оставался Иерусалимский овраг и застройка на другой его стороне. Западные и восточные оборонительные стены спускались вниз по склону и соединялись стеной, проходившей вдоль подножия склона.

Панорамы города с других сторон формировались крепостными стенами с башнями, за которыми виднелись завершения белокаменных построек, вертикали минаретов, причем их плотность нарастала к Волге. Изрезанность ландшафта оврагами, низинами, озерами и болотцами, между которыми на возвышенных местах располагались жилые и общественные здания, способствовали живописности картин восприятия застройки внутри города и раскрытию многослойной панорамы с южной стороны. Особенность южной панорамы заключалась в наложении на развертку крепостных стен города валов и построек Малого городка.

О том, как осуществлялись внутри города пространственно-визуальные связи без сохранившейся жилой застройки и очевидном минимуме сохранившихся монументальных построек представить сложно. В настоящее время пространственно-визуальные связи между сохранившимися зданиями не существенны в силу их большой удаленности друг от друга.

Несомненно, что вокруг каждой монументальной каменной постройки, окруженной рядовой жилой застройкой, существовали зоны композиционного влияния, восстановить которые можно только предположительно. Самобытный облик городской застройке придавали юрты и шатры, устанавливавшиеся, как об этом можно судить по материалам других золотоордынских городов, на усадьбах, площадях и открытых пространствах между жилыми зонами и районами.

Городская деревянная застройка группировалась вокруг композиционных центров, формировавшихся монументальными культовыми, мемориальными и общественными зданиями на площадях. Доминантами меньшего ранга служили кирпично-каменные дома знати монгольского образца. При такой линейной пространственной организации города и судя по фрагментам улиц, планировочная структура города была квартально-уличной с чертами некоторой упорядоченности.

Анализ пространственно-планировочного развития Булгара в золотоордынский период позволили сделать некоторые выводы. Город Булгар в рассматриваемый период застраивался по традиционным булгарским и привнесенным золотоордынским принципам. К числу последних следует отнести отсутствие укрепленной цитадели; формирование общегородского культово-мемориального центра с площадью и соподчиненных ему второстепенных центров жилых районов с общественными зданиями различного назначения (бани, приходские мечети т.д.) на площадях с фонтанами или бассейнами.

К булгарским традициям следует отнести возведение вокруг города оборонительной системы из рва, вала и деревянных стен в 1360-1370-е гг. Особенностью архитектурно-пространственной организации Булгара являлось размещение жилых и общественных зданий на верхней и нижней террасах волжского берега и крутом склоне между ними. Эта особенность отражалась на панораме города со стороны Волги.

При каждом жилом районе, вероятно, имелось свое кладбище. За исключением кладбища на Бабьем бугре, где хоронили бедных, на всех из них возводились монументальные мавзолеи и поминальные мечети.

Сведение воедино всех результатов анализов различных групп материалов по исследованию Болгарского городища позволило реконструировать пространственно-планировочную структуру города на середину XIV в. – время наивысшего расцвета города в золотоордынский период (Таблица 31, рис. 1).

II.2.2. Развитие пространственно–планировочной структуры Булгара в середине XIII вв. – первой трети XV в.

Город Булгар развивался в течение тысячелетия. Мыс, на котором был основан город, начал осваиваться еще в V в. и связывается с населением именьковской и городецкой культур. Во второй половине I тыс. н.э. на данной территории появилось булгарское поселение, а в XIII–XIV вв. здесь располагался ремесленный район средневекового города, застройка которого носила усадебный характер. Ремесленные усадьбы состояли из землянок-мастерских, жилых домов и хозяйственных ям различного назначения. Вдоль улиц тянулись водосточные каналы-арыки. На рассматриваемой территории также располагался небольшой некрополь XIV в. [456, с.148]. В северо-западной части Болгарского городища на месте строительства котельной и трансформаторной подстанции Речного вокзала выявлен кузнечный район города XIII–XIV вв. В середине XIV в. площадь города по сравнению с домонгольским периодом выросла почти в 10 раз. В 1361-1367 гг., в период смуты в Золотой Орде, город по решению правителя Булак-Тимура и вопреки запрету золотоордынских ханов возводить вокруг городов укрепления был опоясан рвом, валом и деревянными крепостными стенами двухметровой толщины и протяженностью около 7 км. Стены, предположительно, были укреплены 14 деревянными многогранными башнями и имели трое ворот: южные, восточные и западные [11, с. 47 - 48]. Оборонительные система состояла из вала, рва и полосы надолбов. По гребню вала шла оборонительная стена шириной около 2 м. Из рва, заполненного водой, выступали забитые в дно сваи. Надолбы тянулись с наружной стороны рва. Вал и ров, окружившие часть города спускались по склону верхней террасы на вторую надлуговую террасу, где проходила улица с банями, и заканчивались, не доходя до заболоченной низины (Таблица 32, рис. 1.4). Протяженность

вала от бровки верхней террасы до низины составляла 85 м. [554,с. 320]. В конце восточной части вала, спускавшегося по склону, выявлены остатки деревянной башни, от которой вал со стеной уходил под прямым углом на запад, оставляя перед собой вместо рва заболоченную низину [554, с. 323].

Город Булгар не имел внутренней цитадели. Оборонительные стены прошли по живой ткани города и опоясали огромную территорию. Булак-Тимур-хан удерживал Булгар до своей гибели в 1367 г. После этого власть в Булгаре захватил местный князь Хасан, правивший до 1370 г., когда его сменил ставленник Мамая Мухаммед-Султан. Каждый раз при смене правителя город подвергался разрушениям различной степени.

После потрясений Булгар в очередной раз поднимался из пепла и руин. Однако прежнего расцвета он уже больше не достиг. Вместо некогда богатых жилых районов в южной половине города образовались пустыри и кладбища. Жизнь продолжалась в основном в северной, прибрежной части города.

В пространстве между Соборной мечетью и Восточным мавзолеем, который в XVIII в. использовали как Церковь Святого Николая, в основании позднезолотоордынского слоя (вторая половина XIV в.) обнаружены остатки кирпичной постройки с подпольем и редкие деревянные здания. К западу от мечети также оказался всего один такой дом [714, с.23]. Очевидно, после погрома Булгара в 1361 г. застройка в центре стала уплотняться за счёт населения, забросившего свои разорённые жилища в районе за Иерусалимским оврагом.

В конце XIV – начале XV вв. кирпично-каменные дома, покинутые золотоордынской знатью, были обращены в мавзолеи, а на территории района образовалось мусульманское кладбище, которое расширилось в юго-восточном направлении и на этой территории в конце XIV в. было возведено 4 мавзолея, аналогичные усыпальницам при Соборной мечети.

На мысовом выступе коренной террасы между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами располагался мусульманский некрополь второй половины XIV – начала XV вв., названный археологами Усть-Иерусалимским. Это было кладбище рядового мусульманского населения в целом европеоидного типа с некоторыми монголоидными чертами у части населения [158,с.46-49].

В южной части города находился крупный мусульманский могильник конца XIV – первой половины XV вв. Погребения совершены с соблюдением всех норм ислама [456, с.149]. Недалеко от южных ворот Болгарского городища сохранились развалины еще нескольких усыпальниц, построенных в начале XV века. Эти мавзолеи показаны на исторических планах города. Археологическими исследованиями 2012 г. выявлены остатки каменного мавзолея 12х12 м с 9 погребениями. Вход с северной стороны был оформлен порталом. Мавзолей вскрыт на месте обнаружения геомагнитной аномалии [48, с.7].

Все бани города, за исключением Красной и Белой палат, прекратили функционирование. Экономика города была подорвана, но он еще продолжал жить. Западная часть города, Армянская колония, Заречная слобода и Русский поселок после возведения рва и вала вокруг центральной части города оказались за пределами оборонительной системы.

Малый городок расположен в 2 км от береговой линии, в южной оконечности Болгарского городища, за его пределами, к западу от южных ворот. Одни исследователи предполагали для Малого городка защитные функции для южных ворот, другие считали его караван-сараем. Однако археологические исследования последних лет заставили отказаться от этих предположений. Выявленное в процессе раскопок практическое отсутствие культурного слоя, минимум материальных находок и своеобразие каменных построек, позволили исследователям выдвинуть новую гипотезу о функциональном назначении Малого городка как общегородской открытой мечети мусалла или намазга. Объект остался недостроенным. Малый городок также подвергался геофизическим

исследованиям с целью локализации остатков архитектурных объектов. На участках геомагнитных аномалий таких объектов выявить не удалось [48, с.11].

Прослежено социально-функциональное зонирование города на различные районы в первой половине XIV в.: заселенные знатью и состоятельными людьми, ремесленные и иноэтнические. К первым относился центральный район на берегу верхней террасы вблизи Соборной мечети, юго-восточный район за Иерусалимским оврагом с домами монгольского образца и юго-западный район вокруг Черной палаты, примыкавший к центральному району. Скопление усадеб и домов ремесленников наблюдалось на окраинах города, вблизи озер, между районами первой группы. Среди этнических кварталов выявлена Армянская колония и Русский поселок. Возможно, как и в других городах Золотой Орды, были и другие этнические кварталы, которые до настоящего времени не обнаружены.

Районы города не отличались четкостью границ. Кроме этого следует отметить, что внутри этих условных районов сохранялась своя социальная иерархия усадеб и построек, обусловленная близким расселением родственников и зависимых людей. Возможно, как и в городах мусульманского Востока, межквартальные улицы играли роль улиц-коридоров. И внутрь усадеб можно было попасть через внутриквартальные улицы и переулки, куда попадали только жители квартала и не допускались посторонние.

Определенную роль в застройке города играла мобильная архитектура кочевого населения: юрты, шатры, навесы. Они могли располагаться как на усадьбах, так и площадях и свободных пространствах между кварталами, а также окраинах города.

В конце XIV в. пространственно-планировочная структура города сократилась до размеров, ограниченных оборонительным поясом. Сведение пространственно-планировочных структур Булгара разных этапов воедино, позволило проследить развитие города во времени (Таблица II.3 – 15, рис. 1).

Основные функциональные зоны сохранялись в северной половине центральной части города на краю верхней террасы. В 1431 г. русское войско под предводительством князя Федора Пестрого захватило и сожгло город. После этой военной катастрофы город сохранял значение мусульманского религиозного центра. В некоторых частях города археологически прослежены слои XV – XVI в. - эпохи Казанского ханства. В южной части города обширные пространства города покрылись некрополями. На центральных участках города жизнь продолжалась в XV- начале XVI веков.

Многие факторы и условия развития пространственно-планировочной структуры Булгара невосстановимы. Однако воздействие известных факторов и условий вызывало изменения в развитии пространственно-планировочной структуры и отражалось на качественных характеристиках архитектурной среды города. Учёт воздействия этих факторов позволил реконструировать схему динамики развития городской структуры (Таблица 32, рис. 2). На схеме видно, что даже с учётом только основных факторов и условий развитие города протекало волнообразно, с фазами спадов и подъёмов на определённых этапах.

II.2.3. Факторы и условия развития Булгара и городов Волго-Камья

Большое значение для развития Булгара в золотоордынское время имели установки и требования, предъявлявшиеся к городам новыми правителями региона. Для выявления их проведён сравнительный анализ пространственно-планировочных решений крупных золотоордынских городов. Важным представляется вопрос о влияниях монгольских традиций на градостроительную культуру Волго-Камья.

Особенности и закономерности развития золотоордынского градостроительства оказывали влияние на города Волго-Камья**.** Монголы, завоевавшие огромные пространства Восточной Европы, имели хорошо отлаженный кочевой быт не только воинов, но и мирного населения. При кочевом укладе были выработаны два вида ставок –

летние и зимние. Форма ведения хозяйства требовала постоянных сезонных пастбищ. Она была связана с четким ритмом перемещения, регулированием численного состава кочевого стана и определяла родовую систему поселения, которая у кочевников-тюрков называлась «аил» («аул»), а у монгольских кочевников – «хот-айл». Следует отметить, что в Волго-Камье стационарные татарские поселения до настоящего времени называются аулами.

Форма поселения общего кочевого стана из нескольких родственных аулов или хот-айлов в периоды окота, стрижки овец или других нужд была круговой. При ней юрты ставились по кругу. Этот круговой или куренной способ расположения стана сохранялся у монголов, как и у всех кочевников Центральной Азии, вплоть до XIII века. В Монгольской империи курень стал военно-административным подразделением из 1000 семей, которые выставляли 1000 воинов, имевших предводителем тысячника со ставкой в центре круга. Со временем кочевка куренями, т.е. крупными объединениями кровнородственных семей, прекратилась, но круглая форма поселений осталась прежней, хотя их социальная структура изменилась. В XIII в. по кругу располагались военные лагеря монголов. По внешнему кругу ставились телеги, а по внутреннему – жилища.

Специфические условия жизни кочевников способствовали выработке двух типов поселений. Во время военных походов или перекочевок возникали кочевые временные поселения или ставки (орда). В степи у кочевников-скотоводов были и оседлые центры, в которых находились правители, духовенство, гарнизоны, ремесленники и часть населения, занимавшаяся земледелием. Они формировались из элементов кочевой архитектуры в виде передвижных сооружений и стационарных элементов: ограждений, валов, рвов, торжища, ставки правителя, культового центра.

Кочевой город (поселение) характеризовался четкой планировочной структурой, своеобразной композицией, которая отражала его социальную специфику. Таким городом из нескольких десятков тысяч сборно-разборных сооружений в начале XIII в. являлась ставка Чингис-хана - Золотая Орда. Композиционным центром такого кочевого города служил сборно-разборный дворец хана или предводителя, который ставился в центре комплекса. Справа и слева от него в определенной последовательности располагались кочевые дворцы родственников и сподвижников хана в зависимости от их социального положения и ранга. Далее по окружности размещались жилища воинов. Внешнюю ограду образовывали телеги и хозяйственный скарб [330, с.29].

Закладка первого собственно монгольского города Сарая-Бату сразу после опустошительных походов в Западную Европу, судя по описаниям арабских авторов, напоминала кочевую ставку в степи, только задержавшуюся на одном месте на длительное время. Население захваченных районов Средней Азии, Крыма, Волжско-Камской Булгарии и Русского государства, согнанное на левый берег Нижней Волги, в технике сырцово-кирпичного и деревянного строительства закрепило на первых порах в системе города иерархическую структуру организации кочевнической ставки, когда вокруг юрт хана ставились юрты царевичей, знати и зависимого населения.

Сложение золотоордынского города в низовьях Волги протекало следующим образом. Структура стационарной ставки - зимника, лежавшая в основе первоначального золотоордынского города разрасталась за счет увеличения количества усадеб монгольской знати и прибывавших из оседлых районов купцов и ремесленников. Линейно протяженные золотоордынские города формировались первоначально концентрическими, а позднее - с уплотнением и упорядочением застройки – квартально-уличными структурами. Надо полагать, что первоначальная «юрта» - сарай хана не могла долго соответствовать статусу и потребностям хана. Новый дворец-сарай возводился на новом месте, ближайшем или дальнем к прежнему месторасположению дворца. Вокруг нового дворца складывалась сеть дворцов и усадеб знати. Для торговли устраивались рынки, а для приезжих купцов – караван-сараи. Кроме этого выделялись участки для купеческих

колоний различных конфессий и этнической принадлежности, где, помимо компактного размещения жилищ инородцев, строились культовые здания [508].

В период с 1251 по 1254 гг. была построена столица Улуса Джучи – город Сарай-Бату. Сарай-Бату располагался на левом берегу реки Ахтубы, левого притока Волги, на протяжении 12 с лишним км и на 3 км в глубину от реки. Застройка Старого Сарая располагалась на холмистом рельефе и должна была иметь интересную панораму и внутригородские картины восприятия. археологических исследований усадебной застройки позволяют утверждать, что в Сарае была уличная планировочная структура. Очевидно, что в обширных низинах между холмами она носила более правильный характер.

Пространственно-планировочная структура первоначальной столицы Золотой Орды Сарая-Бату реконструируется в виде цепи общественных зон, расположенных на холмах вдоль крутого обрыва к р.Ахтубе. Архитектура монументальных зданий этих зон формировала композиционные доминанты на панораме города с реки. Вокруг этих зон располагалась жилая застройка в виде усадеб различной величины. Они формировали квартально-уличную структуру города. Вдоль улиц тянулись арыки, прослеживаемые частично раскопками, а главным образом по микрорельефу и аэрофотосъемке города[508, с. 26].

Яркое воплощение градостроительных особенностей Золотой Орды нижневолжского региона проявилось в городе Сарай ал-Джедит. По данным Ибн-Арабшаха, лично посетившего города Золотой Орды, при хане Узбеке между 1320 и 1332 гг. был заложен город Сарай ал-Джедид. Хан Узбек сделал его новой столицей Золотой Орды, поэтому его и назвали Новый Сарай. Графические материалы XIX в. по Новому Сараю показывают искусственные водохранилища, водопроводные каналы, плотины, сеть мелких каналов, овражно-речную систему с озерами Солоноватое и Сахарное. Показана траектория оборонительной системы средневекового города Сарай ал-Джедид 1360-х годов. (Таблица II.3 – 16, рис. 2 - 3).

Сарай ал-Джедид располагался на нижней террасе левого берега р.Ахтубы. В северо-восточном направлении от города параллельно берегу тянулась высокая гряда холмов (сырт), где было обширное городское мусульманское кладбище, тянувшееся на 7 вёрст [484, с. 357]. Город возник на территории кочевнических зимников. Ранняя застройка Царевского городища формировалась усадьбами кочевых феодалов, к которым позднее был пристроен торгово-ремесленный посад [584, с. 84].

В центральной части Нового Сарая в 1350-е гг. существовала квартально-уличная планировка с водоемами-хаузами на перекрестках и площадях [508, с. 30] Площадь городских усадеб, раскопанных на Царевском городище, достигает 5200 и 7500 квадратных метров, а не раскопанных, но прослеживаемых по микрорельефу, — и того больше. Видимо, это объясняется отсутствием в течение долгого времени фортификации» [508, с. 94]. Кроме того, огромные усадьбы могли быть дворцовыми и принадлежать высшей знати Золотой Орды.

Одновременно с Булгаром в Сарае ал-Джедит в 1360-е гг. появились оборонительные валы и рвы. В Булгаре они ограничили территорию в форме неправильного овала 2 х 2 км, в Новом Сарае –1,6 х 1,0 км. В центре Сарая ал-Джедид была большая площадь, окруженная с юга и востока огромными зданиями. От этого центра расходились к окраинам улицы, а от них - улицы боковые, в целом сохраняя относительно правильную конфигурацию кварталов. Если улицы имели арыки, то вдоль них были валы, по верху которых шли пешеходные дорожки, иногда мощенные битым кирпичом. Через арыки устраивались деревянные мостики на перекрестках и других местах [508, с. 31, с. 64]. В южной части Нового Сарая во дворах некоторых богатых усадеб наряду с многокомнатным богатым домом были большие землянки без отопления, а также юрты.

Кварталы ремесленников и мелких торговцев были раскопаны и в центральной части города рядом с крупными усадьбами и домами. Это свидетельствовало о родственно-племенном характере расселения в золотоордынских городах, при котором вблизи дворца знатного вельможи расселялись его родственники и зависимые люди его клана. Подобная система планировки должна была быть и в городах Булгарского улуса. Хотя в Булгаре и не выявлены огромные усадьбы высшей монгольской знати, однако она наблюдается в археологических материалах. В различных частях Булгара выявлены следы кирпичных домов монгольского образца с подпольным отоплением, вокруг которых располагались наземные и полуземляночные дома жителей явно более низкого социального статуса.

Следовательно, пространственно-планировочная структура Булгара имела много сходных черт со столичными золотоордынскими городами. Градостроительные особенности нижневолжских городов, обусловливались природно-ландшафтными условиями и нахождением в них огромных усадебных комплексов хана и его свиты. Постоянная угроза подтопления их территории заставляла проводить осушительные мероприятия в виде рытья каналов вдоль улиц и устройства огромных бассейнов-водосборников за пределами городов. В этом было отличие булгарских и собственно золотоордынских городов.

Сравнительный анализ показал, что архитектурно-пространственные организации золотоордынских городов, независимо от того, в каком регионе империи они находились, обладали определенной общностью. В первую очередь все они относились к типу открытых линейно-протяженных городов, которые имели квартально-уличную застройку по берегам рек или вдоль транспортных магистралей. В городах Золотой Орды устраивались площади с общественными зданиями монументального характера. Среди них выделялась центральная площадь с большой соборной мечетью, баней-хаммам, дворцовым комплексом или караван-сараем.

Но это, так сказать, внешние черты золотоордынских городов периода расцвета до 1360-х гг. Очевидно, существовали принципы их организации, связанные с государственно-административным устройством Золотой Орды, социальной и кланово-племенной структурой общества. Скорее всего, именно ими определялась разнохарактерная застройка в центре и различных районах городов, когда вблизи крупных усадебных комплексов находились средние по величине и малые усадьбы. В последних усадьбах преобладали полуземлянки и землянки. Проявлялась ли кланово-племенная структура общества в организации жилой застройки в виде так называемых концов, как в русских городах, или махалли (гузара) в городах Средней Азии, или имела иную форму - установить трудно.

Известная у кочевых монголов организация в виде воинских формирований по числу выставляемых воинов (тысячи, сотни, десятки) проявлялась позднее при административном устройстве на территории Руси после проведения переписи населения. Такая же структура, очевидно, существовала в Улусе Джучи повсеместно и была положена в основу даружно-административной системы организации отдельных улусов и городов империи.

В городах Золотой Орды не было традиции отделения территории различных конфессий или родов стенами, рвами или другими устройствами, как в городах Востока, но о существовании иноконфессиональных и разноплеменных кварталов в золотоордынских городах известно по сообщениям средневековых авторов. В пространстве городов границами между такими кварталами или районами могли служить природно-ландшафтные условия (овраги, ручьи, арыки, водоемы-хаусы, озера, сады или зеленые насаждения, перепады рельефа и др.), улицы или открытые пространства с коммуникациями. Так, в г.Булгаре поселок (улица) с русским населением располагался в низинной части города за р.Меленкой. Рядом жило и мусульманское население, возможно, пришлое или переселенное из других мест с более низким социальным

статусом. Армянский район, хотя и находился на верхней береговой террасе, также четко локализуется, отделяясь от центральной части города оврагом.

Глубина жилой застройки от кромки берега реки в золотоордынских городах колебалась от сотни метров до 3 км и изменялась волнообразно. Общая особенность жилой застройки нижневолжских золотоордынских городов по археологическим данным состояла в том, что богатые аристократические усадьбы окружались сырцово-кирпичными или глинобитными стенами, имели большой центральный дом для хозяина и небольшие дома для усадебных ремесленников и слуг, водоем, подсобные постройки. Усадьбы в золотоордынских городах соответствовали социальному статусу владельцев и имели одни или двое ворот. По периметру усадеб располагались блокированные дома для зависимых людей и дворовой челяди [508, с. 664].

В городах других регионов Золотой Орды наблюдалась подобная же организация усадеб с разницей в габаритах и характере ограждения усадеб, которые были традиционно-региональные. В городах Булгаре, Мохше и Бельджамене усадьбы огораживались дощатыми заборами с воротами. В г.Солхате усадебные ограды выкладывались из плитняка.

Могло ли разноплеменное население золотоордынских городов придерживаться прежних градостроительных традиций? Целенаправленное смешение народов и племен в городах при жесткой структуре власти оставляло рядовому свободному населению возможность проявления прежних региональных традиций, вероятно, лишь на уровне организации усадьбы и жилища.

Общим для всех городов империи, помимо кварталов с различным этническим и конфессиональным населением, которое возводило соответствующее культовое сооружение, являлось выделение мест для установки юрт, как на усадьбе, так и за ее пределами на площадях, вблизи перекрестков улиц и на свободных территориях. На окраинах городов или их предместьях могли располагаться и кочевые ставки, следы которых не сохранились в структуре золотоордынских городищ.

С увеличением населения территория городов расширялась, поскольку фортификационных преград не было. Пространственная организация столичных городов и центров улусов усложнялась с разрастанием иерархической кланово-племенной и административно-управленческой структуры их населения. Пространственно-планировочная структура города отражала такое усложнение лишь отчасти. В большей степени оно проявлялось, вероятно, в усложнении социальных и экономических внутригородских и внешних связей.

Крупные города Золотой Орды на ранее оседлых или степных районах развивались с середины XIII в. и к середине XIV в. стали обладать общими принципами застройки и общеимперской типологией монументальных зданий. В ранний период, во второй половине XIII в. они имели разреженную структуру, начинали застраиваться вдоль береговой части и постепенно расширялись вглубь. Во всех крупных городах прослежена застройка социальных низов в виде землянок, полуземлянок и некачественного наземного жилья, очевидно, для согнанных на строительство рабочих. На смену ей приходили крупные жилища знати, ханские дворцы и монументальные здания. Как особенность золотоордынских городов следует отметить смешанное расположение жилищ знати и социальных низов, ремесленников различного профиля. В них не прослеживается четкая социальная топография. Такое смешение усадебных комплексов различного уровня отражает социальную кланово-племенную структуру золотоордынского общества.

Монгольские традиции в городах Золотой Орды могли оказывать влияние на развитие городов Булгарского улуса. Золотоордынские города, в том числе и Булгарского улуса, были открытого типа и не имели оборонительных стен. Такая градостроительная традиция сложилась в государстве Улуса Джучи под влиянием завоевательной политики монголов. Завоевывая территории, монголы основывали открытые города, лишенные оборонительных стен. Крепости сохранялись или возводились для военных гарнизонов и

располагались в нескольких километрах от них. В свою очередь в основе монгольского градостроительства лежали традиции гуннских городов, которые имели прямоугольную форму и опоясывались оборонительными стенами. Кварталы, как и усадьбы, разделялись глинобитными стенами [320, с. 21].

В XIII – XIV вв. на основной территории Монголии было 16 городов. Это были укрепленные стенами города различного уровня, в которых получили развития торговля и ремесла, в том числе металлургическое по выплавке железа и чугуна, кузнечное, ювелирное, гончарное и др. Жители этих городов занимались и земледелием, возделывали пшеницу, просо, ячмень и др. Крепости городов имели прямоугольную или близкую к ней форму. Стены были кирпичные или глинобитные. Внутри города тянулись узкие параллельные улицы [331, с. 125]. Однако большинство городов использовались сезонно, когда на их территории ставились юрты, палатки, павильоны, и потому они были мало застроены [617, с. 32 - 33].

Древнемонгольские города существовали и в Восточном Забайкалье, входившем в империю Чингиз-хана. На остатках одного из них, названного по ближайшему к нему селению Кондуйский городок, выявлен дворцовый комплекс. В Кондуйском дворце в более развитом виде повторена архитектурно-пространственная организация комплекса дворца Угэдэя, который был построен в 1235 г. в столице монгольской империи Каракоруме [336, с. 203; 337, с. 99].

Монгольские города XIII - XIV вв., обнаруженные в Южной Сибири Л.Р.Кызласовым, не окружались оборонительными стенами. Жилые дома в них имели отапливаемые канами лежанки-суфы, являвшиеся отличительным признаком средневекового стационарного монгольского жилища от Молдавии до Восточной Сибири. Эти города имели полиэтнический состав населения, представленный монголами, китайцами, тюркоязычными обитателями Тувы, древними хакасами и уйгурами [320, с.24, 26].

Отличие монгольских и золотоордынских (по сути, также монгольских) городов в наличии у первых и в отсутствии у вторых укреплений. Отличались ли пространственно-планировочные структуры дворцовых комплексов хана и монгольской знати? Золотоордынские дворцовые комплексы нижневолжских столиц Золотой Орды городов достоверно не установлены. Однако на Царевском и Селитренном городищах выявлены крупные усадьбы и многокомнатные здания, которые можно считать соответственно дворцовыми комплексами и дворцами, поскольку более крупных сооружений в этих городах нет. По своим размерам золотоордынские усадьбы (40х50 – 175х180 м) сопоставимы с ханскими усадьбами (дворцовыми комплексами), выявленными в городах восточной части Монгольской империи (30х40 – 160х150 м) [44, с. 8]. Общие черты их, помимо этого, составляли: ограды из сырцового кирпича или в виде глинобитных дувалов, иногда опоясанных рвами с водой; постановка дома в центре усадьбы (дворцового комплекса) в окружении домов охраны и обслуги, яркая полихромия во внешнем и интерьерном оформлении дворца. Отличие золотоордынских дворцовых комплексов от собственно монгольских состояло в отсутствии высоких террас или подиумов под дворцами, многоколонных залов и навесов на этих террасах и цветной майоликовой черепицы в качестве покрытия крыш в виде китайских пагод.

Дворцовые комплексы Каракорума, Кондуйского городка, города хана Есагуна и других монгольских городов в большей степени, чем золотоордынские, отражали влияние китайской архитектуры. В их постройках использовали ярусные крыши на деревянной балочной структуре красного, золотого или другого цвета с майоликовой черепицей зеленого, желтого и красного цветов, статуями черепах и драконов и т.д. [44, с. 3 - 18]. В золотоордынской архитектуре полихромия сохранялась в облицовке фасадов и стен в интерьерах зданий майоликовыми и изразцовыми плитками. Сохранялась также монгольская традиция в устройстве подиумов в тронных залах золотоордынских ханских дворцов [508]. Следовательно, золотоордынское градостроительство в большей степени

следовало традициям северной части Монгольской империи, в которую входили территории Южной Сибири, Хакассии, Уйгурского каганата, Тувинского аймака и часть территории современной Монголии.

Монгольские ханы имели и временные ставки, куда они перекочевывали в летнее время. Композиционным и функционально организующим центром монгольского кочевого поселения служила ставка, местоположение юрты (гэра) предводителя или старейшины рода, которые постепенно превратились в сборно-разборные дворцы – орд. Средневековые источники отмечали, что ханские дворцы назывались золотыми, поскольку столбы и порог в них покрывались золотыми листами, прибитыми золотыми гвоздями [331, с. 25].

Для перекочевки использовались юрты на двух- или четырехколесных арбах, которые тянули верблюды или быки. Жилища на колесах использовали в обороне кочевого стана. В этом случае их ставили по кругу, защищая внутреннее пространство. Этот способ расположения кочевого стана назывался куренным и сохранялся у монголов и всех кочевников Центральной Азии до XIII в.

В Монгольской империи курень был военно-административным подразделением из 1000 семейств, которые выставляли 1000 воинов во главе с тысячником. Его ставка находилась в центре круга и отмечалась военным знаменем – бунчуком. Куренная форма организации поселений сохранялась на протяжении столетий. В кочевой ставке юрты сыновей ставились по бокам и сзади отцовской, далее последовательно располагались жилища родственников. Поселение по степени родства делилось на два круга: двоюродных и троюродных, на правое и левое крыло, где правое имело преимущество перед левым. Знатные и богатые занимали юго-западную часть поселения, а самые бедные ставили свои жилища позади всех, замыкая стойбище [331, с. 38]. Кочевое поселение формировалось из юрт и имело ограждения, валы, рвы, торжище, ставку правителя, культовый центр. Этот принцип организации поселения сохранялся и в стационарных поселениях, в которых жили правители, духовенство, ремесленники, торговцы и земледельцы.

Зимники являлись стационарными жилищами кочевников (вернее полукочевников), которые сеяли вблизи них просо и ячмень и откочевывали на летние стойбища. Осенью возвращались для сбора урожая. Кочевой город или поселение, как и стационарный, характеризовался четкой планировочной структурой и социальной иерархией [331, с. 39].

Следовательно, в Улусе Джучи поддерживались традиции монгольского кочевого градостроительства в степных районах, оседлого градостроительства в виде городов-крепостей и одновременно были выработаны градостроительные приемы строительства линейно развитых открытых городов. В этих городах сохранялись традиции размещения юрт на усадьбах и площадях города. В них была привнесена традиция отопления жилищ канами. Вместе с тем в Золотой Орде была выработана своеобразная градостроительная культура, синтезировавшая достижения градостроительных культур завоеванных народов с монгольской. С распространением в центральных районах Монгольской империи буддизма, а в Улусе Джучи – ислама, изменилась образная составляющая золотоордынских городов в виде культовых сооружений, дворцовых комплексов и др. В них не было ярко выраженного влияния китайской архитектуры, как в Каракоруме и прилегающих территориях. Общность проявлялась в кочевом компоненте этих регионов, сохранявшем монгольские традиции.

Во второй половине XIV в. в Улусе Джучи проявились кризисные явления, положившие начало концу Монгольской империи в Восточной Европе. Большую роль в этом сыграли природные факторы. Резкое усыхание степной зоны запада евразийских степей, вызванное уменьшением осадков летом и малоснежными зимами, вызвало наступление песков. Одним из важных факторов, способствовавших распаду империи, был нараставший конфликт между наместниками и знатью экономически и политически окрепших окраинных улусов, выдвигавшими своих претендентов на ханский трон,

стремясь овладеть центральным административным аппаратом государства. Одновременно усиливался сепаратизм кочевой аристократии. С 1359 по 1380 гг. в Сарае ал-Джадит сменилось 17 ханов, некоторые из которых неоднократно сидели на престоле. Все это разделило страну на враждующие области. Не менее разрушительной была демографическая катастрофа, наступившая после многократных эпидемий бубонной чумы во второй половине XIV - начале XV вв. Население многих регионов уменьшилось более чем наполовину. Однако главной причиной гибели Золотой Орды стали завоевания Тамерлана, разгромившего столичные города Нижнего Поволжья в 1395 г.

Распад Золотой Орды стал очередным катаклизмом в Восточной Европе. Междоусобицы, последствия военных походов Тамерлана вызвали разрушения многих городов и поселений прежних улусов Золотой Орды.

II.3. ГОРОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Пространственно-планировочная структура городов ханства представляла собой иерархированную структуру: укреплённый кремль – укреплённый или неукреплённый посад - пригороды. Каждая из этих ступеней иерархии города формировалась следующими элементами: ландшафт, коммуникационный каркас, крупные архитектурные комплексы, рядовая застройка.

В Казанском ханстве был один крупный город – Казань. Основными типами поселений были города – центры даруг, укрепленные вотчинные поместья и селения. Возводились они, в основном, из дерева, поэтому их пространственн-планировочная структура может быть восстановлена только в результате археологических раскопок, которые до настоящего времени проводились преимущественно в Казани.

II.3.1. Города - центры даруг Казанского ханства

Пространственно-планировочная структура городов - центров даруг формировалась кремлём и открытыми посадами. Наиболее известными городами Казанского ханства являлись Иске-Казан, Арча (Арск), Алат, Чаллы (Чаллынский городок), Зюри, Шунгат. Они были значительно меньше Казани и имели пространственную организацию секторного типа, обусловленную мысовым расположением в ландшафте. Это было общим распространенным явлением в Восточной Европе. Так города, расположенные на мысах при слиянии двух разновеликих рек и развивавшихся в секторе междуречья, составляли более половины всех городов Русского государства. В отличие от золотоордынского периода, города Казанского ханства имели оборонительные укрепления (Таблица 33, рис.1).

г.Иске-Казан Средневековый город связывают с Камаевским (Иске-Казанским) городищем и Русско-урматским селищем, расположенными у современного селения Камаево Высокогорского района Татарстана, в 40 км от устья Казанки вверх по реке. В конце XIX - начале XX вв. Камаевское городище считалось остатками первоначальной Казани (Иске-Казани), перенесенной в XIV в. ближе к устью р. Казанки. Однако в настоящее время установлено, что Казань развивалась на своём месте со времени основания в начале XI века. Город Иске-Казан не связан со столицей, а его название означает не Иске (Старая), а Ичке (Внутренняя) Казань, поскольку располагалась на внутренних территориях ханства.

Камаевское (Иске-Казанское) городище является остатками кремля Старой Казани площадью 7,2 га, Русско-Урматское селище – остатками её основного торгово-ремесленного посада площадью 124 га. Камаевское (Иске-Казанское) кладбище было городским кладбищем Старой Казани и имело каменные надгробия. Русско-Урматское кладбище являлось посадским кладбищем Иске-Казани XIII - XVI вв. Археологический

материал позволяет ограничить основание и время существования Камаевского городища первой третью XV – серединой XVI в., т.е. оно функционировало в период Казанского ханства [123].

Пространственная организация Иске-Казани отличалась особенностями. Ее кремль, поставленный на каменистом мысу с крутыми склонами, был пространственно оторван от посада, располагавшегося в пойме р.Казанки. Однако такое расположение позволяло крепости контролировать подходы к городу и обеспечивать защиту посада. Такой прием известен с булгарских времен, когда крупные торгово-ремесленные поселения защищались отдельно стоящими в устьях рек крепостями. Планировочная структура Старой Казани не выявлена. Застройка была преимущественно деревянной, хотя в процессе раскопок обнаружены фундаменты нескольких каменных построек небольших размеров.

г.Чаллы Чаллынское городище – остатки города Чаллы, основанного еще в булгарское время и имевшего кремль с оборонительной системой из трёх рядов валов с деревянными стенами и рвов. Город располагался на ровной территории, примыкая одной стороной к реке Мёше. Региональные градостроительные традиции просматриваются в устройстве тройной системы обороны кремля. Вокруг него располагался обширный посад, стены которого пока не обнаружены. Планировочная структура города не сохранилась. Застройка была преимущественно деревянной. В процессе раскопок также обнаружены фундаменты нескольких каменных построек.

г.Арча Известен по русским летописным и другим историческим источникам, отразившим события по захвату Казани в 1552 г., как «град Арский». Возник в булгарский период и относился к мысовому типу городов с секторной пространственной структурой. На высоком мысу между р.Казанкой и глубоким оврагом возвышался деревянный кремль, к которому с напольной стороны примыкал посад. Позднее на месте татарского кремля была поставлена русская деревянная крепость треугольной формы в плане с четырехгранными башнями по углам. Возможно, именно такая форма была наиболее приемлема в существующих ландшафтных условиях и соответствовала кремлю в ханский период. Посад примыкал к кремлю с северной и северо-восточной стороны.

г.Зюри, г.Алат Пространственная структура городов не установлена. Для её восстановления необходимо проведение обширных археологических раскопок в местах их расположения.

Г.Кирменчуг в период ханства постепенно потерял значение княжеского городского центра.

Г.Булгар сохранял в ханский период значение мусульманского центра, где татарское население посещало развалины мечетей, кладбища и мавзолеи знати и святых предков. В центре Булгарского городища выявлен небольшой культурный слой периода Казанского ханства, что свидетельствует о сохранении части населения в полуразрушенном городе.

Г.Шунгат являлся единственным городом Предволжья, где другие городские поселения Золотой Орды практически утратили свой городской статус. В период ханства сохранял значение центра этой зоны, хотя оборонительными стенами была опоясана только часть его былой территории.

Г.Тятеш – город-крепость у переправы через Волгу. Располагался на гористом рельефе правобережья Волги. Во второй половине XVI в. стал русским городом Тетюши, облик которого сохранился на панораме А.Олеария XVII в.

II.3.2. Пространственно-планировочная структура Казани середины XVI в.

Ландшафт города является важным элементом пространственно-планировочной структуры. Часто он играет роль одного из важнейших и постоянных факторов развития города, во многом определяя его структуру. На особенности развития структурных частей

города: пригородов, посада и кремля влияют холмы, овраги, равнинные территории, реки, ручьи, протоки и озёра.

Средневековая Казань располагалась в 6 км вверх по течению от устья р.Казанка при впадении ее в Волгу. В целом ландшафтные условия, в которых развивалась Казань, определялись долинами рек Волги и Казанки с заливными лугами, среди которых возвышалась высокая гряда холмов. Начиная с Кремлевского холма между р.Казанкой и протокой Булак, расширяясь на юг с холма на холм, пространственно развивалась Казань. Река Казанка петляла по плоской долине с северо-востока на запад, являясь естественной водной преградой на подступах к городу. На противоположном от города северном берегу Казанки простирались болота и леса.

Кремль Казани занимал верхнюю часть самого высокого и крайнего в гряде холма, которую с северо-запада на северо-восток омывали воды р.Казанки, а вдоль западной подошвы протекала илистая протока Булак, раздваивавшаяся при впадении в р.Казанку. Она соединяла Казанку с озером Нижний Кабан, лежащим в 2 км юго-западнее Кремля. В свою очередь это озеро составляло цепь с озерами Средний и Верхний Кабан, которые соединялись протоками. Эта система озёр, оставшаяся от старого русла Волги, являлась важным элементом пригородной зоны столицы. В неё входили также Ханский луг и Арское поле. Заливной луг, простиравшийся у подножия западного склона за Булаком до Волги и использовавшийся после сенокосов для народных празднеств, назывался Ханским. К северу он тянулся до р. Казанка. По Ханскому лугу протекала речка Ичка, левый приток Волги. На возвышенностях этого луга, по левому берегу Казанки располагалось селение Бишбалта, жители которго обслуживали адмиралтейство ханства (Таблица 33, рис. 2 - 3). Казань вместе с окружающими слободами и сёлами составляли некую агломерацию, функционально связанную воедино. (Таблица 33, рис. 4).

В русских летописных источниках неоднократно упоминаются «Туры Казанские» или «Туры Казан-су» в устье Казанки. Последний вариант в переводе с татарского означает «прямая река Казанка», говоря как бы о выпрямленном участке дельты Казанки. Однако у этого словосочетания есть и другое значение «башни (крепости) Казани». По косвенным данным из нескольких источников автором установлено, что речь идет о башнях или крепостях, поставленных на противоположных берегах и защищавших вход в реку Казанка с Волги. Этот традиционный для региона прием внешней обороны городов был известен с булгарских времен.

На Волге, против Казани находился большой Гостиный остров (позднее названный Маркиз), на котором проводилась ежегодная Волжская ярмарка, собиравшая купцов из Русского государства, стран Востока и Запада. Два крупных волжских острова (в русской интерпретации Коровнич и Ирыхов) использовались во время военных действий для дислокации русских войск, а жителями города для сенокосов. На юго-восток от города находилось Арское поле – обширное плато по Арской дороге, где также проходили летние праздники для горожан.

На востоке вдоль подошвы гряды холмов тянулась Черноозерская впадина с цепью озер, объединённых протоками в единую систему. До этого на месте Черноозерской впадины был глубокий, с крутыми склонами лог, по дну которого протекал ручей. На склонах лога и оврагов били ключи. Очевидно, для создания запасов воды в логу были построены запруды и образовались озера, которые застаивались, мелели, и дно лога поднималось. К северо-востоку от этой впадины возвышался холм, также обрезавшийся глубоким оврагом. Со времени основания города на холме располагалось поселение, которое во второй половине XV в. вошло в состав посада Казани.

К сожалению, не сохранились архитектурные памятники, татарские летописные и графические документы ханского периода. Средневековая Казань упоминалась в русских летописях и в единичных исторических документах мусульманского Востока. Для реконструкции пространственно-планировочной структуры Казани привлечены сведения письменных и графических документов русского периода существования Казани второй

половины XVI – начала XVIII вв.: схемы территориального роста и развития планировочной структуры Казани в течение XVI – начала XVII веков, схематические планы ханской Казани, составленные историками, местными краеведами, автором, панорамы города XVI-XVII вв. и документы более позднего времени, позволяющие, тем не менее, выявить некоторые планировочные и пространственно-композиционные характеристики города ханского периода.

Материалы археологических раскопок последнего десятилетия, многолетние историко-графические исследования историков архитектуры и перечисленные выше историографические документы позволили автору в общих чертах определить пространственно-планировочную структуру Кремля ханской Казани с большой степенью приближения. Для восстановления пространственно-планировочной структуры ханской Казани как градостроительной системы необходимо рассмотреть и реконструировать её структурные части кремль, посад, пригороды, планировочную структуру и застройку города на период середины XVI в.

Кремль являлся административно-религиозным центром столицы, где располагались несколько монументальных комплексов: Ханский дворец, мечеть Кул-Шарифа, Соборная мечеть, княжеские дворцы, Диван и другие учреждения управления государством и т.д. Каждый из них представлял обширный, опоясанный мощными стенами двор, внутри которого располагалось главное и несколько вспомогательных зданий.

К середине XVI в. каменно-деревянные стены на Кремлевском холме опоясывали территорию около 22,5 га, близкую по форме к вытянутому с севера на юг неправильному четырехугольнику. На восточной стороне холма стены крепости спускались почти к подошве холма, где имелась проездная Елбугина (Водяная) башня, выводившая к переправе через реку Казанка. По писцовым книгам известно название некоторых башен татарского Кремля. На месте Никольских (Тайницких) ворот находились татарские ворота Нур-Али (Муралеевы), которые выходили на Алатскую и Галицкую дороги ханства. Воскресенские – Елбугины (Водяные) ворота выходили к Казанке, Преображенские (Сергиевы) – Тюменские ворота находились в юго-западном углу Кремля, в месте соединения со стеной посада, Дмитриевские – Сбойливые ворота ханского периода (Таблица 34, рис.1 - 2).

Планировочная структура Кремля формировалась главной коммуникацией, пересекавшей его территорию с севера на юг и соединявшей проездные ворота Ханские и Нур-Али и отходившие от неё на запад и восток улиц и переулков. Они соединяли застройку внутри Кремля. Часть улиц подводила к другим проездным башням. Главная улица крепости имела белокаменное мощение. Другие улицы мостились деревом [455, с.118]. На склоне спуска к башне Нур-Али находился дворцовый комплекс одного из крупных феодалов ханства Нур-Али-бия. Известно, что в этот комплекс входила мечеть Нур-Али. Следовательно, эта северная часть Кремля, застроенная монументальными комплексами, была отделена от остальной территории белокаменной стеной с проездной башней и Тезицким рвом. Они входили в южную часть обороны ханского Кремля, предположительно, состоявшую из трех рвов и тройного ряда стен, укрепленных высокими крепостными башнями. Южнее этой первой оборонительной линии в Кремле монументальные комплексы и здания археологами пока не обнаружены. С увеличением территории Кремля в южном направлении она стала внутренней стеной оборонительной структуры. Вторым был ров в 100 м севернее современной южной стены Кремля, по северной бровке которого также была оборонительная стена с проездной башней на главной магистрали. Третья, внешняя стена крепости, если идти от ханской цитадели на юг, доходила до современной Спасской башни, на месте которой, очевидно, находилась Царская (Ханская) башня, от которой на запад и восток отходили закруглявшиеся прясла стен. Современные Юго-восточная и Юго-западная наугольные башни Кремля находятся уже за пределами территории ханского времени. Устройство дополнительной оборонительной стены с башней внутри Кремля не противоречит градостроительным

традициям региона. О том, что пространство между второй и третьей (внешней с южной стороны) оборонительными линиями было буферной зоной, свидетельствуют мусульманское кладбище, локализованное в её правой части, и незначительная толщина культурного слоя.

Застройку Кремля формировали деревянные усадьбы различных социальных слоёв, обслуживавших дворцовые комплексы хана и знати. По сторонам мощеных деревянными плахами улиц шириной 3,5 - 4 м, располагались деревянные жилые дома и хозяйственные постройки. По сути дела, Кремль был своеобразным городом в городе, запретный для большинства жителей посада. По письменным источникам XVI в. известно, что Кремль ханской Казани был связан с посадом главными Ханскими воротами, располагавшимися на южной стене.

Большую роль в выявлении пространственно-планировочной структуры Кремля играли материалы археологических раскопок, которые впервые позволили установить основной коммуникационный каркас и местонахождение крупных архитектурных комплексов ханского времени (Таблица 34, рис.3).

Таким образом, с середины XV в. Кремль, как композиционный центр и ядро столичного города, постоянно видоизменялся и развивался. Этому способствовали решения ханов по укреплению его обороноспособности после очередного отражения военной осады и расширению и возведению дворцового комплекса и его построек, решения религиозной ветви власти во главе с сеидом по возведению культовых и мемориальных комплексов, в которых, вероятно, проявлялись градостроительные и архитектурные влияния Крыма и Османской империи.

Посад являлся основной территорией расселения жителей города. Первоначально открытый, с изменением статуса города он приобрёл оборонительную структуру, включавшую ров, вал и стены с башнями. С расширением территории, посад развивался в южном направлении, первоначально по гребню кремлевского холма и доходил до современной ул.Астрономической. С западной стороны посад ограничивался протокой Булак. С восточной и юго-восточной стороны посад, предположительно, включал Черноозерскую впадину с системой озер и территорию, где позднее возник Богородицкий монастырь (Старое городище).

Посад мог иметь внутренние оборонительные стены, разделявшие его на части, которые можно было оборонять при прорыве врага в одну из них. Стены могли поставить с восточной стороны холма – у его основания, вдоль Черноозерской впадины, где выявлены остатки крепостных стен. Вторая внутренняя стена тянулась по другой стороне Черноозерской впадины до Кремля. С юга посад ограничивался деревянной стеной и рвом вдоль современной ул. Астрономической, где также выявлены их археологические остатки. Ров наполнялся водами Булака и соединялся также протокой с цепью озер Черноозерской впадины. Следовательно, Черноозерская впадина оставалась между внутренними стенами посада, являясь внешней дополнительной преградой для наступавших из-за топкости болотистых берегов и системы озер, в которую входили: Банное, Черное, Белое и другие. В районе северной части Черноозерской впадины дополнительные стены посада могли соединяться. В противном случае – они примыкали к кремлевским стенам.

Посадский ров был выкопан с использованием существовавших оврагов и связан с протокой Булак и р.Казанкой. Анализ природно-ландшафтных условий и материалов археологических наблюдений исторической части Казани показали, что Черноозерский овраг (впадина) имел для города важное жизненное значение и входил в пространственно-планировочную структуру города. Он, по сути, являлся главным источником водоснабжения города. На склонах и по дну этого глубокого оврага били ключи, которые подпитывали искусственно созданные системой шлюзов озера. Каналом, проложенным по дну одного из ответвлений оврага, эта система озер была связана с кремлевским рвом и Поганым озером, находившимся у подошвы кремлевского холма с северной стороны.

Оборонительная система посада включала ров и стены в виде городней - деревянных срубов, заполненных землей и камнями. В наиболее важных и опасных местах для обороны в стенах стояли башни, часть из которых имела проездные ворота. С востока на запад по окружности посадская стена имела следующие башни с проездными воротами: Щелские (татарское название неизвестно), Кайбатские и Арские (выходили на Арскую дорогу), Ханские (Царские) (находились на склоне холма в районе физфака КГУ), Ногайские (выходили на Ногайскую дорогу в районе улиц Баумана и Астрономической), Кураишевы, Крымские (выходили на Булак, Кураишеву слободу и Крымскую дорогу), Аталыковы (выходили на протоку Гнилой Булак, к караван-сараю и ярмарке Таш-аяк, на Алатскую, Галицкую и Московскую дороги). Сколько было непроездных башен - неизвестно.

На посаде крупными архитектурными комплексами были Ханский караван-сарай, комплексы общественных бань, городских и квартальных мечетей, тюремного острога, администрации города, городских рынков, княжеские дворцовые комплексы, кладбища и т.д. Все они связывались главными дорожными коммуникациями с проездными башнями, выводившими к государственным дорогам: Ногайской, Крымской, Арской, Алатской, Галицкой и т.д. Предполагаемая площадь посада ханской Казани составляла порядка 80 га. Протяженность его в юго-восточном направлении была около 800 м.

Пригороды играли существенную роль в жизни любого средневекового, тем более столичного города. В западной части Казани под стенами Кремля и при выезде из посада через Аталыковы ворота располагался комплекс караван-сарая и ярмарки Таш-аяк. Близость к р.Казанка и протоке Булак сделала этот комплекс важным торговым центром Казани. Он располагался в ближайшем пригороде и потому был доступен для иноземных купцов. Водными путями по Булаку и Казанке торговый комплекс был непосредственно связан с Волжской ярмаркой на Гостином острове.

Адмиралтейский комплекс, где строились суда для ханского флота, располагался на берегу Волги. Вблизи находилась слобода Бишбалта, в которой проживали рабочие адмиралтейства. Южнее их на берегу Волги был построен пристаньский комплекс «Бакалда». Все они были связаны дорогами с Казанью и играли важнейшую роль в её экономической жизни.

За Булаком, ближе к оз.Кабан располагалась загородная Кураишева слобода с комплексом Отучевой мечети. Южнее её находилась Армянская слобода с храмом. Обе слободы связывались с Казанью Ногайской дорогой.

К юго-востоку от Казани находилась безымянная слобода, на месте которой в XVII в. существовала Красная слобода, а ниже её, на берегу Казанки – Подлужная слобода, также известная с ханского времени. Обе татарские слободы были связаны с Казанью Арской дорогой. В целом планировочная структура пригородов Казани была обусловлена государственными дорогами, сходившимися к городу. Только к пристани «Бакалда» была проложена по Ханскому лугу специальная дорога.

Для реконструкции ***планировочной структуры*** города привлечены историко-картографические материалы. Среди них «Геометрический план Казани 1739 г.», который был первым специально составленным А.Сациперовым планом города на основе натурной топосъёмки 1730 г. с применением инструментов. Съёмка производилась после сноса в 1729 г. стен посада. План отразил не только нерегулярную планировочную структуру города позднефеодального периода, но и места, где ранее проходили посадские стены. Посад русского времени отличался от посада ханской Казани своими размерами. Он был расширен в западном и южном направлении. В западной части стены посада были передвинуты за протоку Булак, которая оказалась внутри города. В южном направлении была освоена еще одна «гора» за рвом ханского времени и городские стены прошли по её южной оконечности. На месте этих стен ханского посада на плане остались улицы, которые позволяют восстановить очертания татарского города (Таблица 35, рис. 1).

Главными осями планировочной структуры посада ханского времени являлись три главные магистрали, сходившиеся своими северными концами перед Ханской башней крепости. Объединяющим началом для них служила расположенная перед южной стеной Кремля площадь торга, отделявшаяся от нее глубоким рвом, наполненным водами Булака и Казанки. Центральная из трех дорог являлась продолжением кремлёвской коммуникации, отходила от главной Ханской башни и шла по гребню кремлевского холма к одноименным Ханским посадским воротам (направление современной ул.Кремлевской).

Вторая магистраль тянулась вдоль основания западного склона кремлевского холма. Предположительно, она начиналась на северо-западе от Аталыковых посадских ворот и, проходя через Нижние Ногайские ворота посада, шла на юг в Ногайскую Орду и далее Крым. Был ли посад вдоль западного склона холма вблизи раздваивающегося устья Булака, пока окончательно не установлено. На этом месте располагался «нижний базар», караван-сарай и сезонная ярмарка «Таш аяк» («Каменная нога»). По преданию, название связано с каменной чашей, в которую собирался торговый налог.

Третья магистраль начиналась от Сбойливых ворот Кремля и выводила к Арским посадским воротам, уходя в Заказанье, к городу Арча. От торговой площади, где находился Ханский караван-сарай, на восток и запад по склонам холма и в основном по поперечным оврагам к магистралям спускались улицы и переулки, объединяя главные улицы посада в единую систему. Выделение на плане А.Сацыперова основных радиальных и поперечных дугообразных магистралей, проложенных по оврагам, позволило выявить коммуникационный каркас Казани середины XVI в. (Таблица 36, рис. 1).

Сравнительный анализ планов Казани А.Сацыперова и 2-й половины XVIII – XIX вв. позволил установить направления улиц, наиболее устойчиво сохранявшиеся в планировочной структуре города на протяжении 300 лет, а, следовательно, могли иметь такое же направление в ханский период (Таблица 36, рис. 2 - 3).

. Таким образом, установлено, что планировочная структура казанского посада имела радиально-веерную основу улиц (Таблица 36, рис. 4).

II.3.3. Организация жилой застройки Казани

Региональные традиции

Городская ткань города в виде рядовой, преимущественно деревянной застройки соединяла все структурные части городской системы: Кремль, посад, пригороды. Жилая застройка формировалась различными комплексами, отвечавшими статусу владельцев. В ней находились архитектурные комплексы – доминанты второго порядка (городские и приходские мечети, бани и т.д.).

Кланово-родственный принцип расселения в Казани и других городах ханства находит косвенное подтверждение в том, что в татарских селениях XVII–XVIII вв., очевидно, и значительно раньше, сохранялись большие усадьбы, застроенные домами и хозяйственными постройками родственников нескольких поколений и не разделенные заборами. Замена в начале XVIII в. подворной подати на подушную вызвала разделение пространства больших усадеб на более мелкие при сохранении принципа родственного расселения в структуре селения. Даже в середине XIX в. особенность татарских селений и слобод городов составляла очень высокая плотность застройки их отдельных частей или концов, заселенных родственными группами семей, принадлежавших к одному роду. Часто за первым рядом усадеб располагался без разрывов второй, а иногда и третий ряд усадеб. Это объяснялось не только исчерпанием земельного лимита в пределах селения или слободы для его дальнейшего развития по ряду социально-экономических и природно-ландшафтных причин, но и традициями расселения татар родственными группами. В начале XIX века современник так объяснял эту особенность: « Часто двор

татарина со всем его хозяйством не примыкает к улице, обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб к нему добраться, нужно пройти через несколько других дворов. Таким образом сплочены только в родстве между собой состоящие семьи, посторонние же отделяются одни от других переулками и улицами. Это происходит от того, что, если например, в каком-нибудь хозяйстве кто-нибудь женится, его не выселяют на край деревни. Напротив, у родительского двора отделяют половину, которая тогда огораживается и нововодворенный обстраивается там отдельным домом и хозяйством» [43, с. 406 - 407].

Выгораживание части территории родительской усадьбы для молодой семьи - значительно позднее явление, возникшее в татарских селениях под влиянием развивавшихся капиталистических отношений. Традиционно для молодых на родительской усадьбе ставился дом, а иногда просто клеть, где жили с весны до глубокой осени. Хозяйство было общим для всей большой патриархальной семьи. Её усадьба представляла собой комплекс в виде огороженной забором общей территории, внутри которой стояли дома отца, его братьев и женатых сыновей, а по периметру располагались отдельно стоявшие хозяйственные постройки. Такая усадьба находилась в окружении подобных усадеб, принадлежавших родственникам одного клана или рода. Татарское селение периода позднего средневековья состояло из нескольких подобных гнезд усадеб.

Этот прием расселения был характерен в период позднего средневековья для татарского, марийского, чувашского, удмуртского, мордовского населения не только на селе, но и в городе. Кланово-родственный принцип расселения был характерен и для русских средневековых городов, где вокруг боярской усадьбы селились родственники и зависимое население.

Во второй половине XVI-XVII вв. в городах и селениях бывшего Казанского ханства, куда переселялось русское население, этот принцип в полной мере не соблюдался, поскольку расселение в них осуществлялось уже по служило-слободскому принципу. При этом жителями городской слободы или селения становились переселенцы из разных мест Московского государства.

Принципы и приемы организации застройки Казани, как мусульманского города

Казанское ханство было мусульманским государством. Очевидно, помимо родственного и этнически–религиозного принципа расселения жителей в структуре средневековых городов Волго-Камья, в их архитектурно-пространственной организации проявлялся свод принципов и правил, присущий городам других регионов и стран мусульманского мира и отражавший сложившийся образ жизни исламского населения региона. Принципы и приёмы организации застройки относятся к факторам влияния на городскую систему. Общие принципы пространственной организации мусульманских городов, отражавших специфику их жизни в соответствии с требованиями шариата, мы можем проследить на примере столицы Казанского ханства Казани. Город имел укрепленный Кремль и окруженный деревянными стенами посад. По обще-мусульманской традиции городские кладбища должны были выноситься за пределы стен городов. Только в ханской цитадели Кремля в комплексе с Ханской мечетью существовали мавзолеи для членов ханской семьи и высшей знати [27]. Кладбище для знати рангом ниже в Кремле располагалось в его юго-восточном углу между двумя оборонительными стенами.

В ханской Казани было два больших городских кладбища. Одно находилось за стенами посада в южной оконечности гряды холмов, на которых располагался Кремль и верхняя часть города. Ныне на этой территории находится комплекс Казанского университета (Университетский городок). Второе городское кладбище находилось за Булаком, в районе бывшей Сенной площади, вблизи Кураишевой слободы (квартал, ограниченный улицами Татарстан, Левобулачной, Московской и Камала).

Общественные бани, являвшиеся непременным атрибутом исламских городов, строились из камня и кирпича вблизи источников воды – на Булаке и в обширном овраге с системой озер (на Банном озере Черноозёрской впадины), и относились к типу восточной бани-хаммам. На территории Кремля ханские бани пока не обнаружены. Известны посадские бани. Тагирова (Даирова) каменная баня, использованная русскими войсками для устройства подкопа к месту взрыва стены и подземного хода к Тайничному ключу на северном склоне кремлёвского холма, сохранялась до XVII в. Она располагалась на берегу Казанки. Три каменные бани стояли на Булаке, одна баня - на Поганом озере (позднее русское название) вблизи Елбугиных ворот, три бани на берегах озер Черноозерской впадины. В комплексе с баней на территории, огороженной забором, находились дом истопника, хозяйственные постройки, навесы с дровами.

Мусульманский характер города ярко отражается в культовых сооружениях. В Кремле находились мечети Ханская, Нур-Али и соборная, главная мечеть Казани и ханства - Кул-Шарифа. В городе, а вернее в его предместьях, должна была располагаться открытая общегородская мечеть–мусалла, предназначенная для молений всех горожан во время больших мусульманских праздников. Её местонахождение пока не выявлено. Однако можно предположить, что она могла располагаться на Арском или Ханском поле.[1] Из этих двух предполагаемых для размещения мечети-мусаллы мест предпочтение следует отдать Арскому полу, поскольку оно не затапливалось в половодье. Главный рынок города размещался на площади перед Ханскими воротами (в районе Спасской башни). В его структуре или вблизи него функционировал Ханский караван-сарай. Товары к рынку и Ханскому караван-сараю подвозились от пристаней Булака, куда приплывали лодки с товарами от Волги через р.Казанку. Главная сезонная ярмарка находилась на волжском острове Гостином. Вблизи устья Булака находился нижний рынок и ярмарка Таш-аяк[2], функционировавшая в основном весной, когда во время разлива Волги и Казанки большие суда с товарами заходили непосредственно в протоку Булак.

В соответствии с современной концепцией исламского города, средневековое градостроительство мусульманского мира отличалось многообразием региональных проявлений. Это определялось тем, что исторические города мусульманских стран развивались под влиянием таких факторов, как: климат, ландшафт, технологии строительства и производства и т.д. В мусульманском мире Волго-Камье являлось самым северным по расположению регионом,[3] обладавшим в отличие от большинства других особыми природно-климатическими условиями (морозные и снежные зимы, сочетание степи и лесов, переходящих местами в тайгу и др.) и во многом обусловленными ими архитектурно-градостроительными традициями.

Застройка посада была организована вокруг мечетей приходами-махаллями. Традиционно жилая застройка средневековых мусульманских городов формировалась по кланово-родственному принципу, когда отдельные части или кварталы городов заселялись семьями одного рода, племенной группы. При этом надо отметить важность этого принципа, определявшего социальную иерархию внутри частей и кварталов города. Расселение в структуре города или иного поселения по кланово-родственному принципу не исключало вхождение в состав родственных групп семей неродственного населения на положении зависимой страты. Юридические различия между мусульманами и посторонними горожанами выливались на практике в расселение иноверцев в отдельных кварталах и поселениях и законодательно закрепленный главенствующий статус

---

[1] Арское поле – обширное открытое пространство на восток - юго-восток от средневековой Казани. Ханское поле (по рус. источникам) - обширный луг от Булака до Волги, протяженностью около 6-7 км.

[2] Таш-аяк (тат.) – каменная нога. Образное название каменной чаши, куда собирался торговый налог на ярмарке..

[3] В источниках средневековой арабской географии по климатической шкале, разработанной на мусульманском Востоке, регион Волго-Камья относили к седьмому, последнему поясу, севернее которого располагались «Земля и Море Мрака».

мусульманского населения. Мусульмане являлись полноправными членами общества, тогда как представители других этносов и конфессий ограничивались в правах. Им предписывались особые условия размещения в городах жилых кварталов, культовых сооружений, кладбищ и правила поведения. Эта установка действовала и в городах Московского государства, где иноземное население жило в пригородных слободах, и в городах Западной Европы. Следовательно, эта установка имела универсальный характер в различных регионах христианского и мусульманского мира. В средневековых городах выделялись кварталы или районы для жителей иных этносов и конфессий со своей иерархической структурой. Часто они имели свои названия, отражавшие специфику этнической группы. Известно о существовании армянских кварталов в Биляре, Булгаре и ханской Казани. В средневековой Казани Армянская слобода располагалась южнее города за пределами стен посада в районе дореволюционной Суконной слободы. Также как и в Булгаре, она имела свою церковь и кладбище.

В организации застройки городов мусульманского Востока существовал ряд принципов, обладавших универсальным характером и проявлявшимся в разных формах, в зависимости от региона [49].

В организации застройки Казани учитывались природно-климатические и ландшафтные условия. Согласно им в значительной степени определялся характер и план города. Эти условия особенно ярко определяли различие городов Волго-Камья и стран мусульманского Востока. При этом, благодаря средневековых государств региона в Восточной Европе в одном климатическом поясе и идентичных ландшафтных условиях с Московским государством, их города обладали большой общностью во многих сферах градостроительства. Особенно это сказывалось на общности планировочных структур городов, строительных материалов оборонительных сооружений и монументальных зданий, типологии, материале и конструкциях массового жилища и т.д.

Религиозные верования и культурные традиции определили центром религиозной жизни для всех групп мусульманского населения соборную мечеть, которая заняла центральное место в пространственной и социальной иерархии города, и приходские мечети. Религиозные убеждения населения обусловили разделение общественной и частной жизни, что регулировалось различными пространственными уровнями общественных зон и жилых районов города. Планировочная структура города состояла из узких улиц и пространств мечетей, рынков, общественных бань, разделявших частную и общественную сферы городской жизни. Следовательно, экономическая деятельность горожан, участие их в общественной жизни города были отделены от жилья и сосредоточены в общественных местах и на основных улицах. В данном случае речь идет о городских рынках, где ремесленные мастерские и торговля часто были совмещены. Имелись также лавки и мастерские при жилье. Однако в этом случае они обслуживали население ближайших улиц и соответствовали не общегородскому, а квартальному уровню городской организации.

Требования шариата определяли физические и социальные отношения между государственными и частными сферами, а также между соседями и социальными группами. Одним из основных требований шариата была сегрегация полов и соответствующее ей разделение рабочей силы. На всех уровнях города проявлялись изоляция жизни семьи и женщин от посторонних, приоритет родственных связей, отделение частной жизни от общественной, преобладание занятости мужчин в общественной сфере или вне дома.

Соблюдение принципа закрытости семейной жизни, обусловленного требованиями шариата, в нашем регионе могло достигаться определёнными приемами. Усадебная организация жилой застройки городов и селений, по сути, идентична организации дома с внутренним двором, характерного для стран мусульманского Востока Усадьбы образовывали родственные кластеры, связанные крупными городскими коммуникациями, но сами пронизанные сетью извилистых улиц, переулков и тупиков, образованных

оградами усадеб и стенами построек, обращенными дверями и окнами во двор. Дома, как правило, находились в глубине двора.

По этнографическим данным известно, что в застройке татарских слобод Казани, других городов и селений до конца XIX–начала XX вв. татарское население четко обозначало концы или кварталы, издавна населенные родственными семьями определенных родов (нэсель, буын) или ведущих происхождение от одного предка. На первый взгляд, беспорядочная, с кривыми улицами и обилием поворотов, переулков, тупиков планировочная структура татарских селений на самом деле обуславливалась принципом родственного расселения. Некоторые авторы называли её гнездовой, поскольку вокруг тупиковых ответвлений от улиц группировались гнёзда усадеб родственников.

Застройка татарских городов и селений, очевидно, формировалась кварталами, население которых объединялось по этническому, родственно-племенному или религиозному признаку. Эти кварталы могли обладать чертами кластеров городов Ближнего Востока и Северной Африки, когда изолированные от внешней среды дома с внутренним двором связывались с городскими улицами через тупиковые переулки получастного характера. Формирование таких кластеров в мусульманских городах Востока напоминает процесс сложения гнёзд усадеб в татарских селениях [50, рис. 123]. Многовековое расположение домов и хозяйственных построек внутри усадебных дворов, или отсутствие окон и дверей на уличных фасадах домов и других построек при их расположении на границах усадьбы свидетельствует, что древний принцип закрытости жилищ был закреплен требованиями шариата в городах и селениях татар в Новое время.

Принадлежность региональных поселений к городам мусульманского мира определялась культово-мемориальными и общественными зданиями (мечети, минареты, бани-хаммам, караван-сараи и т.д.).

II.3.4. Пространственно-планировочная структура Казани в исторической динамике

Для восстановления схемы исторического развития Казани в ханский период необходимо выявить основные факторы и условия, влиявшие на этот процесс. Влияние пространственно-территориальной организации региона на пространственно-планировочную структуру Казани определялось следующими факторами:

- столичный статус;
- расположение вблизи места слияния Волги и Казанки;
- связь сухопутными и водными коммуникациями с центрами улусов ханства, столицами соседних и дальних государств, переправами через Волгу, Каму и другие крупные реки региона;
- роль округи и предместий в жизни города.

Государственные дороги ханства определяли размещение проездных ворот Кремля и посада в пространственно-планировочной структуре города.

На развитие города оказывали влияние и такие факторы и условия, как: военное противостояние с соседними государствами (войны и осады города), внутригосударственные катаклизмы (заговоры, перевороты, династические убийства и т.д.), законы и указы, прямо или косвенно регламентирующие застройку города (решения городской администрации по размещению объектов оборонительной системы, мечетей, рынков и караван-сараев, кладбищ и т.д.), традиционные принципы и приёмы застройки различных этно-социальными групп населения города; а также традиционные верования и религиозные воззрения, принятые на государственном уровне; природно-климатические и ландшафтные условия; влияния заимствованных градостроительных идей и типологии культовых и общественных зданий и т.д.

Под влиянием этих факторов и условий городская система постоянно видоизменялась. При благоприятных внешних и внутренних условиях в состоянии равновесия происходят существенные и несущественные видоизменения элементов городской системы. Существенные изменения городской системы вызываются строительством значительных для города архитектурных комплексов и объектов, повышающих качество архитектурной среды города, или пробивкой новой улицы, влияющей на развитие планировочной структуры города, и т.д. Несущественные изменения городской системы – это, когда появляются отдельные объекты, улицы и переулки, не влияющие существенно на пространственно-планировочную структуру города.

Под действие неблагоприятных и отрицательных факторов и условий начинается деградация городской системы с появлением структурных изменений. Это могло наблюдаться при природных или социально-политических катаклизмах. Наводнениями или локальными пожарами может быть повреждена или уничтожена часть застройки города. Или при очередном властном перевороте новым правителем намеренно уничтожаются жилища политических противников и т.д.

Под действием таких катастрофических факторов, как осада, захват города или пожар в масштабах города городская система переходит в состояние хаоса, разрушения или полного уничтожении. Происходит качественная трансформация системы с сохранением некоторых структурных элементов, как потенциала к возрождению. При возрождении создаётся более сложная городская система с возникновением новых связей и продолжается её развитие с установлением благоприятных внешних и внутренних факторов и условий.

За столетнюю историю развития Казани под воздействием различных факторов и условий происходили качественные изменения, которые носили положительный или отрицательный характер. Так возведение монументальных оборонительных, культовых или общественных зданий, постепенное или массовое обновление жилой застройки положительно влияло на качественные характеристики города. Повреждение или разрушение структурных элементов города – влияло на них отрицательно. Развитие градостроительной системы Казани в период 1445 – 1552 гг. представлено графически на схеме в виде синусоидальной кривой, как производной от изменений её элементов под воздействием различных факторов и условий и отражающей качественные изменения архитектурной среды (Таблица 38, рис. 1).

Процесс функционирования городской системы во времени и представляет собой динамику развития пространственно-планировочной структуры, характеризующуюся переходами из одного состояния в другое. При этом на процесс влияет последовательность событий (воздействие факторов и условий развития), определяющих изменения системы. События могут быть внутреннего или внешнего свойства. К внешним событиям относятся:

1. Военные действия, осада и захват города противником;
2. Запрет Русского государства на торговлю с казанскими купцами;
3. Строительство Русским государством городов и крепостей на границах с ханством;
4. Влияние других государств на решения династических вопросов престолонаследия в Казани;
5. Религиозные, торговые и династические связи с Крымским, Касимовским ханствами и Ногайской ордой;
6. Религиозные и культурные влияния Османской империи и т.д.

К внутренним событиям относятся:

1. Строительные инициативы хана и его администрации;
2. Династические вопросы престолонаследия;
3. Кланово-этнические принципы расселения в городах;

4. Религиозный приоритет ислама в организации городского пространства;
5. Региональные градостроительные традиции и т.д.

Формирование пространственно-планировочной структуры Казани как столичного города ханства началось с середины XV века на основе структуры княжеского города, преемственно развивавшегося из более ранних поселений. С приданием Казани статуса столицы Казанского ханства кремль был расширен на юг. Посады города охватывали его на южной стороне с востока на запад. Холмы, на которых строилась Казань, отделялись друг от друга поперечными оврагами. С юга кремлевскую гряду холмов, которую еще в XVIII в. население называло горами, на расстоянии 800-1000 м. от крепости перерезал глубокий овраг, тянувшийся от Булака до Казанки и являвшийся естественным рвом южной оборонительной линии (Таблица 38, рис. 2).

В развитии Казани было несколько периодов, в течение которых относительно спокойно могли осуществляться крупномасштабные строительные работы, повышавшие качество городской системы. Первый период охватывает правление хана Махмута (1445 - 1463 гг.). В этот период Кремль Казани приобрел современные размеры и каменно-деревянные стены. В середине 1450-х гг. в укреплённой цитадели Казанского кремля сформировался дворцовый комплекс, была построена Ханская мечеть. Во второй половине 1460-х гг. рядом с ней был построен мавзолей для Махмут-хана. За восемнадцать лет его правления посад был опоясан деревянными стенами, на его территории были построены квартальные каменные мечети и бани-хаммам.

В правление хана Ибрагима (1467-1479 гг.) ситуация изменилась. Отношения между Москвой и Казанью резко обострились и начались военные столкновения. В Никоновской летописи за 1469 г. в описании похода объединенных русских войск на Казань отмечалось, что население ханской столицы пыталось скрыться от пожара в мечетях [202, с. 20]. Очевидно, они были кирпично-каменными в деревянном посаде, практически полностью уничтоженном огнём. Деревянно-каменные стены Кремля, вероятно, также пострадали в пожаре, но не были разрушены.

Следовательно, в 1469 г. качественные показатели архитектурной среды города снизились до минимального уровня. Восстановление городской системы свелись к продолжению предыдущего направления развития: восстановлению оборонительных стен, башен, мусульманских культовых и общественных зданий и жилой застройки посада, ремонту стен и башен Кремля. Период выхода городской системы из хаоса, её восстановления и дальнейшего развития продлился около 17 лет.

Одним из сильных факторов воздействия на городскую систему в 1487 г. явилась осада Казани русскими войсками, которая закончилась захватом города. Качественные характеристики архитектурной среды резко упали в результате разрушения города. Выход из кризиса начался с восстановления города. Продолжилось развитие городской системы с сохранением мусульманской ориентации градостроительной культуры, хотя в политической сфере над Казанским ханством был установлен Московский протекторат. На казанский престол Москвой был посажен хан Мухаммед-Эмин. На его правление пришёлся следующий наиболее длительный период мирного сосуществования между Казанским и Московским государствами и татарскими ханствами. Для восстановления утраченных качественных характеристик города в очередной раз на месте сожжённых были построены стены и башни посада, мечети, караван-сараи и жилая застройка. На рубеже XV-XVI вв. в Кремле была построена главная мечеть ханства - Кул-Шарифа, которая являлась одновременно и медресе, имела сложный план и, согласно преданиям, восемь минаретов [9, с.120, рис.184].

В 1518 г. к первому каменному мавзолею в Кремле пристроили ещё один объём, где был похоронен Мухаммед-Эмин хан. Ханские мавзолеи приобрели вид единого белокаменного здания, разделённого на две части со сводчатыми покрытиями. Наряду с каменными мавзолеями над могилами знати, очевидно, устанавливались срубно-

деревянные, квадратные, шести- и восьмигранные в плане мавзолеи с шатровым завершением.

Во 2-й половине 1520-х гг. в период правления хана крымской династии Сафа-Гирея в Кремле была реконструирована Ханская мечеть. Вероятно, к этому времени в Кремле были построены белокаменные Соборная и Нур-Али мечеть, и сформировался ханский дворцовый комплекс. Он представлял собой укрепленную цитадель в виде обширного двора, опоясанного белокаменной стеной. Въезд в него был оформлен высокой проездной башней. В центре комплекса построили белокаменный двухэтажный ханский дворец (18 х 24 м). Архитектура дворцовых сооружений ханской цитадели, вероятно, наряду с региональными и золотоордынскими традициями отражала, предположительно, влияния османской архитектуры того времени [12, с. 305-309]. Комплекс Соборной мечети оформлял парадную площадь Кремля. Нур-Али мечеть входила в дворцовый комплекс Нур-Али-бия, одного из самых знатных вельмож ханства.

Ханский караван-сарай, расположенный на посаде против Ханских кремлёвских ворот, ярмарочный комплекс «Таш аяк» под западным склоном Кремля, и торговый комплекс Волжской ярмарки на Гостином острове, вероятно, представляли собой замкнутый прямоугольный двор, по периметру которого располагались одно- или двухэтажные жилые, складские помещения и торговые лавки, ориентированные входами во двор. Вход в комплекс мог быть с одной или двух противоположных сторон.

На протоке Булак, озёрах Черноозёрского оврага находились комплексы общественных белокаменных бань-хаммам с зально-ячеистой структурой помещений, перекрывавшихся сводами и куполами. В комплексе с баней располагались хозяйственные и торговые постройки. На посаде были возведены белокаменные, кирпичные мечети, об архитектуре которых практически ничего не известно. Однако приходские деревянные мечети могли быть близки традиционным срубным татарским мечетям более позднего времени.

Большой урон развитию города нанёс запрет великого князя Ивана III русским купцам посещать Волжскую ярмарку, ежегодно проводившуюся на Гостином острове вблизи Казани. Периодические взаимные военные походы постоянно обостряли политические взаимоотношения между государствами. Ожидание нападения русских войск на Казань заставило ханское правительство провести широкомасштабное строительство новых посадских стен, башен и углубить ров, наполнявшийся водами Булака и Казанки. Следовательно, к середине1530 г. качественные характеристики городской системы Казани имели наивысший уровень в сравнении с предыдущими периодами.

В июле 1530 г. Казанский кремль был обстрелян из пушек и пищалей во время очередной осады города русскими войсками, а острог по Булаку был взят и сожжен [10, с.25-26]. Русские летописи отметили строительство новой оборонительной системы казанского посада, для устройства стен которого применяли традиционные для региона бревенчатые сооружения типа городни и тараса. На углах и длинных пряслах устраивали глухие или проездные башни под шатровыми крышами. В Казанском кремле белокаменно-деревянные оборонительные стены и башни были также реконструированы. Следующие двадцать лет строительные мероприятия в Казани сводились преимущественно к укреплению оборонительной системы города. После внезапной смерти в 1546 г. хана Сафы-Гирея, противостояние политических группировок внутри ханства усилилось. Поход русских войск на Казань во главе с Иваном IV осенью 1552 г. закончился захватом столицы. Архитектуре города был нанесён непоправимый урон, а присоединение ханства к Московскому государству обусловило совершенно иное направление градостроительного развития .

Анализ развития Казани показал, что этот процесс не был однозначным и линейно-восходящим. Различные причины и факторы, воздействовавшие на городскую систему, обусловили развитие Казани с кратковременными периодами взлёта, переходящими в

периоды спадов и хаосов во время внешних осад и военных нападений, внутригосударственных кризисов и переворотов. Схема развития города показывает, что в периоды хаоса наиболее уязвимыми были пригороды и посады (Таблица 38, рис. 1).

Как правило, сложная система города выходила из кризисов в обновлённом виде с сохранением или восстановлением основных элементов пространственно-планировочной структуры. В 1552 г. хаос, постигший Казанское ханство и градостроительное развитие Казани, оказался катастрофическим. Сложная система города не смогла выйти из кризиса. В городской системе произошли необратимые изменения, вызванные потерей государственности, столичного статуса города, прежнего религиозного приоритета, определявшего все стороны жизни государства и города. То есть после 1552 г. в развитии Казани было выбрано направление, определившее превращение столицы мусульманского государства в региональный центр Русского православного государства с сохранением в архитектуре некоторых прежних элементов в виде традиционных типов жилищ.

. Анализ этого развития показал, что город несколько раз на протяжении ста лет проходил повторяющиеся этапы становления, развития, хаоса, частичного разрушения.

ГЛАВА III.

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

III.1. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ

III.1.1. Оборонительное зодчество Волжско-Камской Булгарии

Оборонительное зодчество развивалось в регионе на протяжении тысячелетий и отмечено в различных археологических культурах. Население булгарских городов широко использовало региональный опыт в оборонительном строительстве. Неприступные по ландшафтным условиям с мысовой части города с напольной стороны опоясывались одним-тремя рядами валов и рвов. Поверх валов устанавливались оборонительные сооружения. Простейшим из них был тын из вертикально вбитых в землю вплотную друг к другу бревен с заостренным верхом. Более надежным был другой тип. Бревна укладывались друг на друга горизонтально и заостренными концами вставлялись в пазы мощных, вертикально вбитых в землю столбов. Предположительно, такой тип конструкций был использован в стенах домонгольского Булгара.

Разновидностью этого типа сооружений являются стены из горизонтально уложенных бревен, концы которых врублены в идущие к ним перпендикулярно короткие отрезки бревенчатых стен. Население именьковской культуры укрепляло свои городища двумя параллельными бревенчатыми стенами, поставленными на расстоянии двух метров друг от друга. Промежуток между стенами засыпали утрамбованной глиной с камнями. Внешние поверхности стен обмазывались глиной. Эта техника возведения оборонительных стен была известна и булгарам, которые заселили многие именьковские поселения.

Наиболее мощным типом оборонительных сооружений региона были городни – срубные клети, установленные поверх валов (часто укрепленных в толще такими же клетями) и заполненные глиной, камнями и землей. Поверх городни шел боевой ход под двускатной крышей. В булгарских, как и древнерусских городах, укрепленные крепости – внутренние города служили убежищем во время осад для жителей посадов и близлежащих селений. В них располагались осадные дворы зажиточных горожан и клети для простолюдинов. В оборонительной системе внутреннего города Биляра были выявлены внутри валов срубные конструкции с помещениями, некоторые из которых отапливались печами. Возможно, в них размещали гарнизон. В ряде южнорусских городов домонгольского периода обнаружена система укреплений, где в состав внутривальных конструкций также входили клети, открытые внутрь крепости. Это были осадные клети с печами [432, с. 44].

На расстоянии двух пролетов стрелы, выпущенной из лука, располагались башни, соединявшиеся стенами. При сложном рельефе города башен могло быть значительно меньше. Башни были угловые, простеночные глухие или проездные. В 1930-е гг. на Суварском городище были выявлены именно такие конструкции оборонительного пояса древнего города Сувара. В южной части города были укрепления со срубами в насыпи первоначального внутреннего вала высотой до 2 м. Срубы-клети (4 х 5 м) были поставлены впритык один к другому и изнутри засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На всем своем протяжении крепостные стены имели башни (средняя ширина 5 м). Перед проездными башнями были перекинуты мосты через ров, склоны которого укреплялись горизонтальными слегами, а дно – вертикальными кольями с

заостренными концами [458, с.235; 564, с.150]. Помимо восьмигранных в плане башен, широко были распространены прямоугольные в плане башни. Вероятно, все они имели шатровое завершение. Эти виды оборонительных сооружений продолжали использоваться и развиваться на протяжении всего времени существования Волжско-Камской Булгарии.

В восточной части Восточной Европы, где существовали Волжско-Камская Булгария и Древнерусское государство, была разработана отличающаяся от других региональных школ система фортификации, заключавшаяся в использовании срубно-деревянных и земляных конструкций (Таблица 39, рис. 1). Оборонительные сооружения булгарских городов Волго-Камья состояли из глубоких рвов, наполненных водой или иловой жижей, высоких земляных валов, часто укрепленных в толще деревянными с утрамбованным грунтом срубами, поверх которых возводились деревянные срубные стены и башни. Были распространены также оборонительные системы, состоящие из рва и вала, вала и двух рвов по сторонам от него, из двух валов и двух рвов, из трех валов и трех рвов [187, с. 33].

Еще одна особенность фортификации крупных булгарских городов - оборонительные линии в них имели волнообразную или ломаную форму, которая улучшала обстрел прилегающей к стенам местности. В фортификации булгарских городов выделялся еще один прием устройства предвратного пространства. В этом случае крепостные стены при въезде заходят одна за другую – как бы внахлест, а дорога к воротам подходит с левой стороны. Этот древний прием известен в градостроительстве многих регионов, в т.ч. Древней Руси [340]. Для городов Булгарии и Древнерусского государства были характерны однотипные конструкции оборонительных стен. Это были тын, тарасы и городни. В древнерусских крепостях X - XIII вв. башни ставились только над воротами. Могла быть еще дозорная башня [761]. Трассировка стены следовала по линии бровки холма, а на ровном месте тяготела к мягким округлым очертаниям. Как правило, стены ограничивали верхнюю площадку рельефа. Это было характерно и для булгарских крепостей. Связь очертаний крепости с естественным контуром площадки, округлые очертания валов и стен способствовали слитности укреплений с рельефом местности. Образ крепости определялся плоскостями стен. Ограждения, поставленные на валу, скрывали почти всю застройку внутри крепости.

Булгарам была известна техника возведения каменных стен и башен, которая использовалась значительно реже, чем срубно-земляная. С освоением техники белокаменного строительства, помимо деревянных стен и башен, в регионе стали возводить и каменные оборонительные сооружения. Характерным типом оборонительных сооружений мусульманского Востока являлась крепость-рибат, обитель мусульман, посвятивших свою жизнь защите и расширению границ исламского мира. Прототипами рибатов служили византийские форпосты [475, с. 36]. Прямоугольное или квадратное пространство двора опоясывалось каменными стенами. Единственный вход в центре одной из сторон укреплялся башнями. Углы укреплялись трехчетвертными, почти круглыми башнями, простенки – полукруглыми выступами или башнями. Внутренняя застройка располагалась по периметру центрального двора и могла включать жилые помещения, мечеть, минарет, приемный зал, мавзолей.

Сохранилась одна из каменных башен крепости XI-XII в. на Елабужском (Чертовом) городище вблизи г.Елабуги, которое отвечало основным признакам рибата [363, с. 7 – 55; 364, с. 127-133] (Таблица 40, рис. 1). Отличительной особенностью этого рибата являлись его относительно небольшие размеры (21 х 21 м с башнями) и отсутствие следов застройки по периметру двора, если таковой был. Хотя не исключено, что внутренние помещения могли быть деревянными, и не сохранились до настоящего времени. Башни, располагавшиеся в юго-западном и юго-восточном углу, имели большие размеры, чем другие. Юго-западная башня имела шестигранную форму и более широкий фундамент [364, с.129]. От всего комплекса сохранилась только одна круглая в плане башня диаметром около 4 м.

Предположение ряда исследователей, что это могла быть крепость-мечеть, не противоречит гипотезе о назначении этого сооружения как рибата. Ввиду его небольших размеров он мог считаться мечетью, поскольку на стороне, ориентированной на кыблу, полукруглая башня заменена треугольной, которую можно считать михрабом. С.С.Айдаров исследовал остатки сооружения на Чертовом городище и выполнил его графическую реконструкцию как укреплённой мечети [15, с. 78 - 80].

Однако, более вероятное назначение этого объекта как оборонительный и наблюдательный пункт на высоком правом берегу р.Камы. Возведение его из камня имело, скорее, политическое значение и подчеркивало важность правобережья Камы для Булгарского государства. И по характеру белокаменной кладки и ориентации в пространстве квадратной в плане крепости углами по сторонам света усматриваются хазарские традиции, а опосредованно и византийские. Рибат «Чёртова» городища может рассматриваться в одном типологическом ряду с хазарскими, византийскими и ближневосточными оборонительными сооружениями подобного типа, которым, тем не менее, придавались и религиозные функции (Таблица 40, рис. 2).

На северной окраине Булгарского государства выявлены археологические остатки каменной стены и проездной башни крепости XII века [453, с. 22 - 40]. Это была ранняя Казань, получившая дальнейшее развитие. Для стен этой крепости применялись каменно-деревянные конструкции, когда низ стены был каменным, а верхняя часть – деревянной [187, с. 108-109].

Как правило, каменные сооружения возводились из грубо отесанного известняка в виде блоков различных размеров, соединенных глиняным или известковым раствором. Южная стена булгарской крепости на месте поздней Казани толщиной около 2 м возведена из рваного туфа со слегка отесанной лицевой стороной. Камни клали всухую, редко используя глину. Каменные проездные ворота на этой стене дополнялись предмостными укреплениями и каменной мостовой между пилонами. Они были сложены из местных известняковых камней на глиняном растворе. Пилоны башни 10 х 4 м с южной стороны были укреплены выступами с закруглениями на концах радиусом 1,5 метра. Ширина проезда между пилонами составляла 6 метров. Кладка была регулярная с сохранением горизонтальных рядов. Восточная каменная стена этой крепости имела неглубокий фундамент, который отсутствовал на других участках [455, с. 110]. Эти признаки присутствовали в хазарских крепостях, которые возводились в византийских традициях.

Следовательно, каменное оборонительное зодчество Булгарии имело хазаро-византийские корни, поскольку в Средней Азии техника возведения оборонительных сооружений была глинобитной или из сырцового кирпича.

Несмотря на широкое использование в фортификационных сооружениях булгарских городов такого недолговечного материала, как дерево, их оборонительные функции были достаточно высоки для Волжско-Камского региона и восточной части Восточной Европы, и сопоставимы по фортификационным качествам с оборонительными сооружениями городов стран мусульманского мира. Такие недостатки деревянных стен и башен, по сравнению с каменными, как: низкая огнестойкость, относительно быстрое ветшание, низкая сопротивляемость стенобитным орудиям и другие, восполнялись дополнительными линиями защиты в оборонительных структурах булгарских городов и стремлением не подпускать противника близко. Поэтому крупнейший город Булгарии Биляр имел в совокупности пять линий обороны, составлявших наружную и внутреннюю оборонительные структуры. Помимо этого для увеличения срока службы и сохранения глубины рвов, крутизна их откосов поддерживалась каменными отмостками или деревянными слегами.

В дно рвов перпендикулярно вбивались заостренные кверху и выступавшие из воды или жижи бревна, чтобы воспрепятствовать продвижению конницы. Для усиления оборонительных качеств города за стенами внешней линии обороны устраивалась

«фоссебрея» - широкая полоса из вбитых в склоны рвов и на подступах к ним наклонных в сторону противника бревен с заостренными концами. Она препятствовала наступлению конницы противника и достигала ширины 50 - 100 м [248, с. 99 - 107]. Обилие леса и отработанная технология работы с деревом позволяли булгарам в короткие сроки не только ремонтировать, но и заново отстраивать стены городов.

III.1.2. Архитектуры общественных зданий Волжско-Камской Булгарии

Общественные постройки в средневековых городах представлены в основном культовыми, мемориальными, торговыми и банными зданиями.

Строительство в первой половине X в. Биляра, Сувара и других крупных городов сопровождалось возведением новых типов кирпично-каменных зданий, которые были перенесены в регион после введения ислама. Это были первые в регионе каменно-кирпичные бани–хаммам и многоколонные мечети в каменных и деревянных конструкциях. Перенесение в далекий северный регион именно этих типов зданий означало внедрение мусульманского образа жизни на ранее языческих территориях.

Мечети

Схема мечети, выстроенной по сакральной оси, отмеченной на противоположных концах михрабом и минаретом во всем мусульманском мире в IX - X вв. была воспринята в качестве правила [475, с. 30]. Первая соборная мечеть региона, построенная в Биляре в 922 г. по образцу ближневосточных многоколонных мечетей, тоже была деревянной. Михрабной нишей и продольной осью здание мечети ориентировано по азимуту 25 - 115 градусов в сторону Мекки. Она имела габариты 44,4-48 х 30-32 м [9, с. 46 - 47]. По продольной оси колонного зала со смещением к михрабу внутри здания был устроен бассейн или колодец, размещенный в пространстве 4 ячеек, в которых нет центральной колонны. Возможно, над этим местом в крыше был устроен световой фонарь.

В середине X в. к деревянной мечети была пристроена каменная мечеть 40,5-41,7 х 26,2 м с отдельно стоящим в 1,5 м от ее северной стены или примыкавшим к ней через переход минаретом. Внутренние размеры зала были 38-38,5 х 24 м, толщина стен колебалась в пределах 2,2-3,2 м. Внутри каменного здания были установлены 24 колонны с квадратным основанием по 4 в 6 рядах. Центральный неф здания был шириной около 4 м, боковые нефы - 3,2-3,5 м. Восточный фасад каменной мечети имел 6 пилонов. Фундамент западной стены каменного здания совпадал с фундаментом восточной стены деревянного объёма мечети. По сути, это было единое здание с двумя залами. После строительства каменной части мечети деревянный объём был реконструирован с увеличением пролетов между деревянными опорами. Главный вход в мечеть располагался на северном каменном фасаде вблизи минарета и имел тамбур (Таблица 41, рис.1).

Грунт под фундаментом минарета был укреплен на глубину 1 м дубовыми сваями диаметром около 0,15 м с промежутками в 0,4-0,5 м. Такой прием использовался в строительстве каменных сооружений Хазарии и восходит, вероятно, к традициям Византийской архитектуры [764]. Минарет был возведен из каменных блоков и обожженного кирпича. Каменная мечеть относилась к ближневосточному типу многоколонных зальных мечетей. Это самое раннее в регионе каменное сооружение, достоверно известное по материалам археологических раскопок. Если в первоначальном объеме использовалась архитектурно-планировочная структура арабской многоколонной мечети, воплощенная в местных деревянных конструкциях, то во втором здании, очевидно, были использованы формы и конструктивные приемы ближневосточных и среднеазиатских каменных сооружений [12].

В алебастровые или деревянные рамы окон вставлялись круглые стекла, производившиеся местными мастерами. В оформлении белокаменного колонного зала

Билярской мечети и ее минарета были использованы резные детали с растительным орнаментом для оформления наличников дверей и окон.

Говорить о внешнем облике мечетей мы можем только предположительно. По аналогии с мусульманской культовой архитектурой других регионов, историки архитектуры представили свои реконструкции облика Билярской соборной мечети [9, с. 49 - рис.15, с. 51 - рис.16, с. 52 – рис.17, с. 58 - рис.19; 18, с. 167, рис. 7, 8; 536, с. 67, рис. 57].

Для сравнительного анализа мечетей столичных и крупных городов стран мусульманского Востока и Билярской соборной мечети более доступны планы зданий. Анализ планов показал, что Билярская мечеть имела отличительные черты, обусловленные своеобразием природно-климатических условий Волго-Камья. Мечети различных регионов мусульманского мира в подавляющем большинстве имели открытый внутренний двор, обнесенный по периметру портиками или аркадами на каменных опорах. В Билярской мечети такой двор отсутствовал. Перед северным фасадом мечети была площадь, которая могла выполнять функции двора для сбора людей во время религиозных праздников. Возможно, первоначально двор был опоясан деревянным забором и мог использоваться как сакральное пространство в благоприятную погоду. Деревянное ограждение опоясывало комплекс мечети и каменной бани, располагавшейся вблизи её северо-западного угла.

Несмотря на то, что археологами были выявлены остатки только соборной мечети, несомненно, в городских кварталах существовали мечети приходского типа. Мечети строились на рынках, на кладбищах (поминальные), в караван-сараях и в сельских поселениях. Их возводили преимущественно из дерева. До настоящего времени небольшие приходские мечети пока не выявлены, поскольку они были деревянными. Отсутствие следов приходских мечетей говорит лишь о том, что здания не имели фундаментов, а углами опирались на деревянные «стулья» или камни, как и большинство деревянных сельских мечетей Волго-Камья вплоть до начала XX века.

Булгарские минареты также возводились из дерева и по аналогии с более поздними образцами могли иметь четвериковое основание, на которое устанавливался высокий восьмерик под шатровой крышей. Помимо этого, простейшие сельские и городские приходские мечети могли представлять собой срубный наземный дом с минаретом, прорезавшим крышу [545, с. 56]. Такой конструктивный прием использовался в деревянных церквях Древнерусского государства. Церкви были клетского типа с главкой на барабане в центре крыши.

Каменный минарет Билярской соборной мечети предположительно имел кубовидное основание, переходившее через восьмигранную часть в цилиндрический ствол с шатровым завершением. Многие путешественники отмечали сходство минаретов Билярской и Булгарской мечети. Возможно, наряду с соборными мечетями ближневосточного типа, возводились небольшие купольно-зальные мечети с угловым минаретом, распространенные в Анатолии. В качестве примера можно привести мечеть Алаутдина в Нигде в Турции 1224 года [156, рис. 8].

Не сохранились следы мечетей на кочевых ставках. Возможно, специального типа кочевой мечети на первых порах не существовало. Мухаммаду принадлежит высказывание: «Земля сотворена для меня как масджид и место чистоты, и, где бы ни возникла у человека моей уммы необходимость в молитве, пусть он молится» [473, с.170]. Этот постулат являлся, вероятно, основополагающим при распространении ислама среди кочевников. Им могли широко руководствоваться в Волжско-Камской Булгарии, где население было подвержено сезонным миграциям из стационарных населенных пунктов на пастбища. В период сезонного кочевания, по утверждению ибн-Баттуты, в качестве мечети использовали одну из юрт или шатер. Следовательно, в городах и селениях Булгарии существовала такая же иерархия культовых сооружений, как и в городах мусульманского Востока.

Мавзолей

В странах мусульманского мира к X в. утвердился архитектурный тип мавзолея центрально-купольной композиции в виде квадратного в плане призматического объема, перекрытого куполом. Разновидности этого типа были распространены повсеместно на мусульманском Востоке. К западу от Билярской соборной мечети один из исследователей XIX в. отмечал остатки мавзолея [286]. Судя по описаниям, это было небольшое кирпичное сооружение. Зданий, которые можно было бы безоговорочно отнести к типу мусульманских мавзолеев-тюрбе, в булгарских городах и поселениях к настоящему времени не выявлено. Возможно, место погребения отмечалось мавзолеями в деревянных конструкциях, не дошедших до настоящего времени. У казахов деревянные мавзолеи над могилами существуют в районе Иссык-Куля до сих пор. Мавзолеи могли быть каркасной и срубной конструкции (Таблица 41, рис. 2).

Баня-хаммам

Общественные здания в городах Булгарии представлены преимущественно банями-хаммам, составляющими большинство из открытых на городищах кирпично-каменных зданий. Первые бани-хаммам восточного типа построили во второй трети X в. в Биляре и Суваре практически одновременно с соборными мечетями. К началу XIII в. каменно-кирпичных зданий бань в Биляре, судя по результатам аэрофотосъемки, было свыше двух десятков. Тип бани-хаммам оказался самым распространенным в архитектуре Булгарии. Руины кирпично-каменных бань с подпольным отоплением были выявлены также в других булгарских городищах: Красносюндюковском I, Хулаш, Большая Тояба, Муромском городке [564, с. 34 - 35].

Появление каменных бань связывается с распространением ислама, потому что им придавался глубокий религиозный смысл. По заповеди Мухаммада, чистота является половиной веры, а тепло хаммама увеличивает плодовитость, приумножая исламских верующих. Всякие развлечения при банях, как библиотеки и театры, были строго запрещены, разрешался только массаж.

Бани представляли собой одноэтажные кирпично-каменные здания с подпольным отоплением. В булгарских городах было распространено нескольких вариантов бань. В первом варианте квадратное или прямоугольное в плане здание разделялось перпендикулярными внутренними стенами на четыре помещения, в которых температура постепенно повышалась. Входное помещение и печь с котлами для воды размещались в небольших объемах, пристроенных к основному зданию с противоположных сторон. Во втором варианте внутреннее пространство здания разделялось внутренними стенами на 9 и более мелких помещений. По объемно-планировочной структуре бани Волжско-Камской Булгарии были близки среднеазиатским и несложным типам ближневосточных бань. Как планировочную особенность следует отметить устройство тамбуров для сохранения тепла внутри помещений. Водоснабжение и водоотведение в булгарских банях было идентично баням в странах мусульманского Востока.

Массивные печи с топкой наружу устраивали с торца здания. Воду, подведенную по керамическим трубам от источника, нагревали в больших каменных котлах-цистернах, установленных над печами. Горячий воздух от топки печи проходил по подпольным каналам, обогревая помещения бани, и по вертикальным дымоходам, проложенным в толще стен, удалялся наружу. Помещения бани перекрывались выложенными из обожженного кирпича куполами и цилиндрическими сводами, опиравшимися на мощные внутренние и наружные стены. Возможно, для предохранения от атмосферных осадков над ними устраивали скатные деревянные или каменные сводчатые покрытия. Использованная вода по трубам или крытым канавам отводилась в поглощающие колодцы. Для снабжения бань водой в булгарских городах устраивали водопровод из

керамических труб. Вода по ним самотеком доставлялась в бани из ближайших озер, речушек или колодцев. Существовала и система водоотведения от бань, в которой от водосливных отверстий использованная вода по трубам шла в дренажные канавы, отводившие её подальше от застройки или в водоотстойные колодцы.

Кирпично-каменные здания бань неоднократно реконструировались, подновлялись в соответствии с требованиями времени и продолжали существовать на протяжении длительного периода. По образцу и подобию уже существовавших в городе зданий строились новые бани. Поэтому большинство остатков каменно-кирпичных зданий г.Биляра относятся к этому типу зданий. Вероятно, у каждого района была своя баня.

Окна монументальных сооружений в городах Волжско-Камской Булгарии были застеклены. Помимо Биляра, оконные стёкла найдены также в Суваре и других крупных городах. Они аналогичны стеклам в постройках Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья. Оконное стекло производили в городах Булгарии, о чём свидетельствуют находки на Билярском городище мастерских с печами и остатками ремесленного производства стекла [138; 139].

Караван-сараи

В Волжско-Камской Булгарии была развита караванная торговля и сеть дорог между крупными городами и пристанями на Волге и Каме. В городах Булгарии кирпично-каменные караван-сараи традиционного восточного образца до настоящего времени не обнаружены. Вероятно, они строились в деревянных срубных конструкциях. Караван-сарай мог иметь вид обширного укрепленного стенами двора с помещениями различного назначения по его периметру. О том, что этот тип зданий в период средневековья существовал в регионе, свидетельствовал караван-сарай в ханской Казани. На Руси караван-сараи назывались гостиными дворами. Караван-сарай традиционного типа мог иметь мощные срубные стены и постройки по периметру в виде однокамерных отапливаемых помещений, деревянные навесы для скота и каменной баней-хаммам в центре двора. Помимо такого традиционного типа булгарский караван-сарай мог состоять из отдельно стоящего, отапливаемого здания и деревянных хозяйственных построек и навесов на обнесенном дощатым забором или укрепленном валами со стенами и рвами дворе.

Принципиальное отличие такого караван-сарая от ближневосточных и среднеазиатских караван-сараев X - XIII вв. при наличии укрепленного двора заключалось в отсутствии расположенных по периметру жилых помещений. Вместо многих предназначенных для жилья и хранения товаров комнат - худжр, ориентированных входами во двор и требовавших отдельного обогрева, в суровых условиях Волго-Камья могло существовать компактное здание с подпольным отоплением. Для вьючных животных использовались деревянные постройки во дворе. Такие постоялые дворы существовали в суровых условиях Северного Хорасана.

III.1.3. Жилая архитектура городов Булгарии

Жилищно-хозяйственные комплексы

По материалам археологических раскопок установлено, что рядовая усадьба или двор в булгарских городах и селениях представлял собой огороженный частоколом, забором или плетнём участок, на котором стоял срубный наземный или полуземляночный дом с надворными дощатыми постройками в виде навесов и ям для хранения зерна и продуктов. Из хозяйственных построек обязательными были навесы и ледники, часто встречались ремесленные мастерские, вблизи которых находились железоделательные или обжигательные печи.

Общее представление о жилой застройке и архитектуре можно получить не только по городским, но и сельским усадьбам. Сельские усадьбы Булгарского улуса представлены на селище Песчаный остров (Алексеевский район РТ), находившемся на берегу р.Курналинка в Западном Закамье. Селение располагалось на возвышенной части берега, незатапливаемой в половодье. В конце XIII в. типично сельская усадьба состояла, как и в домонгольский период, из одного или нескольких жилых домов, за которыми располагались ямы-зернохранилища (диаметром более 2 м), обнесенные лёгкими деревянными конструкциями, крепившимися на каркасе из вертикальных стоек, установленных по периметру котлована. Ямы–зернохранилища имели и на селе, и в городах, как правило, колоколообразную форму. Стенки ям обмазывались глиной, часто были обожжены. Погреба на усадьбах имели деревянное покрытие, опиравшиеся на земляной уступ вокруг входного отверстия. Часто над ямами и погребами устанавливали навес на 4 мощных столбах. На усадьбах имелись небольшие амбары, навесы для содержания скота (Таблица 42, рис. 2). В расстановке отдельных хозяйственных построек и сооружений наблюдалась некоторая упорядоченность. Свободное пространство усадеб могло использоваться для установки юрт и шатров.

Жилища Булгарии

Остатки многочисленных булгарских жилищ, выявленных в процессе археологических раскопок на городищах и селищах Волго-Камья, позволяют разделить их на три большие группы: землянки, полуземлянки и наземные жилища [558, с. 72-78; 559, с. 62-99; 564, с. 267–268]. В самых ранних слоях городов встречаются следы турлучных построек. (Таблица 42, рис.3). По сведениям арабских путешественников, посещавших регион, летом население Булгарии жило в шатрах и юртах (Таблица 43, рис. 3 – 4). Следы раннебулгарской юртообразной постройки были обнаружены вблизи г.Булгара. Она представляла собой небольшое сооружение диаметром 1,1-1,3 м, заглубленное на глубину 0,2 м от дневной поверхности. Сохранились следы каркасной конструкции в виде 21 отверстия с древесным тленом от жердей диаметром 3-8 см [462, с.6]. Ввиду небольших размеров юрты, возможно, она имела хозяйственное назначение.

Следы юртообразного жилища сохранились в пространстве внешнего города Биляра [564, с. 258]. Оно располагалось в эллипсовидном (4,4 х 4,8 м) углублении (0,25 м), по периметру которого выявлены 44 ямки от кольев каркаса. Вход в юрту в виде прямоугольного выступа определился с южной стороны. Внутри юрты имелась яма для хранения продуктов. Очаг, вероятно, располагался снаружи, т.к. в 2 м к северу от юрты обнаружены следы прокала с вкраплениями угля. Очевидно, это жилище использовалось только летом. К северу от юрты обнаружена жилая полуземлянка. Вокруг них находились хозяйственные ямы и две хозпостройки. Судя по расположению всех построек, это была одна усадьба [720, рис. 33].

Землянки отапливались очагами, сложенными из песчаника на земляном полу. Деревянные наземные дома возводились в срубной технике и имели подполья для хранения продуктов. Такие дома обогревались кирпичными печами прямоугольной формы размерами 1,2-1,5 х 1,5-2,0 м. Часто печи ставили в дальнем от входа углу избы челом к двери.

Опираясь на исследования деревянной архитектуры более поздних периодов и учитывая ее консерватизм и конструктивную обусловленность, можно утверждать, что крыши этих зданий могли быть нескольких разновидностей. Это могли быть двускатные с самцовыми фронтонами, четырехскатные с конструкцией «костром» в виде постепенно уменьшающихся к вершине пирамиды сторон, сложенных из врезанных по углам бревен, или опирающихся на центральный столб конструкций шатровой крыши, покрытой соломой или досками. Крыша дома могла быть плоской или односкатной с земляным покрытием по накату из бревен или жердей.

Ремесленное население жило в небольших одно- и двухчастных домах. Одночастный дом состоял только из сруба. Двухчастный дом был пяти стенным или имел помимо сруба дощатые или глиняно-плетневые сени. Наземный дом с бревенчатыми стенами и сенями - клетью (7 х 3,6 м) имел вдоль северо-западной стороны нары. В северо-восточном углу находилась печь из дикого камня и обломков кирпича на глинистом растворе с челом, обращенным в юго-западную сторону. Сельские жилища были в подавляющем большинстве одночастными, реже – с небольшими дощатыми пристройками или навесами при входе (Таблица 43, рис.1 – 2).

Хозяйственные постройки, технические сооружения, элементы благоустройства

Во дворах жилых и общественных зданий располагались хозяйственные постройки: амбары, клети, колодцы и т.д. Амбары и клети были устроены в виде бревенчатых срубов 3 х 4 или 4 х 4 м, углубленных в землю. Финно-угорское население Булгарии возводило срубное жилище, сохранявшее до середины XX в. не только функциональное назначение в качестве летнего жилища, но и древнее название – кудо. В таком жилище в центре находился очаг, позднее – печь, отапливаемая по-чёрному. Для выхода дыма наружу использовали щель между скатами крыши вдоль конька.

В Булгарии использовали разные схемы водоснабжения. В Восточной Европе паводки рек были связаны с весенним таянием снегов на земле и льда на реках. Вода в реках Волга и Кама могла подниматься на 5 - 8 м и в их долинах затапливала огромные территории пойменных лугов. Население городов Волжско-Камской Булгарии использовало воду из рек, озер и колодцев. На территории Биляра археологами обнаружены десятки колодцев с опущенными в них деревянными срубами. Самый глубокий из них был более 7 м. Относительно небольшая глубина колодцев булгарских городов объясняется неглубоким залеганием водоносных слоев. Часто в качестве дренирующего элемента на дне колодцев устраивали ящик из толстых досок с двойным дном.

Булгарские колодцы представляли сруб, опущенный в глубокую яму, в которой на дне устраивался деревянный ящик с двойными стенами [515, с. 331]. Водоподъемное устройство могло быть в виде «журавля» или «ворота» (Таблица 43, рис.1.6). Основными источниками воды в булгарских и древнерусских городах служили реки, сезонные озера, родники и колодцы, устройство которых было одинаковым. Колодцы выявлены на усадьбах и на улицах.

Усадьбы в зависимости от социального статуса владельца имели разные ограды и ворота. Ограды устраивали в виде тына, дощатого забора, плетня. Тын устраивали из вертикальных брёвен. Горизонтальные брёвна, вставленные концами в мощные вертикальные столбы, образовывали заплот. Дощатые заборы набивались горизонтальными или вертикальными досками и различали по плотности и высоте их набивки. Характер плетня определялся толщиной и длиной веток или тонкоствольных деревьев. Характер ворот не установлен. Простейшим видом могли быть рамные ворота. Однако при устройстве тына или заплота несущая конструкция ворот могла быть срубной (Таблица 43, рис. 1.9).

В городах Булгарии выявлены элементы благоустройства: характерно устройство отмостки вокруг зданий бань или мощение территории перед их главными фасадами битым или целым кирпичом. Вокруг здания бани, располагавшейся вблизи Соборной мечети, была выложена отмостка из глины с вкраплениями известки и кирпичной крошки. Местами она выполнена из кирпичного щебня толщиной 40-60 см, а при перепаде уровней поверхности отмостки - до 26 см [576, с. 78]. Площади в городах мостились глиной, обломками камней, битым кирпичом, деревянными плахами, каменными плитами. Вокруг Билярской соборной мечети была площадь с глинистым покрытием на деревянном основании.

Дренаж, использовавшийся для осушения болотистых мест в булгарских и русских городах, по устройству абсолютно идентичен. При необходимости устраивали дренаж, состоявший из двух выдолбленных половинок ствола, соединенных между собой зигзагообразным швом и снабженных вырубками - втулками для соединения колен дренажной системы. Для эксплуатации дренажа устраивались смотровые колодцы. Дренажи устраивались для улиц редко, чаще для отвода ручьев, осушения больших территорий города. Для накопления воды и устройства пруда, ручей в овраге Булгара перегораживали плотиной [700]. Вблизи неё выявлены полуземляночные жилища, в одном из которых найдены саманидские дирхемы начала X в. [701, с. 4]. Для перехода через овраги и ручьи в городах и селениях Булгарии устраивали мосты со срубной несущей конструкцией и дощатым настилом. Основой благоустройства в булгарских, как и русских городах, были деревянные мостовые. Сосновые плахи толщиной 30 см или горбыли укладывались на тонкие продольные лаги, часто врубались в них округлой стороной (Таблица 43, рис. 1.7).

III.1.4. Факторы и условия развития архитектуры Волжско-Камской Булгарии

На развитие архитектуры Булгарии оказывали воздействие следующие факторы и условия: природно-климатические, региональные традиции срубно-деревянного строительства, трансляция в регион типов культовых и общественных зданий, традиции архитектуры кочевых предков. Природно-климатические условия и традиции деревянного строительства региона обусловили преимущественное использование в архитектуре деревянных конструкций двух основных типов: дощато-каркасного и срубного.

Трансляция в регион типов культовых, мемориальных и общественных зданий

С исламизацией населения в регион были перенесены основные типы культовых, мемориальных и общественных зданий, распространённых в городах мусульманского мира. Это вызвало необходимость освоения методов каменного и кирпичного строительства. Каменных монументальных сооружений в булгарских, как и в большинстве средневековых городов других регионов, было немного. Возведение в городах Булгарии монументальных сооружений началось с добычи и обработки камня и освоения производства кирпича: сырцового и обожженного. В строительных конструкциях первых монументальных зданий Биляра и Сувара сочетались известняковый камень и обожженный глиняный кирпич. Сырцовый кирпич использовался для основания под фундаменты зданий. Стандартный большемерный булгарский квадратный кирпич укладывался в габариты 25-27 х 25-27 х 5-6 см. Кирпичи обжигали в специальных печах, раскопанных в булгарских городах. Камень-известняк привозили с правого берега Волги и в грубо отесанном виде использовали в кладке несущих стен. Внутри помещений стены покрывали известковой штукатуркой.

С большой долей вероятности можно утверждать, что техника белокаменного и кирпичного строительства была освоена булгарами еще в Хазарии и Дунайской Болгарии под влиянием Византии, а затем перенесена в Волжско-Камский регион. Помимо хазарского, на появление кирпично-каменных зданий в булгарских городах не следует отрицать влияния среднеазиатских строительных традиций через мастеров, прибывавших в регион в период распространения и укоренения ислама. Влияние архитектуры Средней Азии и Ближнего Востока помимо культовых сооружений проявилось в зданиях типа бани-хаммам. Кладка кирпичных стен на алебастровом и глиняном растворах, подпольная система отопления зданий с топкой с наружной стороны, возведение сводов, куполов и клинчатых арок, штукатурка каменных и кирпичных стен, резьба по стуку были освоены

булгарами под руководством мастеров из Средней Азии, Закавказья и Ближнего Востока [463, с. 4 - 6].

Традиции архитектуры кочевых предков

Юртообразные здания в городах Булгарии в первой половине X в. строились в традициях жилищ оседлого салтово-маяцкого населения Хазарии, сохранявшего в быту сильные кочевнические пережитки [510, с. 99]. Юртообразные жилища были, по сути, стационарными юртами. Такие постройки обычно возникали при переходе кочевников к оседлому образу жизни. По краям котлованов юртообразных жилищ видны лунки от деревянных жердей, которые образовывали каркас стен. Стены поддерживали коническую крышу из камыша. Стены и крыша обмазывались глиной.

Сходные жилища IX - X вв. были найдены в городах и поселениях Хазарского каганата и Дунайской Болгарии. Они представляли собой легкие сооружения в виде овальных или круглых в плане юрт, пол которых незначительно углублен в землю. Очаг в таких жилищах находился посредине пола под отверстием для выхода дыма в кровле. Эти жилища были расположены по кругу, в центре которого находилась большая по размерам юрта [510, с.99].

Все юртообразные жилища Восточной Европы относились ко времени VIII – XI вв., которое по аналогии с Великим переселением народов называют эпохой Великого оседания [510, с. 99]. В этот период образовались Великая Болгария, Хазарский каганат, Первое Болгарское царство на Дунае (Дунайская Болгария). Процесс оседания кочевников протекал и в период образования Волжско-Камской Булгарии. Наряду с постоянными жилищами, население Булгарии использовало юрты и шатры в качестве летних жилищ.

Характер булгарских переносных юрт установить сложно, однако можно провести параллели с казахскими (тюркскими) юртами, сохранявшими основные конструктивные особенности на протяжении полутора тысяч лет. В отличие от Монголии, где также были распространен свой тип юрт, не только природно-климатические особенности ареала распространения казахских юрт: обилие снега и морозы зимой близки условиям Волго-Камья, но и родственное тюркоязычное население, неоднократно переселявшееся в регион. Это привело к созданию переносного жилища с достаточно крутой крышей. Изменилась сама форма жердей, образовывавших крышу юрты. В монгольской юрте жерди (унь) прямые, веретенообразной формы, и нагрузка на стены, состоящие из решеток (хан), распределялась горизонтально. Это позволяло юрте выдерживать очень сильные порывы ветра, но не защищало от вертикальных нагрузок выпавшего снега. Крышу тюркской юрты образовывалит жерди (уук), вырезанные из побегов ивы. Они имели изгиб в нижней части, примыкавшей к решеткам (кереге) стены юрты. За счет этого изгиба нагрузка распределялась вертикально, и юрта выдерживала вес выпавшего снега. Помимо этого, жерди тюркской юрты достаточно гибкие. Прогибаясь под массой снега, они не ломались [330]. Возможно, на распространение этих двух типов юрт у кочевых и полукочевых народов в различных регионах могли влиять и другие факторы, а не только их конструктивные особенности. В качестве летнего жилища могли использовать шалашеобразную постройку.

Археологическими исследованиями установлено, что в начальный период становления городов были распространены каркасно-глинобитные, а также срубные дома. Каркасно-глинобитные дома в Суваре имели каркас из вертикальных вбитых в почву столбов диаметром 0,1-0,15 м с горизонтально укрепленными балками и переводинами для настила деревянного пола [457, с.142]. Стены выполнялись из плетня и обмазывались глиной с двух сторон. Дома отапливались глинобитными печами 1,5 х 1,5 м, имевшими сводчатое перекрытие. Кроме таких печей встречались и глинобитные печи в виде цилиндров высотой 0,7 м, диаметром 0,7 м, в основании и по верхнему борту которых выкладывались обломки кирпичей. Толщина стен таких печей составляла 2,2 - 3,5 см и

получалась за счет обмазки глиной стен цилиндрической ямы, вырытой в толще пола. Это своеобразный синтез типов печи-очага и печи-тандыра. Такие печи отапливали каркасные глинобитно-саманные постройки и были привнесены в регион, как и сам тип этих построек, строителями из районов Средней Азии, Ближнего Востока и, вероятно, Хазарии в период закладки городов. В центре Биляра в слоях X в. выявлены остатки семи каркасно-глинобитных домов. Позднее X в. дома и печи подобного типа в булгарских городах не строили.

III.2. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ БУЛГАРСКОГО УЛУСА

III.2.1. Оборонительная архитектура Булгарского улуса

В золотоордынский период оборонительное зодчество не получило развития, так как города Монгольского государства были открытыми и не имели оборонительных стен. Военные крепости для монгольских гарнизонов отражали региональные традиции деревянно-земляного оборонительного зодчества.

III.2.2. Архитектура общественных зданий

Мечети

В Улусе Джучи кочевой уклад жизни правящей верхушки и основного монгольского населения сочетался с культурно-бытовыми традициями оседлых народов захваченных государств, обладавшими развитым градостроительством и архитектурой. После десятилетий упадка архитектура и градостроительство Волго-Камья, Крыма, Хорезма, Приднестровья и других регионов начали развиваться в рамках Золотой Орды. С распространением в Улусе Джучи в качестве официальной религии ислама в правление хана Узбека в городах появились мусульманские культовые сооружения (мечети с минаретами), мемориальные сооружения (мавзолеи-тюрбе).

В г.Булгаре к середине XIV в. соборная мечеть, построенная в 1240-1260-х гг., была дважды реконструирована и представляла собой сооружение 40 х 40 м, укрепленное по углам мощными многогранными крепостными башнями, с многоколонным залом, портальным входом и пристроенным к северному фасаду столпообразным минаретом высотой 26-30 м на кубовидном основании. На середине высоты по периметру ствола минарета шла кораническая надпись [16, с. 55-56]. Минарет мечети был возведен из камня и обожженного кирпича. В такой же технике был возведен минарет мечети Мечетного городища диаметром около 4,5 м [73, с. 18]. Ствол минарета из бутового камня был обложен одним слоем кирпича.

С.С.Айдаров предложил свою гипотезу покрытия Булгарской соборной мечети скатной крышей [11, с. 25]. Входы в них оформлялись порталами. Региональная особенность Булгарской соборной мечети заключалась в устройстве мощных угловых башен, функциональное назначение которых не вполне ясно и существует несколько гипотез по их применению (Таблица 46, рис.1).

К юго-востоку от Малого минарета, там, где был район с домами монгольского образца, во 2-й половине XIV в. возвели небольшую мечеть (квадратную в плане, с пилонами, фланкирующими вход с северной стороны, с системой подпольного отопления типа канов). После очередной военной катастрофы здание мечети стало использоваться как мавзолей, и система канов была нарушена погребениями [622]. Мечети такого типа могли возводиться в качестве квартальных и в первой половине XIV в. в тех местах, где обнаружены следы кирпичных построек и многочисленные остатки дымогарных труб. При строительстве деревянных мечетей, вероятно, продолжали придерживаться

региональных традиций. Срубное здание мечети перекрывалось двускатной крышей, которую прорезало квадратная или восьмигранная в плане башня минарета с шатровым завершением.

Мавзолей

В золотоордынский период мавзолеи получили широкое развитие. Недалеко от вышеописанной квартальной мечети Булгара выявлены остатки фундаментов мавзолея, стены и перекрытия которого, вероятно, были деревянными [621, с. 13]. На Булгарском городище сохранился комплекс, состоящий из нескольких мавзолеев XIV в., из которых центральный получил название Ханской усыпальницы. Массивный четверик через угловые скосы переходит в восьмигранник, который несет шестнадцатигранный ярус и купол. Первоначально вход располагался с севера. Позднее его заложили и пробили с юга. Наружные стены были облицованы хорошо отесанными блоками известнякового камня. В интерьере стены и купол были оштукатурены. Изразцы с растительным и геометрическим орнаментом, арабскими надписями, с преобладанием голубого и темно-синего цветов окаймляли оконные проемы. Гипсовые плитки с рельефным орнаментом также украшали внутренние стены. Дверной проем на северном фасаде был обрамлен резным известняковым камнем.

С западной стороны у южного угла Ханской усыпальницы был пристроен небольшой мавзолей. Позднее к восточной стене Ханской усыпальницы был пристроен еще один мавзолей. Его размеры аналогичны Ханской усыпальнице. Цоколь облицован хорошо отесанными блоками известнякового камня, но стены и купол были сложены из кирпича. Снаружи и внутри здание было оштукатурено. Вход на северном фасаде был фланкирован двумя пилонами высокого арочного портала [24, с. 203].

Таким образом, сформировался комплекс мавзолеев, вблизи которого, вероятно, находилась поминальная мечеть с минаретом. В отличие от Большого минарета Булгарской соборной мечети он получил название Малого и сохранился до настоящего времени. Фрагментарно сохранившийся комплекс свидетельствует о распространении в Булгарском улусе, помимо одинарных, и блокированных мавзолеев (Таблица 46, рис. 2 - 3). В 1330-е годы перед северным и восточным фасадом Булгарской мечети возведены мавзолеи, получившие названия Северного и Восточного. Оба мавзолея относятся к типу восточных шатровых усыпальниц с выносным порталом и прямоугольным внутренним помещением, переходящим через тромпы в восьмигранный ярус, перекрытый внутренним полусферическим куполом и наружным шатром. На территории г.Булгара было много одинарных мавзолеев, аналогичных этим мавзолеям. В отличие от крымских мавзолеев они редко освещались окнами и не имели подземных каменных склепов, перекрытых сводами. Усопших хоронили в земле под полом, на котором над могилой устанавливали надгробие, часто покрытое майоликовыми плитками.

Много споров вызывает здание Черной палаты, которое следует отнести к мемориальным сооружениям. С.С.Айдаров относит его к зданию судилища. Это могла быть поминальная мечеть или здание имело другое назначение.

Не вызывает сомнение, что наряду с каменными, продолжали возводить деревянные мавзолеи, следы которых прослежены на некрополях золотоордынского периода.

Булгар являлся одним из городов Улуса Джучи и его архитектура отражала общегосударственную политику развития архитектуры золотоордынских городов. Монументальная архитектура Булгара при сохранении некоторых домонгольских булгарских традиций (колонные мечети с минаретами, бани, использование традиционных строительных материалов) получила дальнейшее развитие и достигла к середине XIV в. общего уровня развития с архитектурой других регионов Золотой Орды.

Баня-хаммам

Бани-хаммам Булгара унаследовали традиции булгарской архитектуры. Они представляли собой здания зально-ячеистой структуры, помещения которых имели сводчатые и купольные покрытия. В торце здания устанавливались печи с каменными котлами для подогрева воды. От печей дым, отапливая пол по подпольным каналам, выходил через внутристенные вертикальные вытяжки. Наиболее известными из них были здания, получившие в региональной историографии названия Белая, Красная, Восточная палата [577]. Бани Булгара имели среднеазиатские черты и работали посменно. В куполах и сводах устраивали отверстия для освещения и вентиляции.

При строительстве монументальных сооружений в Булгаре использовались специальные строительные приёмы. Для укрепления грунта под фундамент вбивались деревянные сваи-коротыши диаметром 8-20 см и длиной 45-80 см с острым концом. Затем выполнялась известково-песчаная подсыпка, выравнивавшая основание под первым рядом кладки фундамента [726, с.8.]. Особенно наглядно этот прием проявился в заречной слободе Булгара, на правом берегу р.Меленки под стенами бани. Для укрепления сыпучего грунта под стены бани также были вбиты деревянные сваи [556, с.415]. Бани являлись наиболее распространённым типом общественных зданий в золотоордынских городах (45, рис. 1-2).

Караван-сараи

Распространенным типом общественных зданий золотоордынских городов являлись караван-сараи. В большинстве городов Булгарского улуса караван-сараи, вероятно, строили из деревянных срубов, которые легко обогревались и были традиционным конструктивным модулем в региональной архитектуре. Оградить внутренний двор любых размеров такими срубными клетями-модулями не составляло особого труда. Строительство деревянных караван-сараев и объясняет, вероятнее всего, причину их плохой сохранности. До настоящего времени в Волго-Камье выявлены фундаменты одного здания, которое отнесено к широко распространенному в средневековье типу караван-сарая. Это караван-сарай в центре Булгара (30х30 м), выполнявший функции рынка (Таблица 44, рис. 2).

Археологи М.Д.Полубояринова, Г.Ф.Полякова, Н.А.Кокорина в своих отчётах отмечают, что вместе со значительным количеством нумизматического материала, фиксируемого на раскопе в виде компактных пятен, так же четко локализуются сырье, полуфабрикаты, предметы и орудия производства из кости, стекла, гипса, цветного металла. О торговом назначении исследуемого комплекса свидетельствуют и находки. Практически в каждом помещении сооружения найдены разновесы и детали весов [692 – 695].

III.2.3. Жилая архитектура городов Булгарского улуса

Жилые дома золотоордынского периода

Дома монгольского типа выявлены во всех золотоордынских городах в районах расселения знати. В г.Булгаре такой район выявлен к югу от Иерусалимского оврага. Выявленный раскопками белокаменный жилой дом монгольского образца в Булгаре сначала стал мечетью, а затем в 1360-х гг. был приспособлен под мавзолей, вошедший в состав Ханской усыпальницы. Дома монгольского образца были, как правило, каменные, одно-, двухкамерные. В интерьере большую часть занимали нары-суфа, под которыми были устроены каны – каналы для отопления горячим дымом, поступавшим от печи, вделанной в край суфы. Дворцовые сооружения на Болгарском городище не выявлены.

К Волжско-Камскому региональному типу жилища относился наземный бревенчатый дом с глубоким подпольем, стенки которого обшивались горизонтальными досками. Жилища золотоордынского времени, как и в булгарский период, разделялись по степени заглублённости в землю и количеству камер (Таблица 47, рис. 1). Имея богатые домонгольские традиции, рядовое население г.Булгара продолжало строить подобные типы усадеб и жилищ. Археологи часто находят в выявленных раскопками подпольях развалы каменных или кирпичных печей. В Волго-Камье сложился местный вид отопления домов печами, отличный от системы отопления типа канов. Печи имели форму параллелепипеда с полуцилиндрическим сводом пода. Часто печи стояли на опечке – глинобитной ступени в деревянном коробе.

Немаловажным компонентом золотоордынских городов являлись юрты, наиболее распространенный тип жилища кочевого населения и в определенной степени городского. О широком использовании юрт в золотоордынских городах свидетельствовало сохранение этой традиции у населения постзолотоордынских татарских ханств.

Обычно в археологических слоях следы юрт определяются по малочисленным остаткам их кирпичных обкладок или отверстиям в грунте с древесным тленом. Известно, что монгольские кочевые племена и кочевники восточно-европейских степей обладали двумя видами жилищ: на колесах и наземными. Жилища на колесах были двух- и четырехколесные. Ибн-Батутта так описывал повозки кочевников Золотой Орды: «Телегу называют они арба. На арбу ставится нечто вроде свода, сделанного из прутьев деревьев, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями» [487, с. 281].

Жилища на колесах играли важную роль в оборонительной функции кочевого стана, т.к. поставленные по кругу они образовывали укрепленный заслон, за которым укрывались воины. К XIII в. в Монгольской империи, этот передвижной вид жилища на колесах достигает наивысшего расцвета [330, с. 21]. Сборно-разборная юрта являлась постоянным типом жилища кочевников, используемым круглый год (Таблица 47, рис. 1.8). Сборно-разборная юрта с войлочным верхом использовалась кочевой частью населения Золотой Орды круглогодично. У монголов она называлась гэр и состояла из четырех-шести решеток. Гэр вмещал семь-восемь человек с мебелью и утварью. Дверь монгольской юрты обращалась на юг, тюркской – на юго-восток. В городах юрты ставились во дворах усадеб. Это прием был распространен у оседлого населения некоторых оазисов Средней Азии, а еще раньше у китайских вельмож, переселявшихся на зиму в юрты [331, с. 25]. Развитые гэры предводителей монголов постепенно превращались в сборно-разборный кочевой дворец – «орд». Русские называли их «орда». Потом под этим названием стали понимать ставку хана или место его пребывания и, наконец, этим термином впоследствии обозначали населенные пункты, возникшие возле ханской резиденции. Кроме юрты широко распространенным видом летних построек кочевников являлись палатки и навесы. Они защищали от солнца и дождя и служили не только временными укрытиями для членов одной семьи при кочевке, но и общественными сооружениями при сборе сотни людей на курултаях, праздниках или по другим целям.

Хозяйственные постройки, технические сооружения, элементы благоустройства

В золотоордынский период хозяйственные постройки были представлены сараями, амбарами, навесами и хозяйственными ямами и имели много общего с постройками домонгольского периода.

Благоустройство в золотоордынских городах сводилось к мощению улиц и площадей каменными плитами, кирпичом, деревянными плахами. К элементам благоустройства нужно отнести различного вида ограды и ворота усадеб и общественных комплексов. (Таблица 48, рис. 2). Малые формы в виде памятных стел и надгробий устанавливались на могилах.

Важное значение в благоустройстве золотоордынских городов имели технические сооружения. Вода в бани Булгара подводилась от озер или реки по подземному водопроводу из гончарных труб, соединенных водонепроницаемым раствором. Использованная вода отводилась такими же трубами большего диаметра или по каменным крытым лоткам, или канавам в водопоглощающие колодцы или ямы. Питьевую воду горожане брали из колодцев. Глубина их составляла 3-7 м. В городах Булгарского улуса они были срубными с дощатыми отстойниками на дне. Воду поднимали специальным устройством типа «журавль» или «ворот», ставшими традиционными в регионе.

В Булгаре верхняя волжская терраса сложена рыхлыми породами осадочного происхождения, и крутой склон берега постоянно обваливался. В рассматриваемый период, по мнению геологов, он был высотой 40-45 м (в настоящее время составляет 30-35 м) и изобиловал ключами. Для укрепления берега в центральной части города для отвода грунтовых вод были сооружены гидротехнические сооружения в виде ряжей и дренажных каналов, обнаруженных раскопками 1950-1951 гг. Они были построены начале XIV вв. и существовали до начала XV в. [642, с.7]. Для укрепления береговых обрывов в городах Булгарского улуса устраивали крепёжные ряжи в виде забитых камнями и землёй клетей, врытых в обрыв. При необходимости устраивали дренаж, состоявший из двух выдолбленных половинок ствола, соединенных между собой зигзагообразным швом и снабженных вырубками - втулками для соединения колен дренажной системы. Для эксплуатации дренажа устраивались смотровые колодцы.

Избыток паводковых вод, подтоплявших территории городов, отводили деревянными дренажными устройствами или собирали в специальные бассейны. В городах было много гончарных печей, в которых обжигали посуду, трубы, декоративные архитектурные элементы.

Для подведения воды к баням или фонтанам на площадях использовали водопроводные глиняные трубы с раструбом на одном конце. В этот раструб вставлялся конец следующей трубы и так далее. Трубы сцеплялись водонепроницаемым раствором. Для отвода использованной воды от бань устраивались неглубокие канавы, перекрытые плитами. Канавы отводили воду в колодцы отстойники. Иногда для отвода сточных вод применяли глиняные трубы большего диаметра, чем водопроводные трубы.

Для перехода через овраги и ручьи в городах и селениях Булгарского улуса сохранялись региональные традиции в устройстве мостов со срубной несущей конструкцией и дощатым настилом. Основные улицы мостились деревянными плахами. Традиционно сосновые плахи толщиной 30 см или горбыли укладывались на продольные лаги, часто врубались в них округлой стороной (Таблица 43, рис. 1.7).

III.2.4. Факторы и условия развития архитектуры Булгарского улуса Золотой Орды

Влияние архитектуры золотоордынских городов

На развитие архитектуры региона в составе Золотой Орды оказывала влияние архитектуры других регионов государства. В крупном золотоордынском городе было несколько соборных мечетей. В большинстве городов Золотой Орды были распространены мечети колонного типа. Башни минаретов были цилиндрической формы диаметром около 3 м с квадратным в плане цоколем. Мечети в нижневолжских городах оформлялись мозаичным панно, изразцовыми вставками разных форм и цветов, поливными и фигурными кирпичами [208, с.126; 418, с. 65-66; 508, с. 68-69].

В г.Солхате в первой половине XIV в. была построена мечеть Узбек-хана базиликального типа с колоннами, портальным входом с северной стороны и угловым минаретом, надстроенным позднее. Подобного типа, но больших размеров, была мечеть в

Старом Орхее [128, с. 93-94]. В Крыму строили мечети и центрично-купольной композиции. Это были небольшие кубовидные мечети с купольным завершением и угловым минаретом [83, с. 295 - 311; 81, с.122 - 144; 82, с. 108 - 125]. В Предкавказье мечеть, как правило, имела зал с плоской крышей по балкам, угловой минарет и вход, оформленный порталом.

Сравнение планов соборных мечетей Булгара и других городов Золотой Орды показало, что средние размеры мечетей были в пределах 20-60 м. Большинство из них относилось к мечетям колонного типа. Количество нефов могло сокращаться до трех, как в Солхатской соборной мечети, где внутреннее пространство разделялось двумя продольными рядами колонн. Наибольшее количество нефов достигало 15-16 [230, с.16-37]. Вопрос о покрытии колонных мечетей остается открытым. Они могли иметь как земляное, так и многоскатное покрытие.

Минареты золотоордынских мечетей пристраивались к северному фасаду или располагались вблизи от него справа или слева от портала, или возвышались над северо-восточным или северо-западным углом. Форма минаретов зависела от домонгольских традиций их возведения в различных регионах империи. В Булгарском улусе минареты были трехъярусные с кубовидным основанием и цилиндрическим стволом и возводились из известнякового камня. Фонарь муэдзина был цилиндрической формы меньших габаритов, что позволяло устраивать круговую площадку вокруг него. Коническая крыша придавала завершенность монументальным формам минаретов.

В Крымском улусе каменные минареты размещались на углах мечетей и имели более утонченные формы с консольным круговым балконом. В г.Куня-Ургенче минареты по среднеазиатской традиции возводились из кирпича, имели большую высоту (40-60 м) и деревянные фонари для муэдзинов. Отличительная особенность их от минаретов Крыма и Волго-Камья заключалась в их форме в виде утоняющихся цилиндров, приближающихся к конусовидной форме. Форма минаретов мечетей нижневолжских столиц не определена. Однако находки развалов с лекальным обожженным кирпичом криволинейной формы в г.Сарае-Бату и г.Сарае ал-Джедид позволяют предполагать влияние хорезмийских традиций на сложение форм их минаретов (Таблица II. 4 – 6, рис. 1).

Обзор и краткая характеристика мечетей крупных городов Золотой Орды свидетельствуют о том, что по всей территории Золотой Орды в XIV в. были распространены колонные или купольные мечети с приставными цилиндрическими постепенно утоняющимися кверху минаретами на кубовидном основании, портальными входами с северной стороны. В нижневолжских городах для их оформления использовались майоликовые и изразцовые плитки. В Булгарской соборной мечети основным декоративным приемом оформления фасадов служила резьба по камню. Мечети Крыма украшал сталактитовый портал.

С распространением ислама в Золотой Орде сложилась традиция установления на могилах надгробий и мавзолеев. Специфическое и распространенное в мусульманском мире название мавзолеев «Дюрбе» или «Тюрба» было принято и в Золотой Орде. В Крыму были распространены мавзолеи двух типов и их разновидности: квадратные и восьмигранные в плане. Дюрбе возводились из известнякового камня. Кирпич применяли в конструктивно важных местах здания. Снаружи дюрбе облицовывались каменными плитами, а внутри – штукатурились. Квадратные в плане дюрбе, в объеме представляли собой четверик, переходящий в восьмерик путем среза внешних углов. Восьмерик перекрывался полусферическим куполом.

Как правило, все дюрбе с южной стороны имели вход, акцентированный порталом с арочным завершением. Пилоны порталов на внутренней стороне при входе в дюрбе имели ниши, а на внутренних углах - колонны, поддерживающие декоративный ячеистый полукупол. Такими же полукуполами завершались ниши на внутренних стенах пилонов. Восьмигранный в плане мавзолей в интерьере мог иметь на стенах стрельчатые арки, несущие купол такой же формы. Внешние ребра восьмерика могли акцентироваться

трехчетвертными колонками. Мавзолеи освещались двумя рядами арочных и прямоугольных окон. Иногда на восьмерике располагался шестнадцатигранный барабан, перекрытый полусферическим куполом, над которым устраивали наружное восьмигранное пирамидальное покрытие. Такие мавзолеи относились к типу дюрбе центрической композиции без входного портала [225, с. 118-119].

В Крыму в золотоордынский период мавзолеи-дюрбе возводили с подземными склепами [225, с. 114].

В большинстве городов Золотой Орды возводили одинарные, двухкамерные и блокированные мавзолеи. Несмотря на общие черты в объемно-планировочных решениях дюрбе различных регионов Золотой Орды, в том числе и мавзолеев г.Булгара, они имели свои особенности, обусловленные домонгольскими традициями. В сохранившихся булгарских мавзолеях склепы отсутствуют. В золотоордынских мавзолеях других регионов были подземные кирпичные склепы со сводчатыми перекрытиями. Различались мавзолеи и по покрытию. В городах Булгарского улуса, Крыма и Предкавказья мавзолеи имели двойное покрытие: внутренний полусферический купол перекрывался снаружи восьмигранной пирамидой (реже шестнадцатигранной). Иногда мавзолей имел одинарный или двойной полусферический или стрельчатый купол.

Распространенным типом общественных зданий золотоордынских городов являлись караван-сараи. В Старом Орхее караван-сарай располагался на главной площади рядом с мечетью и представлял собой прямоугольное в плане здание 52 х 26 м с двумя входами, размещенными по оси с северной и южной сторон. Каждый вход был фланкирован мощными пилонами. Вокруг двора располагались помещения жилого и складского назначения [128, с. 100 - 102]. Иногда жилые комнаты располагались на втором этаже, а в нижних помещениях устраивались склады товаров или размещали животных. Крыши были плоскими или односкатными с уклоном в сторону внутреннего двора. Как правило, в наружных стенах окна не пробивались, и караван-сарай имел вид своеобразной крепости. В центре двора был колодец.

В разных регионах Золотой Орды караван-сараи возводили из местных материалов: камня, кирпича, глины, дерева. Булгарский караван-сарай по плану был идентичен золотоордынским постройкам этого типа.

В золотоордынских городах было много зданий бань-хаммам [30, с. 167 - 178; 231, с. 174 - 226; 577, с. 249 - 250]. Купола и арки зданий выполнялись в кирпиче. Общей чертой для них была крестообразная планировка, при которой в центре располагался зал с выступающими по сторонам света нишами, а по углам – моечные отделения, перекрытые цилиндрическими сводами или небольшими куполами. Большой полусферический купол перекрывал центральный зал бани. В зените куполов делали отверстия для освещения и вентиляции.

В монументальной архитектуре городов Золотой Орды периода ее расцвета были унифицированы типология, композиционные принципы и конструктивные приемы возведения культовых, мемориальных и общественных сооружений восточно-мусульманской направленности. В зависимости от домонгольских традиций в архитектуре культовых и мемориальных сооружений различных регионов могли преобладать те или иные конструктивные и декоративно-стилевые особенности. Для всех них общей чертой являлось выполнение конструктивно важных частей каменных зданий (куполов и сводов) в кирпиче.

Характерный облик золотоордынским городам придавала региональная жилая архитектура, отражавшая социальную структуру общества. Г.А.Федоров-Давыдов выявил основные типы и описал конструктивные особенности усадеб и жилых домов нижневолжских городов.

Усадьбы рядовых свободных горожан (ремесленников, мелких торговцев и т.д.) имели размеры 30-40 х 35-45 м. В центре их располагался однокомнатный на сырцово-кирпичном цоколе дом, стены которого представляли деревянный каркас, заполненный

кладкой в елочку из сырцового кирпича или горизонтальными и вертикальными досками. В интерьере стены покрывались штукатуркой. Вдоль боковых и противоположной входу стен располагалась «П» или «Г»-образная суфа (лежанка в виде широкой ступени, образованной подпорной стенкой и покрытием из сырцового кирпича, пространство под которой было заполнено глиной и битым кирпичом). В один или два конца суфы были вделаны цилиндрическая или прямоугольная печь. В толще суфы от печи шли горизонтальные дымоходные каналы – каны, соединенные в углу или середине стены дома с вертикальным дымоходом из кирпичей (Таблица II.4 – 9, рис. 1). Помимо основного дома на усадьбе были небольшие каркасные деревянные дома без фундаментов, иногда заглубленные в землю, или землянки, отапливавшиеся жаровнями.

Крупные усадьбы состоятельной части горожан размерами 70 х 75; 75 х 100; 100-145 х 100-150 м имели в центре многокомнатный дом на мощном цоколе с толстыми сырцово-кирпичными стенами габаритами 16,8 х 24 м, 24 х 24 м, 35 х 50 м. В середине такого дома располагался протяженный зал, по сторонам которого располагались отапливаемые печами с канами в суфах жилые комнаты и холодные хозяйственные помещения. В центре зала размещался кирпичный подиум с балдахином на колоннах для хозяина дома, бассейн, облицованный, как и пол зала, глазурованным кирпичом. Такие обширные усадьбы огораживались глинобитными или сырцово-кирпичными стенами, имели 1-2 проезда с воротами и расположенные по периметру усадьбы блокированные дома для зависимых людей и обслуги. Чем больше была усадьба, тем более богатым был центральный дом, тем сложнее и обширнее дома по периметру усадьбы свободных и зависимых людей. Близкие по типу дома в малых усадьбах были основными, а в богатых усадьбах они предназначались для усадебной обслуги [508, с. 64].

В Золотой Орде очень широко были распространены передвижные и стационарные сборно-разборные юрты и шатры. Юрты применяли монгольского и тюркского типа В поволжских золотоордынских городах, помимо многокомнатных жилых домов монгольской знати и администрации, были широко распространены различные типы землянок. Большинство домов в золотоордынских городах имели деревянные стены, обмазанные глиной и глинобитный пол. Широко были распространены дома однокомнатные, частично заглубленные в землю, а также наземные дома без фундаментов размерами 5-7 х 5-7 м. После устройства суфы площадь пола дома могла составлять всего 2-3 кв. м. То есть жизнь семьи протекала в основном на суфе. Дома возводили также из горизонтальных бревен или брусьев. Группу однокомнатных домов дополняли дома с деревянным каркасом на цоколе. Стены в таких домах были каркасные в виде деревянных рам, разделенных вертикальными стойками на отсеки, заполненные косо положенными кирпичами. Иногда рамы обшивались досками. Полы выкладывались кирпичами или делались деревянными на лагах. Стены однокомнатных домов возводили из сырцового кирпича в 2 - 4 ряда. На Царевском городище такие дома были главными в усадьбах аристократического (юго-восточного) района.

В домах всех типов имелись сливные устройства-умывальники – тошнау. Они имели вид отверстия в полу, куда вставлялся перевернутый горлом вниз кувшин без дна. Вода из него уходила в водопоглощающий колодец под полом. В строительных и бытовых элементах жилых домов таких, как тошнау, кирпичные полы, печи-тандыры и других сказывалось влияние Средней Азии. Наиболее бедные наземные дома имели деревянные и сырцовые стены. Часто основу дома составляли деревянные рамы из брусьев, каркасные и фахверковые конструкции [508, с.84]. Тандыры, каны и тошнау устраивались в землянках и наземных домах всех типов нижневолжских золотоордынских городов (Таблица II.4 – 9). По остаткам этих устройств в городах регионов с глубокими земледельческими традициями, вошедших после монгольского завоевания в состав Золотой Орды, обнаруживаются дома монгольского образца. В Булгаре район с такими домами выявлен восточнее Иерусалимского оврага.

Однокомнатные жилища часто соединялись попарно. Иногда соединялись в ряд несколько однокомнатных домов, часто с отдельными входами, по типу блокированных. Могли объединяться дома и с деревянными, и с кирпичными стенами.

Вершину типологического ряда золотоордынских жилых домов занимали многокомнатные дома дворцового типа, квадратные в плане или в виде вытянутого по ширине прямоугольника. Они имели мощные стены из обожженного кирпича. Внутреннее пространство могло делиться на 11 и более помещений. В середине длинной фасадной стены была ниша портала, за ней шел ряд помещений, деливших весь дом на две части. Планировка и оформление этих многокомнатных дворцов свидетельствовало о принадлежности их сановникам или знатным монголам. Вышеперечисленные виды жилых домов были характерны для нижневолжских городов и характеризуются исследователями как дома монгольского типа. Следовательно, для архитектуры золотоордынских городов был свойственен синтез типов культовой и общественной архитектуры восточно-мусульманской направленности, кочевого жилища и стационарных традиционных усадеб и жилищ различных регионов

Стилевое оформление монументальных зданий в золотоордынских городах строилось на использовании полихромных плиток. Майоликовые и изразцовые плитки применяли для оформления фасадов зданий и их интерьеров. В Булгарском улусе плитками оформляли наличники окон, дверей, порталы, минареты и другие части зданий. В других регионах Золотой Орды они могли полностью покрывать фасады зданий. В плитках использовали голубой, синий, желтый, белый, зеленый цвета и их оттенки. Узор плиток был геометрического и растительного характера. Часто в него вплеталась арабская вязь религиозного содержания. Для оформления культовых и дворцовых сооружений использовали майолику с золотым покрытием. Майоликовые и изразцовые элементы использовались для оформления наличников дверей и окон в интерьерах монументальных зданий. В архитектуре Булгарского улуса более широко была распространена резьба по камню.

III. 3. АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

III.3.1. Оборонительное зодчество Казанского ханства

Оборонительные сооружения военных крепостей Казанского ханства представляли собой комплекс из бревенчатых стен и башен, опоясывающих внутреннее пространство двора с жилыми, хозяйственными и складскими постройками для гарнизона. Архитектурно-градостроительные особенности военных крепостей определялись ландшафтом, военно-оборонительным значением и размещением в пространственной структуре государства.

Оборонительная структура городов Казанского ханства включала ров с водой, земляной вал и оборонительные стены с башнями. Для устройства оборонительных стен городов применяли традиционные для региона бревенчатые стены типа городней и тарасов. На углах и длинных пряслах устраивали глухие четырехгранные или восьмигранные башни под шатровыми крышами. Для въезда в город имелись проездные башни с воротами в нижнем ярусе [11; 12]. Стены с башнями устанавливали на земляных валах, часто укреплённых в толще бревенчатыми срубами. С наружной стороны стен устраивали глубокий ров, заполнявшийся водой или грязью для затруднения его преодоления.

Оборонительные стены и башни из камня возводились в Казанском кремле. Возможно, часть стен имела бревенчатый верх и шатровое завершение. В зависимости от оборонительного назначения стены могли иметь разную толщину и высоту. Так стены Кремля были значительно толще двухметровых стен ханского двора (Таблица 49, рис. 1).

Основным типом стен городских комплексов был тын из вертикально вбитых в землю брёвен или горизонтально уложенных брёвен, вставленных концами в пазы вертикальных столбов. Особенность застройки городов Казанского ханства, как и Московского государства, составляли комплексы, огражденные по периметру стенами. Внутри этих комплексов разделение пространства могло осуществляться деревянными заборам и плетнями.

III.3.2. Архитектура общественных зданий городов Казанского ханства

Мечеть

В Казанском кремле выявлены остатки каменных Ханской, Нур-Али и Кул-Шарифа мечетей. Одной из первых монументальных построек в ханской цитадели Казанского кремля в 1455-1456 гг. в правление Махмут-хана была построена Ханская мечеть [455, с.175]. Она представляла собой квадратную в плане белокаменную постройку 14 х 14 м, ориентированную продольной осью в юго-западном направлении на Мекку. В первой половине XVI в. за счет пристроенного к первоначальному белокаменному нового кирпичного объема (9 х 9 м) Ханская мечеть была расширена по продольной оси. Общая длина сооружения составила 23 м. Квадратная планировка помещений предполагает их купольное завершение. Возможно, к кирпично-каменному зданию примыкали деревянные пристройки и наружные лестницы.

Остатки сложного в плане здания с развитым составом помещений, предположительно мечети Кул-Шарифа, выявлены на территории Архиерейского двора русского времени. Мечеть Кул-Шарифа являлась одновременно и медресе (Таблица 51, рис. 1). Она была построена на рубеже XV-XVI вв. южнее ханского двора и, по татарским преданиям, имела восемь минаретов [455, с.120, рис.184].

Поскольку остатки всех мечетей выявлены на уровне фундаментов, то трудно судить об их внутренней планировке. Имели ли они, как в Биляре и Булгаре многоколонные залы, утверждать затруднительно. Судя по их размерам, они имели купольную систему перекрытий без колонн по аналогии с культовой архитектурой Османской Турции, с которой Казанское ханство поддерживало тесные связи через Крымское ханство [38, с. 68 - 75; 544, с. 68 - 75.; 545].

О характере мечетей посада практически ничего неизвестно. Однако приходские деревянные мечети могли быть близки традиционным срубным мечетям более позднего времени.

Мавзолей

Традиция возведения мавзолеев существовала и в Казанском ханстве. В Казанском кремле вблизи Ханской мечети был построен первый каменный ханский мавзолей, где в 1463 г. был погребен Махмут-хан, а в середине 1510-х гг. рядом был построен второй ханский мавзолей. Однако раскопками 2004 г. было установлено, что остатки двух мавзолеев, на самом деле, являлись одним белокаменным зданием с габаритами 6 х 18 м. Вероятно, вторая часть была пристроена к первоначальному объему мавзолея в указанное время и в ней был погребен в 1518 г. Мухаммед-Эмин хан. Продольные стены Ханской мечети и мавзолеев параллельны. Такое расположение мавзолеев свидетельствует о том, что их внутренние помещения могли использоваться для поминальных молитв. Архитектура ханского мавзолея Казанского кремля могла быть аналогична или близка сохранившемуся образцу золотоордынского многокамерного мавзолея Шах-Али-Хана в Хан-Кермане, столице Касимовского ханства. Этот мавзолей построен в 1555-56 гг. рядом с ханским дворцом Хан-Кермана. Белокаменное, двухкамерное сооружение (13,5 х 8,5 х 5,

0 м), не имеющее в настоящее время внешнего покрытия и входом на южной стороне. Большая камера являлась собственно усыпальницей, освещалась четырьмя небольшими арочными окнами и имела подземный склеп, в который можно спуститься по узкой каменной лестнице, расположенной снаружи справа от входа в мавзолей. На западном фасаде дверь ведет во второе помещение (зиарат-хана), предназначенное для чтения Корана. Оно освещалось одним окном и имело земляной пол. Каждая камера перекрывалась сомкнутым кирпичным сводом, скрытым на фасадах высоким парапетом. Форма первоначального покрытия - не установлена. Поверх сводов насыпана земля. По планировке и строительной технике это сооружение близко некоторым усыпальницам Булгара и других городов золотоордынского времени [69].

Мавзолеи в городах Казанского ханства представляли собой одинарные, центричной композиции, башенные здания с купольным завершением, а также двухкамерные сооружения со сводчатым покрытием. Наряду с каменными мавзолеями, очевидно, были распространены срубно-деревянные, квадратные или шести-, восьмигранные в плане мавзолеи с шатровым завершением. (Таблица 51, рис.5-6).

Баня-хаммам

По региональной традиции в Казани продолжали возводить общественные кирпично-каменные бани-хаммам, широко распространенные в городах Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды. Они имели зально-ячеистую структуру помещений, перекрывавшихся сводами и куполами. В торце здания устанавливали котёл с печью, от которой горячий дым, проходя по подпольным каналам, отапливал помещения бани (Таблица 49, рис. 1.4).

Караван-сараи

Караван-сараи – тип торгово-гостиничного комплекса появился в регионе с X века. В Казани наиболее известными из них были Ханский караван-сарай и ярмарочный комплекс Таш-аяк. Детально об их архитектуре мы судить не можем ввиду отсутствия достоверных материалов. Однако в соответствии с восточной и золотоордынской традицией они могли представлять собой замкнутый прямоугольный или квадратный двор, по периметру которого располагались одно- или двухэтажные жилые помещения, складские и торговые лавки, ориентированные входами во двор и образовывавшие глухие наружные стены комплекса. Во дворе выкапывали колодец и устанавливали навесы. Вход в комплекс мог быть с одной или двух противоположных сторон. Караван-сараи Казани, очевидно, возводились из срубно-деревянных конструкций. Рядом с Ханской башней Кремля в Казани функционировал Ханский караван-сарай, на месте которого в русский период был построен гостиный двор.

Ханака

В Булгаре выявлено здание ханаки – странноприимного дома для дервишей, суфиев и других паломников. Ханака Булгара построена во второй половине XIII в. на месте засыпанного рва домонгольского периода и существовала до конца жизни города.

Во время раскопок выявлены стены, высота сохранившейся кладки которых местами составляет более 2 м (от подошвы). Фундамент постройки сложен из бутового камня, а стены возведены из булгарского квадратного кирпича с обкладкой фасадов тесаными известняковыми блоками. Юго-западный и юго-восточный углы здания сохранили основания круглых в плане пилонов или башен из специальных блоков соответствующей формы

Аналогом этого сооружения может служить ханака (ханега) на р. Пирсагат в Азербайджане [117, с. 92 - 96; 758, рис. 6]. Эта ханега представляла собой комплекс

сооружений, сгруппированных вокруг открытого двора, опоясанного крепостными стенами с круглыми башнями, расположенными по углам и по периметру. Вдоль одной из стен расположена мечеть со стрельчатым сводом. К ней пристроен минарет и усыпальница Пир-Хусейна Реванан. К остальным трем стенам пристроены помещения различного назначения, одно из которых считается караван-сараем. Ханака Булгара вполне могла иметь подобный вид, вероятно, без мечети с минаретом, поскольку их остатки не выявлены во время раскопок (Таблица 44 , рис. 1).

Административные учреждения

Для административного аппарата управления государством появились учреждения в виде приказов различного назначения для управления городом и ханством могли иметь вид огороженных дворов с отдельными постройками и локализоваться в Кремле или вблизи него.

III.3.3. Жилая архитектура городов Казанского ханства

Она представлена ханским дворцовым комплексом и массовым жилищем. Ханский дворцовый комплекс располагался в Кремле и представлял собой укрепленную цитадель в виде обширного двора, опоясанного белокаменной стеной. Въезд в него был оформлен высокой проездной башней. В центре комплекса построили белокаменный ханский дворец габаритами 18 х 24 м и стенами толщиной до 2 м. Объём дворца внутренними толстыми стенами разделен на 6 неравных помещений бани (Таблица 50, рис. 1). В восточной части на втором этаже, очевидно, находился парадный зал. После разгрома Казани в 1552 г. здание дворца продолжали использовать для различных нужд до конца XVIII в. и разобрали в 1807 г. при строительстве губернаторского дома. Архитектура дворцовых сооружений ханской цитадели, вероятно, отражала региональные и золотоордынские традиции и, предположительно, влияния османской архитектуры того времени [540, с. 305-309.].

Массовое жилище рядового населения в ханский период в регионе продолжали возводить из дерева. Жилые дома и хозяйственные постройки группировались на участке усадебного комплекса без видимого порядка, хотя внутренняя логика в этом непременно существовала. Наземные жилища были одно-, двух-, трехкамерные. Справа или слева от двери находилась глинобитная печь на срубе, против неё - лежанки-нары, сбитые из досок. В двухкамерном жилище к избе пристраивались дощатые сени или это был пятистенник. Трёхкамерное жилище состояло из двух изб, соединенных по оси дощатыми или бревенчатыми сенями. Рядовое жилище, как в городах, так и в сельских поселениях было однотипным. Региональные типы жилищ сельского и городского населения существовали и в золотоордынский, и в булгарский период. Юрты и шатры продолжали использовать в летнее время в качестве сезонного жилья или для кратковременного отдыха во время празднеств на Ханском лугу или Арском поле, для выездов на пастбища и сенокосы (Таблица 50).

И.Лепехин, участвовавший в экспедициях, организованных Академией наук с целью изучения юго-восточных окраин Российской империи, оставил описание жилищ татар, русских, мордвы из селений по реке Черемшан в Закамье. Он отметил наличие нар вдоль передней стены в татарских избах, своеобразную конструкцию печи с вмазанным котлом, отапливаемую по-белому, и "красные", т.е. не волоковые окна [326, С.138-139.]. Нары-суфы были характерны для золотоордынских жилищ. Однако нары жилищ Казанского ханства восходят к традиционному булгарскому жилищу, обогревавшемуся массивными печами, и не имели канов в своей толще, как золотоордынские суфы.

Хозяйственные постройки, технические сооружения, элементы благоустройства

В городах Казанского ханства хозяйственные постройки имели традиционный характер. Они возводились из колотых досок или горбыля, имели одно или двускатную крышу. Погреба выполнялись из низких срубов, врытых в землю. Односкатная крыша погребов часто имела земляное покрытие по дощатому настилу или бревенчатому накату. Устройство оград, ворот, дощатых настилов, мощение площадей плитняком и многое другое было традиционным и восходило к золотоордынскому и даже булгарскому периоду.

III.3.4. Факторы и условия развития архитектуры Казанского ханства

Взаимодействие и взаимовлияния градостроительных культур Казанского ханства и татарских ханств Восточной Европы

На развитие архитектуры городов Казанского ханства оказывали воздействие в разной форме страны Восточной Европы и Евразии. Это воздействие осуществлялось по горизонтали и вертикали между татарскими ханствами и их столицами в форме династических, государственно-политических, торговых, религиозных и общекультурных традиционных связей.

Особенно тесное взаимодействие и взаимовлияния осуществлялись между Казанским и Крымским ханствами на уровне династических связей, что, несомненно, отражалось на градостроительном развитии Казани. Дворцовые комплексы обеих ханских столиц могли формироваться по единым принципам.

Династические связи связывали Казанское и Касимовское ханство. Ландшафтные условия развития столицы г.Хан-Керман были близки казанским. Застройка кремля Хан-Кермана близка сооружениям кремля ханской Казани. Тот же перечень построек вокруг внутренней площади «замка» и цитадели имелся в Казани. О характере построек г. Касимова можно судить по материалам Палласа, в которых на площади был отмечен дом, аналогичный суварскому [458, с.78]. Здесь речь идет о каменной бане в центре Сувара. Значит, в Касимове была такая же баня.

Казанское ханство поддерживало торговые и религиозные связи с Астраханским ханством, которое образовалось в 1456 г. в низовьях Волги со столицей Хаджи-Тархан. На ярмарках и караван-сараях Казани всегда было много астраханских купцов. Отсутствие данных по пространственно-планировочной структуре Хаджи-Тархана не позволяет провести её сравнение со структурой Казани. Практически нет данных по монументальной архитектуре столицы Астраханского ханства.

Взаимодействие и взаимовлияния градостроительных культур Казанского ханства и Московского государства

Они осуществлялись на различных уровнях и в различных формах. Особенно большое значение имели политическое и военное противостояние двух государств, обуславливавшее непосредственное уничтожение, нанесение урона, реконструкцию повреждённых или возведение новых зданий и сооружений их городов. Помимо этого в периоды мирного сосуществования мог осуществляться обмен идеями, техническими приёмами, зодчими, мастерами и т.д. С.С.Айдаров предполагал посылку Иваном III из Москвы в Казань итальянских мастеров для строительства объектов в Кремле. Некоторые казанские ханы годами жили в Москве. Москва и Казань имели в рассматриваемый период сопоставимые ядро-кремль и посады с секторно-радиальной планировочной

структурой. Очевидна определенная синхронность архитектурно-градостроительного развития столиц двух государств. Это проявилось в одновременном возведении посадских стен. Есть основание предполагать, что возведение мечетей в Казанском кремле соотносилось по времени со строительством или переустройством основных храмов Московского кремля. Характерная типология монументальных зданий обуславливала разный архитектурный колорит городов. Уступала ли Казань Москве или нет по уровню использования достижений европейской архитектуры того времени установить невозможно. Очевидно, политическая ориентация правителей Казани и Москвы, определяли и архитектурно-стилистическую направленность развития монументальной архитектуры столиц. Достоверный облик монументальной архитектуры ханской Казани в настоящее время не восстановим.

Установлены общие черты для городов Казанского ханства и Московского государства: преимущественно мысовая пространственная организация, основные структурные элементы (кремль, укрепленные и неукрепленные посады), однотипность оборонительных систем и сооружений, срубно-деревянные конструкции жилых и большей части общественных зданий городов. Средневековая традиция формирования жилой застройки городов усадебными комплексами, изолированными оградами от дорожных коммуникаций, сохранялись в Казанском и Московском государствах. Однако в первом из них она была «узаконена» требованиями шариата, которые проявлялись в определенных организационных и строительных приёмах.

ГЛАВА IV

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-КАМЬЯ X – СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

IV.1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Концепция исторического развития представляет собой видение в рассматриваемый хронологический отрезок процесса становления и развития градостроительной культуры региона как сложной системы. Для формирования и развития градостроительной культуры Волго-Камья существовали предпосылки, сложившиеся в догосударственный период развития региона. Процесс развития градостроительной культуры разделялся на три основных периода связанных с существованием в регионе трёх государственных образований: Волжско-Камская Булгария (X в. – 1236 г.), Булгарский улус Золотой Орды (1240-е гг. – середина XV в.), Казанское ханство (середина XV - середина XVI вв.). Каждый период развития градостроительной культуры Волго-Камья обладал характерными признаками (Таблица 53, рис.1).

X в. – 1236 г.

- Формирование и становление пространственно-территориальной организации региона в составе Волжско-Камской Булгарии: административно-территориальной структуры, коммуникационного каркаса, структуры расселения и обороны.
- Появление и становление городов. Сложение градостроительной типологии. Трансляция в регион и реализация градостроительных идей, принципов и приёмов мусульманского Востока.
- Появление монументальной архитектуры. Трансляция в регион и внедрение типологии культовых, мемориальных и общественных зданий мусульманского Востока. Развитие традиционной оборонительной и жилой архитектуры.
- Встраивание градостроительной культуры Волго-Камья в процесс градостроительного развития Восточной Европы и Евразии.

1240-е гг. – середина XV в.

- Пространственно-территориальная организация региона как части монгольской государства Золотой Орды (Улуса Джучи).
- Распространение общегосударственной градостроительной и архитектурной типологии. Сохранение части градостроительных традиций. Развитие традиционной жилой архитектуры.
- Развитие градостроительной культуры Волго-Камья в общем русле градостроительного процесса большей части регионов Евразии.

Середина XV - середина XVI вв.

- Реорганизация пространственно-территориальной структуры региона в рамках самостоятельного государства Казанского ханства.
- Возрождение традиционных для региона типов городов.

- Сохранение и развитие мусульманской типологии культовых, мемориальных и общественных зданий городов. Развитие традиционной оборонительной и жилой архитектуры.

IV.2. РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНА

В конце I-го тысячелетия Волжско-Камский регион стал ареной неоднократных столкновений и взаимодействия населения земледельческих и кочевых культур. В условиях региона кочевые культуры с различной степенью полноты трансформировались в земледельческие с переходом кочевых племен к полуоседлости и оседлости и адаптацией их к региональным культурным традициям. Причем в отличие от территорий Северного Кавказа и Нижнего Дона и всего пространства Евразийских степей это было не сосуществование, а именно переход к оседлому образу жизни с сохранением реликтов кочевого образа жизни в виде летних миграций населения на пастбища.

Административно-территориальная структура региона

Каждый период развития региона определялся очередным государственным устройством. Феодально-княжеская структура Волжско-Камской Булгарии сменилась улусно-даружной в золотоордынский период, которая была, в целом, унаследована даружно-клановой структурой Казанского ханства.

Развитие пространственно-территориальной организации региона как части градостроительной культуры представлено структурами и схемами развития по каждому периоду. Общая схема развития пространственно-территориальной организации Волго-Камья X – XVI вв. отражает специфику этого процесса. Она заключалась в волновом и скачкообразном характере изменений её качественных показателей под воздействием внутренних и внешних факторов и условий как средств воздействия на процесс развития региона.

К качественным показателям пространственно-территориальной организации региона следует отнести необходимый и достаточный уровень развития административно-территориальной и оборонительной структуры, коммуникационного каркаса и структуры расселения, при котором обеспечивается безопасная и перспективная возможность существования государства и его населения (Таблица 54, рис.1).

На схеме динамики развития пространственно-территориальной организации региона каждой временной точке соответствует её определённая структура. Автором представлены три структуры пространственно-территориальной организации региона на моменты наивысшего развития региона в периоды существования государственных образований (Таблица 54, рис.2).

Структура расселения

В IX - X вв. в северо-западной части Восточной Европы, где складывалось Древнерусское государство, и в Волго-Камье в рамках государства Волжско-Камская Булгария наблюдалось возникновение и становление городов. Процесс формирования городов в Восточной Европе в средние века происходил на фоне перехода кочевников к оседлости, разрушения ранее построенных городов в низовьях Волги и юго-восточных степях. При этом на юго-востоке Восточной Европы наблюдалось почти полное отсутствие преемственности сложившихся форм городской жизни и архитектурно-градостроительной среды. (217, с. 280).

Однако определенная передача традиций градостроительства Хазарского каганата наблюдалась при перемещении оседлого населения из юго–восточных регионов

Восточной Европы в низовья Дуная и на север в Волго-Камье. Это подтверждается всплеском градостроительства как в Болгарском царстве на Дунае, где возникают города Никулицел, Томи, Плиска, Великий Преслав и другие поселения, так и в Волжско-Камском регионе.

В домонгольский период процессы урбанизации протекали и в Западной, и Восточной Европе. В рамках этого процесса и формирования Булгарского государства в Волго-Камье складывается и развивается сеть городов и поселений различного статуса и величины и связывающих их внутригосударственных дорог. Межгосударственными наземными и водными коммуникациями она была связана с системами расселения смежных государств и областей, а через них и с более дальними регионами Западной Европы, Средней Азии, Ближнего Востока и т.д.

В Восточной Европе на территории Волго-Камья в X – начале XIII вв. продолжала развиваться оседло-поселенческая культура, трансформировавшаяся в градостроительную культуру Волжско-Камской Булгарии. Процесс формирования городов в Волжско-Камском регионе Восточной Европы в средние века происходил на фоне перехода кочевников к оседлости и разрушения городов Хазарии в низовьях Волги, что вызывало неоднократные миграции оседлого и кочевого населения в северном направлении.

В булгарский период в Волго-Камье наиболее развитой в градостроительном плане была территория Закамья, где располагалась столица Биляр, а зоны Предволжья и Предкамья имели небольшое количество городов по берегам крупных рек. В домонгольский период с конца первой четверти X до 1236 г. в регионе сложилась развитая структура расселения, включавшая крупные города с обширными посадами, в том числе и столичный Биляр, средние и малые города, феодальные замки, укрепленные и неукрепленные торгово-ремесленные поселения и большое количество сельских поселений.

Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды и Казанское ханство являлись государственными образованиями с иерархической структурой расселения. В этой иерархии было характерно преобладание по габаритам и архитектурно-градостроительной значимости одного столичного города, что обуславливалось, вероятно, особенностями государственного устройства с сильной центральной властью, и соподчинение меньших по масштабам городов. В этих государствах последовательно складывались собственные структуры расселения, обладавшие преемственностью друг с другом только в определенной степени. Часть поселений существовала на своих местах в течение всего средневекового периода, при этом могли изменяться тип и величина поселения. В моноцентричности структуры расселения Волго-Камья на всех этапах развития просматривается закономерность, когда в общей иерархии городов резко выделяется по габаритам один город – столичный. На каждом этапе развития происходила перестройка иерархической структуры расселения со сменой столичного города.

После монгольского погрома и включения региона в состав Золотой Орды изменилась его структура расселения и в связи с гибелью активной части населения, массовыми переселениями людей из одной части формирующегося Улуса Джучи в другие – изменилась демографическая структура региона. Включение региона Волго-Камья в состав Золотой Орды было неоднозначным. Резкий перелом в развитии, с потерей самостоятельной государственности, разрушением практически всей сструктуры расселения Булгарии, ее культурных центров отбросили ее развитие на десятки лет. Возрождение региона в новых условиях началось с подъемом Золотой Орды и по её законам.

В золотоордынский период в структуре расселения региона появилась особенность - концентрация поселений в прибрежных территориях региона и разрежение сети поселений во внутренних районах всех трех зон. Во всех зонах сеть прибрежных поселений значительно уплотнилась, что отражает общую тенденцию в структурах расселения и других регионов Золотой Орды. Закамье продолжало оставаться наиболее

развитой в градостроительном плане зоной. Здесь развивалась столица Булгарского улуса – Булгар.

В связи с многократным разорением населенных мест в период «замятни» в Золотой Орде в конце XIV - начале XV в., перемещением в Закамье с юга кочевников Ногайской орды, начался отток населения в другие зоны регионы. В Закамской зоне Волжско-Камского региона постзолотоордынского периода наблюдался процесс, во многом аналогичный падению Хазарии: утрата прежних достижений градостроительства, смена оседлого и полуоседлого населения кочевым. Закамские территории в большой степени стали частью «Дикого поля» юго-восточной части Восточной Европы, кочевьями Ногайской орды.

В период Казанского ханства при практически полном разрушении прежней структуры расселения в Закамье, на территориях Предволжья и Предкамья она приобретает равномерную структуру, представленную помимо столицы Казани в основном городами-крепостями, являвшимися центрами даруг (Арча, Чаллы, Алат, Зюри и другими), городками - вотчинными центрами, военными крепостями и сельскими поселениями.

Особым компонентом в градостроительной культуре региона были кочевнические сезонные поселения, дополнявшие стационарную систему расселения региона. Особенно широко они были распространены в булгарский и золотоордынский периоды. В виде реликтов они сохранялись в Казанском ханстве. В зоне Закамья, важнейшей части систем расселения Волжско-Камской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды, в период Казанского ханства стационарная система расселения была практически заменена кочевыми ставками Ногайской орды.

Изменения в структурах расселения этих государств, в первую очередь, проявлялись в смене столичных городов: Биляра – Булгаром, а его – Казанью; утрате некоторых типов поселений; появлении новых сухопутных коммуникаций в региональной дорожной сети в рамках каждого государственного образования. Преемственность в структурах расселения Волго-Камья в рамках средневековых государств сохранялась в традиционном использовании для устройства поселений мест, наиболее благоприятных для проживания людей по ландшафтным и природно-климатическим условиям.

Структура обороны региона

В Булгарии существовала развитая оборонительная структура государства в виде военных крепостей, располагавшихся по периферии и стратегически важных местах государства (вблизи крупных городов, открытых торгово-ремесленных поселений, переправ через Волгу и Каму и т.д.). Помимо крепостей центральные округа и важные в экономическом плане районы Закамской и Предволжской территорий государства защищались длинными валами, насыпанными предположительно в XII - начале XIII вв. Особенность булгарских валов заключалась не только в их небольшой протяженности, обусловленной пересечением открытых пространств лесными массивами, на опушках которых устраивались завалы из поваленных деревьев. Более важным является факт размещения валов поперек богатых травостоем пойменных лугов. При этом концы валов и рвов упирались в береговые откосы, закрывая излучины рек, на территории которых не было никаких поселений. Очевидно, эти территории в экономическом плане были значительно важнее открытых поселений, жители которых в случае опасности могли укрыться в ближайшем укрепленном городке или крепости.

В Золотоордынский период булгарская структура обороны региона была разрушена. В Золотой Орде оборона государства строилась на мобильных отрядах, в кратчайшие сроки приходившая для подавления непокорного населения городов и селений улусов. Сохранявшиеся крепости, в которых размещались монгольские наместники и военные гарнизоны, имели внутригосударственное значение.

В период Казанского ханства возродилась традиция расположения крепостей в стратегически важных для государства местах, вблизи мест впадения речных притоков в Волгу и Каму. Они защищали и закрывали проход во внутренние территории государства по этим водным дорогам, являвшимися ее основными коммуникациями. На главных водных магистралях региона (Волге, Каме, Казанке, Вятке, Мёше, Ветлуге) имелась сеть пристаней и переправ, обслуживавшихся населением специальных поселений и защищенных крепостями. В лесистых районах Предкамья отпала возможность и необходимость в устройстве валов. Часть валов была возобновлена на территориях правобережья Волги.

Коммуникационный каркас региона

Коммуникационная сеть развивалась с сохранением в ее основе традиционных для региона сухопутных и речных путей. Большое значение для каждого государства имела сеть водных коммуникаций бассейнов Волги и Камы, развивавшаяся с освоением глубинных и периферийных районов. На протяжении шести столетий практически на тех же местах функционировали переправы и пристани. С изменением гидрологических условий они могли незначительно перемещаться в ту или иную сторону, что существенно не влияло на дороги, связывавшие переправы с городами.

В региональном коммуникационном каркасе рубежа с IX-X и до середины XVI в. сохранялся и интенсивно использовался караванный путь в Среднюю Азию, большие дороги по берегам Волги, которые вели на юг сначала в Хазарию, затем в центральные нижневолжские районы Золотой Орды, а в ханско-татарский период – в Астраханское и Крымское ханства и Ногайскую орду. Караванный путь из Биляра в Киев перестал функционировать в золотоордынский период. Начиная с золотоордынского периода, получил развитие Московский тракт.

С изменением региональной иерархии городов в отдельные периоды развития в коммуникационном каркасе региона происходила смена социальной значимости дорог между городами и столицами соседних государств.

IV.3. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ РЕГИОНА

Процесс становления городов в Волго-Камье начался в X в. в Волжско-Камской Булгарии. В этот период сложились социальная типология поселений региона (город, феодальный замок, военная крепость, торгово-ремесленное поселение, селение) и типы пространственно-планировочных структур городов (концентрическая, круглая, секторно-мысовая, замкнуто-криволинейная), основные структурные элементы городов (цитадель, внутренний город (кремль), внешний город, посады и предместья-пригороды).

Градостроительные традиции Булгарии не нашли широкого применения в условиях нового государства Улуса Джучи. Изменилась направленность градостроительной культуры в Волго-Камье. Она была в большой степени интегрирована в культуру золотоордынского государства. На смену городам с мощной оборонительной системой появились открытые и линейно-протяженные по берегам крупных рек города, застройка которых, сливаясь с предместьями, тянулась на многие километры. Пространственная структура городов в этот период формировалась улично-квартальной застройкой и сетью общественных центров в виде площадей с общественными зданиями (мечетью, мавзолеями, баней, рынком, караван-сараем и т.д.). В золотоордынский период по новым градостроительным требованиям города региона были лишены оборонительных стен и прежних структурных частей города: цитадели, кремля, посадов. Преемственностью обладали города-крепости мысового типа с секторной пространственной структурой. Они продолжали существовать как крепости для оставшихся в завоеванных землях монгольских гарнизонов.

В Золотой Орде сочетались два образа жизни: оседлый и полукочевой. Именно полукочевой. Поскольку вся территория степей и полустепей, пригодных для кочевания, была разделена между монгольскими и зависимыми от них родами, которые могли кочевать только в пределах своего улуса. На время кочевок возводились временные поселения из юрт. На территории улуса располагались также и зимники, практически пустовавшие летом, куда возвращались на зиму и сгоняли скот. Такая же практика наблюдалась у части населения в золотоордынских городах. Поэтому для их облика типичным было сочетание стационарной застройки и кочевнических юрт.

С распадом Золотой Орды, гибелью Булгара и угасанием Булгарского улуса с последующим образованием Казанского ханства произошли изменения в градостроительстве региона, которые проявились в утрате типа линейно-протяженного открытого города. Возродился тип мысового города с цитаделью, кремлём и посадами, опоясанными оборонительными поясами. С уменьшением значимости и размеров государства сократились габариты столичного города. Казань значительно уступала по габаритам прежним столицам региона Биляру и Булгару (Таблица 55, рис. 1).

В развитии средневековых столичных городов региона: Биляра, Булгара и Казани выявлены закономерности и некоторые особенности архитектурно-пространственной организации и сложения образа. Все три города имели разные формы архитектурно-пространственной организации. г.Биляр располагался на ровном рельефе, имел закрытую, концентрическую пространственную структуру. Золотоордынский Булгар имел открытую, без оборонительной структуры, линейно-протяженную пространственную структуру с квартально-уличной застройкой, расположенной на верхней береговой террасе, склоне и его подножии на нижней террасе. Казань обладала закрытой пространственной структурой секторно-мысового типа, кремлём на высоком мысу, посадом на холмах с секторно-веерной планировочной структурой, в основе которой лежала трехлучевая система основных коммуникаций города. Облики этих городов в силу разных ландшафтных условий и различных форм пространственной организации были разными. Объединяющими их, общими традиционными чертами средневековой градостроительной культуры государств Волго-Камья были мусульманская типология культовых, мемориальных и восточная типология общественных зданий, срубно-деревянная и кирпично-каменная техника возведения жилых и общественных зданий, в основном преемственная региональная типология усадеб и жилищ. Однако в этой общности следует видеть некоторые типологические различия на каждом этапе развития.

В развитии градостроительной культуры в хронологических рамках государственных образований на территории Волго-Камья наблюдались определенные соотношения традиций и новаций. Наиболее отчетливо новации в градостроительной культуре региона проявились в организации городов открытого типа золотоордынского периода. Отличие их от булгарских открытых поселений городского типа - в отсутствии защитных крепостей с наиболее опасных сторон, а также в принципах организации их пространственно-планировочных структур. Главным из них для булгарских торгово-ремесленных поселений открытого типа являлся принцип удаленности от большой реки и расположения на верхних террасах ее притоков в глубине речных долин, вход в которые защищался крепостями.

Схема динамики развития городов и изменения их качественных характеристик под действием различных факторов и условий показала, что в период с X по середину XVI в. они изменялись волнообразно с резкими перепадами и подъёмами. Периоды хаосов и катастроф в их развитии пришлись на одни временные отрезки (Таблица 55, рис. 2).

IV.4. РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ ГОРОДОВ

На протяжении рассматриваемого периода в градостроительной культуре государств региона наблюдалась общность религиозно-идеологического устройства, а именно приверженность исламу на государственном уровне. Изменяясь конструктивно и стилистически на протяжении свыше шести столетий, монументальная архитектура в городах государств Волжско-Камской Булгарии, Булгарского улуса в составе Золотой Орды и Казанского ханства, тем не менее, в типологическом плане оставалась традиционно мусульманской (мечети, медресе, мавзолеи). Архитектура жилых и хозяйственных построек оставалась в основном традиционной для региона (Таблица 56).

Культовая архитектура мусульманской типологии появилась в регионе в X в. В средневековый период развития с X до середины XVI вв. сложилась традиция строительства в главных городах государств Волго-Камья больших мечетей. В столице Волжско-Камской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды для возведения соборных мечетей использовался тип многоколонной ближневосточной мечети с пристроенным цилиндрическим минаретом на кубовидном основании, но изначально адаптированный к местным условиям путём устройства тамбуров и перекрытий.

Главной отличительной особенностью местных мечетей этого типа от мечетей в городах Средней Азии, Переднего и Ближнего Востока было отсутствие внутреннего двора. В г.Биляре колонная мечеть арабского типа с минаретом приобрела вид зального здания в деревянных конструкциях. При отсутствии двора, служившего в мечетях восточно-мусульманских стран дополнительным пространством для молящихся, к Билярской соборной мечети через четверть века в сер. X в. пристроили первое известное в регионе белокаменное здание и кирпично-каменный минарет. Возможно, белокаменная часть ее имела купольно-ячеистое покрытие по типу среднеазиатских мечетей или скатное по аркам, как в Кордовской мечети.

Колонно-зальный тип главной мечети Булгарии не был утрачен в Булгарском улусе Золотой Орды. В Соборной мечети г.Булгара повторено объемно-планировочное решение Билярской соборной мечети. По аналогичной схеме возводились мечети в золотоордынских городах: Бельджамене, Сарае ал-Джедите, Старом Сарае и многих других.

В Казани тип колонно-зальных мечетей не был востребован из-за больших размеров и изменения архитектурных веяний в регионе в XV-XVI вв. В столице Казанского ханства, предположительно, был распространен тип центрально-купольной мечети с одним или несколькими минаретами по аналогии с османскими мечетями. В отличие от булгарских и золотоордынских многоколонных мечетей с одним минаретом казанские мечети имели более компактные размеры, и от 1 до нескольких (8) минаретов. Объемно-планировочные решения квартально-приходских мечетей окончательно не установлены, но в подавляющем большинстве они были деревянными. При многовековой устойчивости региональной срубно-деревянной техники возведения построек можно предположить, что они восходят к традиционным для региона объемно-планировочным решениям деревянных мечетей с минаретом в центре крыши.

Мемориальные сооружения типа мавзолеев–дюрбе, возможно, появились на некрополях столицы Волжско-Камской Булгарии г.Биляра в единичных экземплярах. Однако достоверные данные по этому типу зданий в Волжско-Камской Булгарии отсутствуют. Не исключено, что первые мавзолеи региона были деревянными.

В Волго-Камье широкое распространение мавзолеи получили в золотоордынский период. Отдельно стоящие мавзолеи центрально-купольной композиции, выявленные в городах Булгарского и других улусов Золотой Орды, были широко распространены во всех странах мусульманского Востока. Однако геометрические формы отдельно стоящих мавзолеев-дюрбе и выявленные в г.Булгаре мавзолеи блокированного типа с купольно-сводчатыми покрытиями отдельных помещений усыпальниц, также распространенные на

некрополях городов Золотой Орды, свидетельствуют об аналогиях в архитектуре Хорезма и других областей Средней Азии. Об этом свидетельствует и появление при мавзолеях блокированного типа зиаратханы, специального помещения для поминальных молитв.

В регионе сложилась традиция возведения мавзолеев в комплексе с соборными мечетями. Первый такой культово-мемориальный комплекс с парадной площадью сформировался в центре г.Булгара. Такие комплексы были и в других городах Золотой Орды. Мавзолеи этих типов продолжали возводить в столицах татарских ханств: Казани, Солхате-Крыму, Касимове, Астрахани, как на некрополях, так и на площадях в комплексе с мечетями, где преимущественно стояли мавзолеи центрально-купольного типа. Мавзолеи ханской Казани в своей основе, предположительно, восходили к центрально-купольным усыпальницам золотоордынского времени. Основное отличие мавзолеев Волго-Камья от усыпальниц других регионов Золотой Орды, Средней Азии и Переднего и Ближнего Востока в отсутствии подземных помещений склепов, перекрытых сводами и связанных с наземными помещениями наружными или внутренними лестницами.

Общественные здания региона включали бани-хаммам, караван-сараи, ханаки и т.д. Восточный тип бани-хаммам был перенесён в регион с распространением ислама в самый ранний период развития городов Биляр и Сувар в Волжско-Камской Булгарии. Первые кирпично-каменные бани были построены рядом с мечетями в центре этих городов под руководством мастеров из Средней Азии. Поэтому бани-хаммам по объемно-планировочным решениям и в городах Булгарского улуса Золотой Орды, и Казанского ханства были аналогичны среднеазиатским баням и имели зально-ячеистую структуру и купольно-сводчатые покрытия.

Оборонительные сооружения деревянно-земляных конструкций издавна сложились в регионе и традиционно развивались вплоть до Нового времени. Белокаменные стены и башни не получили широкого применения в оборонительных структурах булгарских городов. В золотоордынский период они не получили развитие, поскольку города региона имели линейно-протяженную структуру и развивались без стен. Однако традиция их возведения сохранялась в крепостях для монгольских гарнизонов. В казанском ханстве с возрождением городов мысового типа традиционные оборонительные сооружения вновь получили развитие. Казанский кремль к середине XVI в. имел каменно-деревянные стены и башни.

Жилища и хозяйственные постройки региона издавна возводились в деревянных конструкциях. Они входили в состав усадеб, огороженных заборами. По степени заглублённости в землю жилые дома разделялись на землянки, полуземлянки и наземные жилища. Они относилась к группе постоянных жилищ. Помимо них, в регионе в качестве сезонного было распространено мобильное жилище – юрта. Все разновидности жилищ и хозяйственных построек, существовавших в городах Булгарии, традиционно развивались в золотоордынский и ханский период.

Наряду с традиционными срубными одно-, двухкамерными жилищами наземного, земляночного и полуземляночного типов домонгольского периода, в золотоордынский период в городах региона появились усадьбы и жилища монгольского типа. На усадьбах монгольского типа стояли кирпично-каменные дома с суфами и подпольным отоплением канами и юрты.

В архитектурно-декоративном оформлении монументальных зданий Булгарского улуса сочетались традиционные булгаро-домонгольские черты, проявлявшиеся в использовании традиционных материалов, широком использовании качественной каменной облицовки, оформлении значимых мест сооружений резьбой по камню, с собственно золотоордынскими приемами: использование полихромных мозаик и изразцов для оформления фасадов и интерьеров. Особенность архитектуры Булгарского улуса проявлялась во фрагментарном использовании полихромных мозаик и изразцов на фасадах и в интерьерах зданий, по сравнению с нижневолжскими городами. Это сближало архитектуру Булгарского и Крымского улусов Золотой Орды.

IV.5. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛГО-КАМЬЯ В ОБЩЕМ ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЕВРАЗИИ X – СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКОВ

Становление и развитие градостроительной культуры в Волго-Камье не было изолированным процессом. Пройдя этап встраивания и став частью градостроительных систем Восточной Европы и Евразии, региональная градостроительная культура развивалась вместе с ними. Все части градостроительной культуры региона были связаны с градостроительными системами Восточной Европы и Евразии связями, которые имели разнообразные формы и проявления. (Таблица 57).

Процесс становления и развития городов в Волго - Камье в X-XII вв. протекал синхронно с развитием урбанизма в северной половине Западной и Центральной Европы. В южной части Западной Европы, известной традициями древнего и античного градостроительства, после периода упадка также началось возрождение городов.

В IX-X вв. в Средней Азии и на юге Казахстана наблюдался подъем градостроительной культуры, продолжавшийся до начала XIII в. и которому были свойственны особенности, идентичные развитию градостроительной культуры в Волго-Камье. Эти особенности заключались в активном включении регионов в орбиту обще-мусульманской культуры и взаимодействии с культурой кочевых народов. Развитие градостроительной культуры Волжско-Камской Булгарии совпало с общим подъёмом в развитии градостроительства всех регионов мусульманского мира. По сути, эти процессы были синхронны по времени. Приобщение к мусульманской цивилизации Волжско-Камской Булгарии в результате принятия ислама и налаживания разнообразных связей с её государствами способствовали не только переносу определённых культурных, градостроительных, архитектурных идей в регион Волго-Камья, но и их реальному воплощению в жизнь с использованием местных материалов и логически оправданным сохранением региональных архитектурно-строительных и градостроительных традиций. В Волго-Камье, где, как и в большинстве восточно-мусульманских регионов Евразии, наблюдалось длительное сосуществование осёдлого и кочевого (полукочевого) укладов, на расстоянии тысячи километров от основных центров исламской цивилизации сложилась особая для Восточной Европы градостроительная культура.

В начале XIII в. перед монгольским завоеванием она проявлялась в городах, где переплелись местные архитектурно-градостроительные традиции осёдлой культуры с естественными для части населения архитектурными и расселенческими традициями кочевой (полукочевой) культуры. В ней воплотилась программа организации города власти мусульманского мира. Всё это способствовало выработке особого образа жизни населения Булгарии, который, в свою очередь, обуславливал и определял внутреннюю структуру и архитектурный облик её городов.

Волжско-Камская Булгария накануне монгольского нашествия обладала развитой и своеобразной архитектурно-градостроительной культурой, основывавшейся на региональных традициях и впитавшей в себя опыт и достижения градостроительной культуры Хазарии, Средней Азии и Ближнего Востока.

Кардинально изменившееся градостроительство Волго-Камья в составе Золотой Орды еще в большей степени контрастировало с западноевропейским градостроительством и обладало общими чертами с городами Синей Орды и Хулагуидского Ирана: открытостью, протяжённостью в пространстве, монументальными зданиями мусульманской типологии, отражением социальной иерархии в пространственной организации застройки.

В градостроительной культуре Волжско-Камской Булгарии нашли отражение пантеистические воззрения, сохранявшиеся у населениия и после принятия монотеистических религий.

Особенность региональной градостроительной культуры Волго-Камья заключалась в наличии кочевого компонента в виде временных поселений в сструктуре расселения государств и разборных жилых и хозяйственных юртообразных и шатровых сооружений, как в городах, так и на селе.

Характерной чертой градостроительного освоения территорий Восточной Европы в эпоху позднего средневековья явилось отсутствие преемственности городской жизни: большинство античных, а затем хазарских и аланских городов в южной части было разрушено, позднее погибли и золотоордынские города. После походов Тамерлана города Дона, Кубани, Предкавказья больше не возродились, а степи снова стали кочевым «Диким полем». В этих условиях в центральной полосе Восточной Европы сложился урбанистический пояс, включавший города Волго-Камья (Казанского ханства) и северо-восточной части (Московского государства) и отделенный с юга от древних и высокоразвитых урбанистических территорий широкой полосой кочевых степей, в которых в разные периоды существовали островки городской культуры. На севере и востоке к урбанизированным территориям этих государств подступали малонаселенные финно-угорскими племенами или безлюдные лесные пространства.

Место и значение градостроительной культуры Волго-Камья в общем процессе развития градостроительства в Восточной Европе и Евразии определяются ее достижениями. На каждом этапе развития регион обладал градостроительной культурой, своеобразие которой наиболее ярко проявлялось в столичном городе. Средневековая градостроительная культура Волго-Камья, не обладавшая многовековыми традициями древнего и античного градостроительства, не достигала уровня развития столичных и крупных городов мировых центров: Арабского халифата, Византии, Османской империи. При этом она являлась одной из достаточно развитых среди культур регионов, ставших позднее частью России. При сохранении у населения сезонно-кочевых традиций и временных поселений в структуре расселения, регион, тем не менее, оставался в средневековый период пространством с устойчивым оседлым расселением.

В Волжско-Камской части Восточной Европы в X – середине XVI вв. сформировалась и развивалась градостроительная культура, в которой на каждом этапе сохранялись региональные строительные традиции и привносились новые принципы и приемы градостроительства под влиянием различных регионов Евразии. Эти новшества принимались добровольно или насаждались насильственно. Развитие региона в рассматриваемый период было скачкообразным, обусловленным завоеваниями и изменениями государственного устройства в регионе. На каждом этапе преемственность градостроительной культуры сохранялась на уровне некоторых строительных традиций, типологии культовых и мемориальных зданий и принципов жилой застройки, обусловленных религией ислама и длительным сохранением кочевнических традиций.

В Волжско-Камском регионе Восточной Европы в X – середине XVI вв. сформировалась и достигла относительно высокого уровня градостроительная культура, являвшаяся с одной стороны неотъемлемой частью восточно-европейской культуры, с другой - своеобразной, самой северной по расположению частью обще-исламской градостроительной культуры Евразии. В целом градостроительную культуру региона можно рассматривать как достаточно целостное явление, относящееся к кругу обще-исламской культуры Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленной целью и основными задачами исследования были получены следующие результаты:

Исследован процесс формирования и развития градостроительной культуры Волжско-Камского региона в составе трёх средневековых государств и разработана историческая концепция развития градостроительной культуры Волго-Камья X – середины XVI вв.

Разработанные автором структуры и схемы развития каждой из частей градостроительной культуры региона позволили установить, что в рамках каждого средневекового государства эти иерархированные части были взаимосвязаны и развивались циклично и волнообразно под воздействием ряда факторов и условий. Этот ряд состоит из внешних и внутренних средств воздействия на развитие каждого уровня, а значит и системы в целом. Некоторые из них воздействуют на систему и её уровни постоянно (природно-климатические условия, властные структуры, взаимодействие с окружающими и дальними странами, религиозный фактор и т.д.), а другие – кратковременно (градостроительные идеи, непредсказуемые действия властей, пожары, военные противостояния с соседями и т.д.). Однако длительность воздействия определённого фактора на систему градостроительной культуры не обуславливает степень его значимости для её развития. Так воздействие градостроительной идеи «города власти», получившей развитие в странах мусульманского Востока, на умы правителя и высшей знати булгар, нашло отражение в реальном воплощении её в Волго-Камье в виде гигантского города Биляра. При периодическом усилении оборонительной структуры города путём добавления и углубления рвов и подсыпки валов, обновления стен и башен, развитие столицы происходило в границах первоначально заложенного города за счёт разветвления планировочной структуры, выноса за пределы города кладбищ, изменения функционального зонирования, уплотнения застройки города. То есть носило длительный характер в рамках ранее сложившейся структуры.

В Булгарии были распространены концентрический, круглый, секторный, криволинейный типы пространственно-планировочных структур городов. Первый из них был транслирован в регион из Багдадского халифата при претворении в реальность идеи «города власти» мусульманского Востока. Остальные типы имеют региональное происхождение.

В целом для градостроительной культуры Булгарии было характерно самое длительное по времени развитие. В архитектуре городов и селений, с внедрением в сознание и быт населения постулатов ислама, получают распространение заимствованные у стран мусульманского Востока типы мечети, мавзолея, бани-хаммам. Особенность городского развития заключалась в многовековом использовании каменных общественных и культовых зданий путём реконструкций и ремонтов.

При организации жилой застройки городов и селений наблюдалось длительное сохранение и бытование у населения Булгарии традиционных верований, воззрений и миропонимания предков. Это проявлялось в ориентации жилищ и коммуникаций, организации внутригородских пространств, выборе мест расположения городов и поселений, устройстве захоронений полукочевой и кочевой части населения, типах юртообразных жилищ и других временных и сезонных построек и т.д.

Насильственное включение в 1240-е гг. Волжско-Камской Булгарии в состав Улуса Джучи, вызвало хаос и перелом в развитии системы градостроительной культуры региона. Период хаоса, выхода из него и начала восстановления системы градостроительной культуры региона в новых условиях длился несколько десятков лет. С этого времени в градостроительной культуре региона стали формироваться черты общности с градостроительством и архитектурой других регионов Золотой Орды.

Коренные изменения произошли в пространственно-территориальной организации региона, ставшего составной частью Золотой Орды. Вместо Биляра центром региона стал Булгар. Произошли изменения в административно-территориальной структуре региона, в которой наряду с делением на улусы была внедрена система даруг – округов для сбора налогов. В структуре расселения Булгарского улуса восстановилась около трети прежних поселений, и появились новые.

В этот период вместо сложившихся в предыдущий период пространственно-планировочных структур городов получил повсеместное распространение тип открытого линейно-протяженного города и селения. Города этого типа часто развивались на месте открытых посадов или предместий разрушенных ранее укрепленных городов Булгарии. Традиционный тип укреплённых крепостей сохранялся для размещения монгольских гарнизонов.

В архитектуре городов произошло расширение типологии общественных зданий. В городах появились ханака, кирпично-каменные рынки по типу караван-сараев, купольные мечети и т.д.

При сохранении некоторых булгарских традиций градостроительная культура региона становится частью общей культуры Золотой Орды, в которую она в большой степени интегрировалась. Разработанная схема динамики развития регионального центра – Булгара позволила установить процесс создания, по сути, нового города, в котором преемственность с булгарским поселением наблюдалась в ориентации улиц, развитии города вдоль берегового склона и на подоле, расположении некоторых кладбищ.

С распадом Золотой Орды в конце XIV – начале XV вв. градостроительная культура региона претерпевает очередной перелом в развитии и период хаоса. Закамье начинает пустеть, население перебирается в районы Предкамья и Предволжья. В рамках разрушенного государства открытые города и поселения становятся нежизнеспособными. В регионе образуются небольшие княжества с укреплёнными центрами: Кашан, Керменчуг, Казань, Арча, Чаллы и т.д. В образованном на их основе Казанском ханстве в середине XV – середине XVI вв. возрождаются и существуют традиционные укрепленные города с пространственно-планировочными структурами секторного и криволинейно-замкнутого типа. Часто укрепленный город включал только центральную часть прежнего, протяженного и открытого города золотоордынской поры. Архитектурная типология сохраняется и развивается в соответствии с требованиями времени.

Выявлены основные периоды и этапы эволюции и преобразований пространственно-территориальной организации Волго-Камья в средневековый период, как части системы градостроительной культуры. Определены характерные черты организации региона в каждый период.

В средневековый период пространственно-территориальная организация Волго-Камья в своём развитии прошла три этапа. При образовании нового государства в регионе складывались свои структуры административно-территориального управления, расселения и коммуникаций региона, обладавшие преемственностью с подобными структурами предыдущего периода только в определенной степени. Преемственность пространственно-территориальной организации Волго-Камья в рамках средневековых государств сохранялась в традиционном использовании следующих составляющих: Волжского и Камского речных и основных региональных сухопутных путей; наиболее важных в военно-стратегическом отношении мест для установления контроля над ключевыми точками региона; благоприятных по ландшафтно-природным условиям территорий для проживания людей. Часть поселений существовала на своих местах в течение всего средневекового периода, при этом они могли изменяться по типу и величине.

Во все периоды развития регион обладал иерархичной структурой расселения. В этой иерархии было характерно преобладание по габаритам и архитектурно-градостроительной значимости одного столичного города и соподчинение ему меньших по масштабам и

более низких по статусу городов. После очередного периода хаоса изменения в пространственно-территориальной организации региона проявлялись в смене столичного города, утрате некоторых типов поселений, появлении новых сухопутных коммуникаций в региональной дорожной сети, изменениях в структуре обороны региона.

Особым компонентом градостроительной культуры региона были кочевнические сезонные поселения, дополнявшие стационарную структуру расселения. Особенно широко они были распространены в булгарский и золотоордынский периоды. Отчасти они сохранялись в Казанском ханстве. В зоне Закамья, важнейшей части Волжско-Камской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды, в период Казанского ханства стационарная структура расселения была сильно сокращена за счет значительного расширения сети кочевых ставок Ногайской орды.

Установлены возможные влияния на развитие градостроительной культуры Волго-Камья со стороны других государств и народов.

Процесс формирования городов в Волжско-Камском регионе Восточной Европы происходил на региональной основе под влиянием некоторых градостроительных традиций Хазарии, стран и регионов мусульманского Востока (Багдадский халифат, Средняя Азия). Нахождение региона в составе Золотой Орды способствовало развитию градостроительной культуры Волго-Камья в общем русле её градостроительства и приобретению общих черт наряду с её другими областями. В этот период влияние градостроительных культур Ближнего Востока, Средней Азии и других регионов мусульманского Востока было минимальным, поскольку практически все они испытали монгольское нашествие и порабощение. Влияние этих регионов на культуру Золотой Орды осуществлялось на уровне использования искусства местных мастеров в оформлении архитектурных сооружений и технических приемов. Общим в городах тех и других можно считать социально-этнический и кланово-родственный характер расселения кварталами различной конфигурации, существование иноэтнических кварталов со своими культовыми и торговыми учреждениями.

Реконструированы пространственно-планировочные структуры столиц государств региона средневекового периода.

Достижения градостроительной культуры государственных образований Волго-Камья концентрировались в их столичных городах. В формировании средневековых столичных городов региона: Биляра, Булгара и Казани выявлены общие закономерности и некоторые частные особенности архитектурно-пространственной организации и сложения их образа.

Установлены общность и отличия в архитектуре городов государственных образований региона

В средневековый период развития с X до середины XVI вв. в регионе сложилась традиция возведения в центре городов архитектурных комплексов в составе соборной мечети, бани-хаммам и мавзолеев правителей и высшей знати. Она сложилась под влиянием градостроительства стран мусульманского Востока и сохранялась на протяжении всего средневекового периода. Для городов Волжско-Камской Булгарии были характерны комплексы соборной мечети с баней-хаммам, для городов Булгарского улуса и Казанского ханства – комплексы соборной мечети с мавзолеями. Бани стояли на площадях, на берегах рек и озер в городской застройке.

Мемориальные сооружения типа мавзолеев-дюрбе, очевидно, возводились на некрополях Волжско-Камской Булгарии из дерева. В Волго-Камье широкое распространение мавзолеи получили в золотоордынский и ханско-татарский период. Мавзолеи были блокированного со сводчатыми покрытиями или центрально-купольного типа с акцентированным порталом входом.

Кирпично-каменные бани-хаммам строились в крупных городах региона с X до середины XVI века. По объемно-планировочным решениям они были аналогичны баням

среднеазиатского региона, имели зально-ячеистую структуру, купольно-сводчатые покрытия и систему подпольного отопления, водоснабжения и водоотведения.

Установлена степень взаимодействия регионального, евразийского (степного) и восточно-мусульманского компонентов в развитии градостроительной культуры региона.

Волго-Камье, являясь регионом с преимущественно мусульманским населением, обладало в средневековый период своеобразной градостроительной культурой, которая развивалась в условиях взаимодействия оседлой и кочевой цивилизаций, языческой и мусульманской культур. При этом осёдлая региональная культура явилась основой, на которую накладывались или в разной степени взаимодействовали с ней другие. Евразийский (степной) компонент проявлялся в регионе в сезонно-кочевой, а вернее сезонно-полукочевой форме, усиливаясь в золотоордынский и слабея в ханский период. Несмотря на государственный статус ислама в средневековых государственных образованиях Волго-Камья, языческие верования длительное время влияли на материальную культуру населения, в том числе и градостроительную (ориентация жилищ, усадеб и т.д.).

Средневековые города Волго-Камья расширили многообразие пространственно-планировочных структур и архитектурных обликов городов мусульманского мира. Это многообразие складывалось под влиянием своеобразных природно-климатических условий, особенностей исторического развития и градостроительных традиций этих регионов. Общность городам регионов и государств мусульманского мира придавал образ жизни по законам шариата, обуславливавший необходимый перечень культовых и общественных зданий и правила организации как города в целом, так и жилой застройки и отдельных жилищ (на уровне города, комплексов, жилищ, декора и т.д.).

В исследовании установлено, что ислам оказал влияние на развитие градостроительной культуры региона на стадии становления городов при культурно-религиозном и торговом взаимодействии Булгарии со странами мусульманского Востока. На протяжении всего средневекового периода монументальная архитектура городов региона была представлена мечетями, медресе, мавзолеями. В общем процессе развития градостроительной культуры Волго-Камья, обусловленном многими факторами и условиями, исламский фактор имел определяющее значение.

Градостроительная культура региона рассматриваемого периода представляла собой особое явление в истории градостроительства Восточной Европы и Евразии, обладавшее на определенных этапах сходством развития с другими регионами, но одновременно имевшее и неповторимое своеобразие и особенности, обусловленные региональной спецификой. Развиваясь в этот период в рамках трёх государств, градостроительная культура Волго-Камья, тем не менее, демонстрировала устойчивое сохранение региональных традиций в организации мысового поселения, в сфере деревянного оборонительного и массового жилищного строительства, а также возведения кирпично-каменных и деревянных мусульманских культово-мемориальных сооружений.

Процесс развития градостроительной культуры рассматриваемого периода происходил циклично и волнообразно под влиянием различных сочетаний факторов и условий и включал три последовательных периода: булгарский, золотоордынский, казанско-ханский (ханско-татарский);

В каждый период развития на трёх уровнях этой системы взаимодействовали следующие основные компоненты: региональный, евразийский степной (тюрко-кочевой) и восточно-мусульманский. В золотоордынский период они дополнялись монгольским компонентом;

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ Академия наук Республики Татарстан
АО Археологические открытия
АЭ Археологическая экспедиция
АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИАЗ РТ Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник Республики Татарстан
ВАН Вестник Академии наук СССР
ВДИ Вестник древней истории
ВИ Вопросы истории
ВМГУ Вестник Московского Государственного Университета
ГИМ Государственный Исторический музей
ГРМ Государственный Русский музей
ГЭ Государственный Эрмитаж
ЖМВД Журнал Министерства внутренних дел
ИАК Известия Археологической комиссии
ИАО Известия археологического общества
ИА РАН Институт археологии Российской Академии Наук
ИИ им. Ш.Марджани АН РТ Институт истории им. Шагабутдина Марджани Академии Наук Республики Татарстан
ИА им. А.Х. Халикова АН РТ Институт археологии им. Альфреда Хасановича Халикова Академии Наук Республики Татарстан
ИОАИЭ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете
ИЯЛИ Институт языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова АН РТ
КИИСНП (КИИКС) Казанский институт инженеров-строителей нефтяной промышленности (Казанский институт инженеров коммунального строительства)
КСИА Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАР Материалы по археологии России
МИАП Материалы и исследования по археологии Поволжья
МИА Материалы и исследования по археологии СССР
ОАИЭ Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете
ОИТ Общество изучения Татарстана
ПАЭ Поволжская археологическая экспедиция
ПФУ НБЛ ОРРК Поволжский федеральный университет. Научная библиотека им. Н.Лобачевского. Отдел рукописей и редких книг
РГБ Российская государственная библиотека
СА Советская археология
ТА Татарская археология
ТРУДЫ ЮТАКЭ Труды Южно-туркменской археолого-краеведческой экспедиции

ЛИТЕРАТУРА

1. Абилов, Ш.Ш. Мухамедьяр – поэт эпохи Казанского ханства /Ш.Ш. Абилов // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов и материалы 1-й Региональной научно-практической конференции. – Казань: Заман, 1995. – С. 113-116.
2. Агапов, П. Сокровища древнего Казахстана: Памятники материальной культуры / П. Агапов, М. Кадырбаев. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 250 с.
3. Агишева, И.Н. Возникновение города Казани и развитие её до 1552 года (На основе свода летописей «Джагфар тарихы») / И.Н.Агишева // Татарстан. – Казань, 1995. - № 11/12. – С. 54-62.
4. Адилов, М. К истории возникновения топонима Казань /М. Адилов // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань: Мастер-Лайн, 1999. – С. 258-262.
5. Айдаров С.С. Научные предпосылки реставрации архитектурных памятников Татарии (Великие Болгары). Дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. - М.: МАрхИ, 1968.- 131 с.
6. Айдаров, С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Великих Болгарах / С.С. Айдаров // Поволжье в Средние века. – М.: Наука, 1970. – С. 39-56.
7. Айдаров, С.С. Методические основы консервации в архитектурно-археологических памятниках в Великих Болгарах / С.С. Айдаров // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 30-38.
8. Айдаров, С.С. Архитектурное наследие Казани / С.С. Айдаров. - Казань: Татиздат, 1978. - 79 с.
9. Айдаров, С.С. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети (в Биляре) / С.С. Айдаров, Ф.М. Забирова // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 46-61.
10. Айдаров, С.С. Малоизвестные типы традиционных древнетатарских построек / С.С. Айдаров // Архитектура Среднего Поволжья. Межвузовский сборник. – Казань, 1982. – С. 11-13.
11. Айдаров, С.С. Великие Булгары / С.С. Айдаров, Н.Д. Аксёнова. – 3-е изд., испр. и доп. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 72 с.
12. Айдаров, С.С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): дис. … доктора архитектуры / С.С. Айдаров. – М., 1990. – Т. 1 - 422 с. Т. 2, ч. 1 - 81 л., Т. 2, ч. 2 – 82-164 л.
13. Айдаров, С.С. О реконструкции мавзолеев Казанского Кремля (архитектурное исследование) / С.С. Айдаров // Панорама-Форум. – 1997. – № 3. – Специальный выпуск. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 50-67.
14. Айдаров, С.С. Общее прогрессивное и локальное своеобразие в архитектурной школе Татарстана / С.С. Айдаров // Материалы Международной научно-методической и практической конференции по архитектуре и дизайну. – Казань: КГАСА, 1999. – 208 с.
15. Айдаров, С.С. Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» / С.С. Айдаров // Древняя Елабуга: Сб. статей / Под ред. Р.Р.Хайрутдинова, Ф.Ш.Хузина – Елабуга: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. – С. 78-80.
16. Айдаров, С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара / С.С. Айдаров // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 5–149.
17. Айдарова-Волкова, Г. Морфология архитектурного пространства Казани и культурологические аспекты реконструкции / Г. Айдарова-Волкова // Панорама-форум. – 1996. – № 4. – С. 69 –74.
18. Айдарова, Г.Н. Взаимодействие культур в архитектурно-градостроительном развитии Среднего Поволжья середины XVI – начале XX веков: диссертация ... доктора архитектуры:18.00.01 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия / Г.Н.Айдарова. – Москва, 1997. – 299 с.
19. Айдарова Г.Н. Взаимодействие культур в архитектурно-градостроительном развитии Среднего Поволжья середины XVI начала XX вв.: автореферат дис. доктора архитектуры / Г.Н. Айдарова. М.: Изд-во НИИТАГ, 1997. – 45 с.
20. Айдарова–Волкова, Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI-XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. / Г.Н. Айдарова-Волкова. – Казань: КГАСА, 1997. – 196 с.
21. Айдарова-Волкова, Г.Н. В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Г. Айдарова-Волкова // Гасырлар авазы. Эхо веков. - 1999. № 3/4. – С.180-186.
22. Айдарова, Г.Н. Теоретические аспекты развития региональной архитектурной культуры / Г.Н.Айдарова // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие ипер спективы: сборник научных трудов.- Казань: АН РТ, НИИТАГ РААСН, 2003. – С. 42 – 45.
23. Айдарова-Волкова, Г.Н. Архитектурно-градостроительное развитие Казани X-XVI веков: Эволюция, традиции, влияния: Учебное пособие. – Казань: КГАСУ, 2012. – 150 с.

24. Аксенова, Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара / Н.Д. Аксенова // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 200 – 216.
25. Аксенова, Н.Д. Раскопки в Болгарах / Н.Д.Аксенова, М.Д.Полубояринова, Т.А.Хлебникова, Р.Ф.Шарифуллин // АО 1982 г. – М., 1984.- С.139-140.
26. Аксенова, Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе ханской усыпальницы и малого минарета: по материалам раскопок 1967–1971 гг. / Н.Д. Аксенова // Сов. археология. – 1973. – № 4. – С. 218 – 226.
27. Акчурина, З.А. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. / З.А. Акчурина, Л.П. Воскресенская, А.П. Смирнов // Поволжье в Средние века. – М.: Наука, 1970. – С. 5-23.
28. Алексеевский район: история и современность. - Казань, 2000. – 282 с.
29. Алихова, А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата / А.Е. Алихова // Советская археология. – 1973. – № 2. – С. 226–237.
30. Алихова, А.Е. Постройки древнего города Мохши / А.Е. Алихова // Советская археология, 1976, № 4. – С. 167–178.
31. Алишев, С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие / С.Х. Алишев // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 186-200.
32. Алишев, С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начала XIX вв. / С.Х. Алишев; отв. ред. З.И. Гильманов, А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1990. – 270 с.
33. Алишев, С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. / С.Х. Алишев. – Казань: Татар. кн. изд–во, 1995. – 160 с.
34. Алишев, С.Х. Источники и историография города Казани / С.Х. Алишев. – Казань: Изд–во «Форт-диалог», 2001. – 75 с.
35. Алишев, С.Х. Все об истории Казани / С.Х. Алишев. - Казань: Раннур, 2005. - 640 с.
36. Аминова, Г.И. Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV–XVII веков / Г. Аминова // Эхо веков - Гасырлар авазы, № 1–2. – Казань, 1999. – С.75 – 86.
37. Аминова, Г.И. К методике составления административной карты Казанского ханства / Г.И. Аминова // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. — Казань: ФЭН, 2002. — С. 117—134.
38. Анарбаев, А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V – начало XIII вв.) / А. Анарбаев. – Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1981. – 120 с.
39. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С.А.Аннинский // Исторический архив. — Т.3. - М., 1940.– С.71 – 112.
40. Андреев, Л.В. Основы исследований и реконструкции исторического города: учебное пособие / Л.В. Андреев. – М: МАРХИ, 1983. – 71 с.
41. Андрей Курбский. Сказание о взятии Казани // Древняя Казань глазами историков и современников // Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. – Казань: Издательство «Фест», 1996. – С. 118 - 136.
42. Артамонов, М.И. История Хазар / М.И.Артамонов. Л.: Изд. Гос.Эрмитажа, 1962. – 524 с.
43. Артемьев, А.(И.). Древний болгарский город Жукотин / А.(И.) Артемьев //ЖМВД. 1851. Ч. XXXII, № 1. – С.56 –74.
44. Артемьев, А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья / А.Р. Артемьев // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. – С.3 – 18.
45. Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье /АН СССР. Казанский филиал. – М.: Наука, 1981. – 210 с.
46. Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье /АН СССР. Казанский филиал. – Казань, 1985. – 116 с.
47. Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. – Ч. I. /АН СССР. Казанский филиал. – Казань, 1986. – 110 с.
48. Археологические исследования в 2010 г.: Болгар. Свияжск. – Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 32 с.
49. Археологические исследования в 2012 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 32 с.
50. Археологические открытия 1975 года /АН СССР, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1976. – 602 с.
51. Археологические открытия 1981 года /АН СССР, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1982. – 517 с.
52. Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / АН Респ. Татарстан. ИИ. – Казань, 2001. – 92 с.
53. Археологические памятники Нижнего Прикамья /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1984. – 97 с.
54. Археологические памятники Центрального Закамья. /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1988. – 98 с.
55. Археологические памятники Восточного Закамья /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1989. – 99 с.
56. Археологические памятники бассейна р. Черемшан /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1990. – 112 с.
57. Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Рос. АН, Казан. науч. центр, ИЯЛИ. – Казань, 1992. – 144 с.
58. Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1999. – 144 с.

59. Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / КИЯЛИ. – Казань, 1993. – 436 с.
60. Археологическое изучение Новгорода. – М.: Наука, 1978. - 236 с.
61. Археологическое изучение Пскова. – М.: Наука, 1983. – 232 с.
62. Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. – М.: Наука, 1985. - 431 с.
63. Археология СССР. Древняя Русь: Быт и культура. – М.: Наука. 1997. -368 с.
64. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. - 301 с.
65. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии VI-XIX вв. / Отв. ред. Ю.С.Яралов // Всеобщая история архитектуры. – Т. 8. – М., 1969. – 491 с.
66. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков Принципы художественного единства / Под ред. Т.Ф.Саваренской. – М.: Стройиздат, 1997. – 471 с.
67. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар, снятые с натуры архитектором А.Шмитом в 1827 г. / Альбом. – М., 1832. – 14 л.
68. Афанасьев, Г.Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? / Г.Е. Афанасьев // Российская археология. – М, 2011. – № 3. – С.108 – 119.
69. Ахметзянов, М.И. Татарские мавзолеи (дюрбе) в г. Касимове / М.И. Ахметзянов // Татарская археология. – 2006. – № 1 – 2 (16 – 17).
70. Байпаков, К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.) / К. М. Байпаков. – Алма–Ата: Наука, 1986. – 256 с.
71. Байпаков, К. М. Средневековые города Казахстана на великом шелковом пути / К. М. Байпаков. Алматы.: «Гылым», 1998. – 215 с.
72. Баллод, Ф.В. Старый и Новый Сарай – Столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 г. / Ф.В. Баллод. – Казань, 1923. – 64 с. (30 табл.).
73. Баллод, Ф.В. Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицинской приволжской полосы) / Ф.В. Баллод. – М.: Гос. изд-во «Мосполиграф», 1923 . – 132 с.
74. Баллод, Ф.В. Две столицы Золотой Орды / Ф.В. Баллод // Новый Восток. – 1923. – № 3. – С. 368 – 376.
75. Баранов, В.С.Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища / В.С. Баранов, М.М.Кавеев // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 176 - 199.
76. Баранов, В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение / В.С. Баранов // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 311 - 353.
77. Баранов, В.С. Благоустройство городов Волжской Болгарии: По археологическим материалам Болгарского городища X-XV вв. / В.С. Баранов. - Дис. на соиск. степени канд. ист. н. – М., 2001. - 220 с.
78. Баранов, В.С. Некоторые итоги изучения ремесленного поселка в юго-восточной части Болгарского городища / В.С. Баранов // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – С. 5-10.
79. Баранов, В.С. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре / В.С.Баранов, Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль // Поволжская археология, № 1, 2012. – Казань, 2012. – С.35.
80. Баталов, А.Л. Некоторые проблемы топографии средневекового русского города / А.Л.Баталов, Л.А.Беляев // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1. - М., 1998. – С.13 – 22.
81. Башкиров, А.С. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт / А.С. Башкиров, У.А. Боданинский // Новый восток. – 1925. – № 8–9. – С. 295 - 311.
82. Башкиров, А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве / А.С. Башкиров // Крым. – 1926. – № 2 – С. 108 – 125.
83. Башкиров, А.С. Художественные памятники Солхата / А.С. Башкиров // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 122 – 144.
84. Башкиров, А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге / А.С. Башкиров. – Казань, 1928. – 118 с.
85. Беговатов, Е.А. Балынгузское IV селище / Е.А. Беговатов, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. Билярск, сентябрь 1997 г. – Казань, 1997. – С.14 – 18.
86. Безверхова, JI. Б. Архитектурно-планировочное развитие городов вятской земли с древности до середины XVIII в.: дис. канд. архитектуры / Л. Б. Безверхова. М.: Изд-во МАРХИ, 2001. – 236 с.
87. Беленицкий, А.М. Средневековый город Средней Азии / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – 390 с.
88. Белавин, А. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути / А. Белавин // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и

Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. –С.140 - 145.
89. Белавин, А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Приуралье в Средние века / А.М. Белавин // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. – Казань, 2000. – С. 122 - 126.
90. Белорыбкин, Г.Н. Оборонительные сооружения городищ булгарского времени в Пензенском крае (сурская группа) / Г.Н. Белорыбкин // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. - Казань, 1985. - С.112 - 120.
91. Белорыбкин, Г. Н. Золотаревское поселение / Г.Н. Белорыбкин. - СПб. - Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. - 200 с.
92. Беляев, Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века / Л.А. Беляев // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С.261 - 295.
93. Березин, И. Булгар на Волге / И. Березин // Ученые записки Казанского университета. – Кн. III. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1853. – 91 с.
94. Биляр – столица домонгольской Булгарии.- Казань: ИЯЛИ, 1991. – 131 с.
95. Биляр - столица домонгольской Булгарии / отв. ред.: Ф.Ш.Хузин; АН СССР. Казанский научный центр. – Казань, 1991 . – 139 с.
96. Блохин, В.Г. Планировочная структура золотоордынского города / В.Г. Блохин // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1999. - 370 с. - С. 271 - 299.
97. Блохин, В.Г. Градостроительные традиции Золотой Орды (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. … канд. истор. наук / В.Г. Блохин. – Волгоград, 2001. – 26 с.
98. Блохин, В. Г. Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурных традиций / В. Г. Блохин // НАВ - Вып. 6 . - 2003 . - С. 108 - 111 .
99. Блохин, В.Г. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья: учебное пособие / В.Г. Блохин, Л.В. Яворская - Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 2006 – 268 с.
100. Богдановский, М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 гг. (1552) с 5-ю листами чертежей / М. Богдановский. – СПб.: Типо-литография В.А.Тиханова, 1898. - 64 с.
101. Большаков, О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII - сер. XIII вв. / О.Г.Большаков – М.: Наука, 1984. – 343 с.
102. Большаков, О.Г. Средневековый город Ближнего Востока: социально-экономические отношения VII – сер. XIII в. / О.Г.Большаков - М.: Восточная литература РАН, 2001. – 343 с.
103. Большаков, О.Г. Средневековый арабский город / О.Г.Большаков // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. – М.: Наука, 1982. – С.156 - 214.
104. Бондаренко, И.А. О теории ценностей в истории архитектуры Текст. / И.А. Бондаренко // Материалы круглого стола «Проблемы изучения истории советской архитектуры» / Под ред. Ю.П. Волчка. - М.: ВНИИТАГ, 1991. – 102 - 104.
105. Бондаренко, И.А. Эстетика древнерусского города / И.А.Бондаренко // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI – XVII века (под ред. В.В.Бычкова) – М.: Научно-издат. центр «Ладомир», 1996 – 560 с.
106. Бондаренко, И. А. Иерархическая структура древнерусского города в реализации идеи «вечной гармонии» / И.А.Бондаренко // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996. – С.117-122.
107. Бондаренко, И.А. Формирование градостроительной структуры средневековой Москвы / И.А.Бондаренко // Архитектурное наследство: «Архитектурно-градостроительное развитие Москвы». № 42, - М.1997. – 230 с. - С. 7 - 25.
108. Бондаренко, И.А.Ансамбль столичного Кремля / И.А.Бондаренко // Архитектурное наследство: «Архитектурно-градостроительное развитие Москвы». - М.,1997. - № 42. - С. 26 - 51.
109. Бондаренко, И.А. Усадьба и город в Древней Руси / И.А. Бондаренко // Архитектура русской усадьбы. - М.: Наука, 1998. – С.17- 38.
110. Бондаренко, И.А. Образ памятника и дух времени. К вопросу о научных реконструкциях и творческих стилизациях / И.А. Бондаренко // Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. - М.: РААСН, 1998. – С.77-82.
111. Бондаренко, И.А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы / И.А.Бондаренко; Российская акад. стр., арх-ры и строит. Наук, НИИТАГ, МАрхИ . – М.: URRS, 2009. - 2-е изд. доп. – 186.
112. Бондаренко, И.А. Естественное и искусственное в планировке Москвы/ И.А.Бондаренко // Архитектурное наследство, № 48 - М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 48 - 57.
113. Борисов, В.Л. Историографическое описание Казанской губернии Капитона Милковича / В.Л.Борисов // ИОАИЭ. - 1898. Т.XIV.- Вып. 5. - С.497 - 518.

114. Борисевич, Г.В. Об основных этапах территориального развития Московского Кремля в XI-XV вв. (по археолог. данным) / Г.В. Борисевич // Архитектурное наследие Москвы. - М., 1988. - С. 22 - 31.
115. Бородкин, Л.И. Современные тенденции в разработке виртуальных реконструкций объектов историко-культурного наследия: международный опыт / Л.И. Бородкин, Д.И. Жеребятьев // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса: сб. науч. ст. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 196 с.
116. Бороздин, И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму / И.Н. Бороздин // Новый Восток. – 1927. – № 16 - 17. – С. 266 - 274.
117. Бретаницкий, Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока / Л.С.Бретаницкий - М., 1966. - 560 с.
118. Булгары. Черная палата: Сб. /Союз сов. архитекторов. Татар. отд-ние. - Казань, 1951. - 30 с.
119. Бунин, А.В. 'История градостроительного искусства. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. - Москва: Стройиздат, 1979. – Т. 1. – 496 с.
120. Бурханов, А.А. Новые данные по фортификации Казанского ханства / А.А. Бурханов, И.Л. Измайлов // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М., 1999. – С. 135-138.
121. Бурханов, А.А. Раскопки Больничного бугра на Селитренном городище / А.А.Бурханов // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А.Федорова Давыдова. Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С.69 - 71.
122. Бурханов, А.А. Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы / А.А. Бурханов // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 246 - 267.
123. Бурханов, А.А. Памятники Иске-Казанского комплекса (к проблеме изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия и роли географического положения и природно-экологических особенностей в заповедных зонах) / А.А. Бурханов // Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. – Вып. 2. – Казань, 2002. – 30 с.
124. Бурханов А.А., Хамзин Р.Н. Археологические исследования в Тюлячинском районе Республики Татарстан // Археологические открытия в Татарстане: в 2001. – Казань: РИЦ «Школа», 2002.
125. Бурханов, А.А. Древности Предволжья: история исследований, итоги и перспективы изучения историко-археологических памятников / А.А. Бурханов // Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. – Вып. 3. – Казань:Gumanitarya, 2003. – 84 с.
126. Бурханов, А.А. Золотоордынские памятники Поволжья: некоторые итоги, проблемы и перспективы изучения, сохранения и использования памятников в Среднем и Нижнем Поволжье (по материалам исследований поселений XIII-XVI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в 1995-2004 гг.) / А.А.Бурганов // История и современность. - № 1, Март, 2007. – С. 85 - 108.
127. Буряков, Ю.Ф. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра / Ю. Ф. Буряков, Г. И.Богомолов, С. А. Фонарев и др. / Отв. ред. Ю.Ф.Буряков; АН УзССР, Ин-т археологии. - Ташкент: Фан, 1990. – 128 с.
128. Бырня, П.П. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр-ал-Джедид / П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой // Российская археология. - № 2. - 1997. – С. 91 - 103.
129. Валеев, Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – XIII вв. / Р.М.Валеев / Отв. Ред. А.Х.Халиков, А.Г.Мухамадтев. – Казань: Изд-во «Фест», 1995. – 159 с.
130. Валеев, Ф.Х. К истории архитектуры казанских татар XV–XVI веков / Ф.Х. Валеев // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Вып. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – С. 94 - 104.
131. Валеев, Ф.Х. Архитектура и искусство Волжско-Камской Булгарии / Ф.Х. Валеев //Ученые записки Казан. Гос. консерватории. - Казань, 1970. – Вып. IV – С.79 - 108.
132. Валеев, Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья / Ф.Х. Валеев. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. – 214 с.
133. Валеев, Ф.Х. Древнее искусство Татарии / Ф.Х.Валеев, Г.Ф. Валеева-Сулейманова. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 100 с.
134. Валеева–Сулейманова, Г.Ф. Мусульманское искусство татар Среднего Поволжья: истоки и развитие / Г.Ф.Валеева-Сулейманова // Исламское искусство в Волго-Уральском регионе. – Казань: Фэн, 2002. – С. 27 - 51.
135. Валеева-Сулейманова, Г.Ф. Мусульманская культура Среднего Поволжья и Приуралья // Ислам и проблемы межнационального взаимодействия. М., 1994. - С. 66 - 78.
136. Валеева, Д.К. Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских булгар // Татарская археология №1(2). - Казань, 1998.-С.88 - 98.
137. Валеева, Д.К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII-XIV вв.). - Казань: Фикер, 2003. - 240 с.
138. Валиуллина, С.И.Оконное стекло Билярского городища / С.И. Валиуллина // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991. – С.108 - 117.

139. Валиуллина, С.И. Стеклянные лампы Биляра. К вопросу о городской культуре домонгольской Булгарии / С.И. Валиуллина // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. – Казань, 1999. - С.81-82.
140. Валиуллина, С.И. Исследование ремесленного комплекса алхимика и стеклодува в центре Билярского городища / С.И. Валиуллина // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. – Казань, 1997. – С.18 - 21.
141. Валиуллина, С.И. Золотоордынские памятники округи Билярского городища / С.И. Валиуллина // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Нижний Новгород, 2001. – С. 76 - 79.
142. Великий Волжский путь: История формирования и развитие: Материалы НПК / АН РТ. ИИ; КГУ. Отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов. - Казань, 2002 . - 396 с.
143. Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола Международного научного семинара / АН РТ. ИИ. КГУ; Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. - Казань, 2001. - 354 с.
144. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1863. - Ч. 1. – 558 с.; 1864. - Ч. 2. – 498 с.
145. Витов, М.В. Гнездовой тип поселения на русском Севере и его происхождение / М.В. Витов // Советская этнография – 1965, № 2. - С.27- 40.
146. Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. – Казань, 1985. – 126 с.
147. Волжская Булгария и монгольское нашествие: Сб. трудов / АН СССР. Казанский филиал. – Казань, 1988. – 125 с.
148. Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора): Сб. статей / АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1986. – 151 с.
149. Волкова, Н.Г. Маджары (из истории городов Северного Кавказа) / Н.Г. Волкова // Кавказский этнографический сборник. – Т. V. – М., 1972. – С. 41 - 76.
150. Воробьев, Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода) / Н.И. Воробьев. – Казань: Татгосиздат, 1953. – 383 с.
151. Воронина, В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока / В.Л. Воронина // Архитектурное наследство. – М., 1983. - № 31. – С. 133 - 167.
152. Воронина, В.Л. Ислам и архитектура (на примере Средней Азии) / В.Л. Воронина // Архитектурное наследство. – М., 1984. – № 32. – С. 157 - 163.
153. Воронина, В.Л. Средневековый город арабских стран (ВНИИТАГ Госкомархитектуры) / В.Л. Воронина. – 1-е изд. – М: ВНИИТАГ Госкомархитектуры, 1991. – 103 с.
154. Воскресенский, А.С. Археологическое исследование соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах / А.С. Воскресенский, А.П. Смирнов // СА – 1966. – № 1 - С. 244 - 257.
155. Воскресенский, А.С. Новые данные об архитектуре волжских булгар / А.С. Воскресенский, А.П. Смирнов, А.Т. Хлебникова // СА – 1967. – № 4. – С. 274 - 285.
156. Всеобщая история архитектуры в 12 томах / под ред. Н. В. Баранова. — М: Изд-во литературы по строительству, 1969. - Т. VIII: Архитектура мусульманских стран / отв. ред. Яралов Ю.С. - 491 с.
157. Второв, А. Памятники древности в Казанской губернии / А. Второв // Журнал МВД. – 1840. – № 8. - С. 214 – 217.
158. Газимзянов, И.Р. Краниология Усть-Иерусалимкого могильника / И.Р. Газимзянов // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – С. 46 - 49.
159. Газимзянов, И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконстр-ия этногенетич. процессов): автореф. дис. … к. ист. наук / И.Р. Газимзянов. – М., 2001. – 24 с.
160. Гайнутдинов, И.Г. Народные традиции в планировке селений казанских татар / И.Г. Гайнутдинов // Архитектурное наследство. – 1978. – № 26. – С. 102 - 109.
161. Гайнутдинов, И.Г. Национальные черты жилища казанских татар / И.Г. Гайнутдинов // Архитектурное наследство. – 1975. – № 23. – С. 144 - 158.
162. Галкина, Е.С. Тайны Русского каганата / Е.С. Галкина. - М.: Вече, 2002. - 432 с.
163. Галлямов, Р.Ф. После падения Казани / Р.Ф.Галлямов. - Казань: ТКИ, 2001. - 143 с.
164. Галлямов, Р. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции / Р. Галлямов // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Фэн, 2002. – С.270 - 275.
165. Гаркави, А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских / А.Я. Гаркави. – СПб, 1870. – С. 218 - 219.
166. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей / И.Г.Георги.- СПб: Изд-во И. Глазунова, 1799. Ч.1-2.; Ч. 1. – 176 с.; Ч.2. - 178 с.
167. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 262 с.
168. Глухов, А.А. Работы отряда «Гюлистан» в 2005 – 2006 году и новые данные по топографии Царевского городища /А.А.Глухов // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сборник статей. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – С.94 - 105.

169. Гмелин, С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы / С.Г. Гмелин. – Ч. II. Путешествие из Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. Пер. С. Мошков. – СПб., 1777. – 361 с.
170. Гольдзамт, Э. А., Градостроительная культура европейских социалистических стран / Э. А. Гольдзамт, О. А. Швидковский. - М.: Стройиздат, 1985. - 479 с.
171. Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов – М.: Наука, 1987. – 229 с.
172. Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
173. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов – М.: Наука, 1996. – 314 с.
174. Город Болгар и его округа: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. – Болгар: ИЯЛИ, 1994. – 62 с.
175. Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / С. С. Айдаров, Г. Ф. Полякова, В. С. Баранов, М. М. Кавеев, Н. Д. Аксенова, Р. Ф. Шарифуллин, Л. А. Беляев, Л. М. Носкова, В. С. Баранов; РАН. ИА; ИИ АН РТ. - М.: Наука, 2001 . - 366 с.
176. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Том I. Феномен средневекового урбанизма. – М.: Наука, 1999. – 390 с.
177. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Том 2. Жизнь города и деятельность горожан. – М.: Наука, 1999. – 344 с.
178. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Том 3. Город внутри городских стен. Формы общественных связей. – М.: Наука, 2000. – 378 с.
179. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Том 4. Extra muros. Город, общество, государство. – М.: Наука, 2000. – 355 с.
180. Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1974. – 184 с.
181. Горский, А.А. Москва и Орда / А.А. Горский. – М.: Наука, 2000. - 214 с.
182. Греков, И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды / И.Б. Греков. – М., 1975. – 521 с.
183. Григорьев, В.В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая / В.В. Григорьев // Журнал МВД. - № 9. – 1847. - С. 549 - 575.
184. Груздев, Д.В. Алгоритм и технология визуализации пространственной модели археологических объектов / Д.В. Груздев // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. Труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер». Под редакцией Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова, Г.В. Можаевой.- Издательство Московского университета. Москва–Барнаул–Томск, 2010. – С.237 - 248.
185. Губайдуллин, А.М. Планировочные особенности и системы обороны городищ Волжской Булгарии / А.М. Губайдуллин // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. – Вып.2 – Казань, 2001. – С. 120 - 128.
186. Губайдуллин, А.М. Археологические исследования Северной башни Казанского кремля / А.М. Губайдуллин // Археологические открытия в Татарстане: 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 24 - 26.
187. Губайдуллин, А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / А.М. Губайдуллин. – Казань: Ин-т истории, 2002. – 232 с.
188. Губайдуллин, А.М. Городища золотоордынского периода на территории Предволжья. Некоторые проблемы изучения военного зодчества / А.М. Губайдуллин, И.Л.Измайлов // Культурные традиции Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып. 4. – Казань, 2004. - С. 124 – 131.
189. Губайдуллин, А.М. О раннесредневековых городищах Среднего Поволжья / А.М. Губайдуллин // Вопросы истории фортификации. – М.: Остров, 2011. - № 2. – С.100 - 102.
190. Гусева, Т.В. Золотоордынский город Сарай ал-Джадид / Т.В.Гусева. - Горький, 1985. - 15 с.
191. Гусева, Т.В. История изучения Нового Сарая / Т.В. Гусева // Вестник Московского университета. – 1975. – № 6. – С. 73 - 88.
192. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства / А. Э. Гутнов. – М.: Стройиздат,1984. – 256 с.
193. Давлетшин, Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X – начала XIII вв. / Г.М. Давлетшин. – Казань, 1990. – 192 с.
194. Давлетшин, Г.М. Биляр-Булгар в устном народном творчестве / Г.М. Давлетшин // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991.
195. Давлетшин, Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление, развитие)/ Г.М.Давлетшин – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 431 с.
196. Данилов, С.В. / С.В.Данилов. д- – 332 с.
197. Данилов,С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии : монография / С.В. Данилов; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. - 201 с.

198. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.) / Тексты и комментарии И.П.Ермолаева, Д.М. Мустафиной. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. - 204 с.
199. Древнемонгольские города /под ред. С.В. Киселёва. – М.Наука, 1965. – 371 с.
200. Древнерусские города. - М.: Наука. 1981. - 136 с.
201. Древние Чаллы - Борынгы Чаллы / АН РТ, Ин-т истории; Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. - Казань: Мастер Лайн, 2000. – 319 с.
202. Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш.Хузин, А.Г. Ситдиков. - Казань: Фест. 1996. - 444 с.
203. Егерев, В.В. Архитектура г.Болгара / В.В. Егерев // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1958 - № 61. – С.360 - 394.
204. Егерев, В.В. Самобытное расселение народностей Казанского края / В.В. Егерев // Вестник научного общества татароведения. – Казань,1928. – № 8 – С. 55 - 99.
205. Егерев, В.В. Возникновение и развитие планировки г. Казани / В.В. Егерев // Научные труды КИИСНП (КИИКС). – 1956. – Вып. 4. - С.35 - 46.
206. Егоров, В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) / В.Л. Егоров // Поволжье в Средние века. – М.: Наука, 1970. – С.172 -194.
207. Егоров, В.Л. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. / В.Л. Егоров, М.Д. Полубояринова // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 39 - 79.
208. Егоров, В.Л. Исследование мечети на Водянском городище. / В.Л. Егоров, Г.А. Федоров-Давыдов // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 108 - 167.
209. Егоров, В.Л. Мавзолеи Водянского городища / В.Л. Егоров // СА – 1980. – № 1. – С. 74 - 89.
210. Егоров, В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / В.Л. Егоров. – М.: Наука, 1985. - 244 с.
211. Егоров, В.Л. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай / В.Л. Егоров // Родина. – 1997. – № 3-4. – 74 с.
212. Егоров, В.Л. О времени возникновения Казани / В.Л. Егоров // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань: Фест, 1996. – С. 286 - 298.
213. Елкина И.И. Исследования в южной части Болгарского городища на раскопе CLXXIV в 2012 г. // Археологические исследования в 2012 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 32 с.
214. Ермолаев, И.П. Город Казань по писцовой книге 1565-1568 годов / И.П.Ермолаев // Страницы истории города Казани. Казань: Изд-во КГУ, 1981. - С.3 - 15.
215. Ермолаев, И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем) / И.П.Ермолаев. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. - 224 с.
216. Есаулов, Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал (в двух томах): диссертация на соиск. уч. ст. доктора архитектуры: 18.00. 01- Москва, 2004. - 649 с.
217. Есаулов, Г.В. Особенности освоения территорий и эволюция архитектурных форм на юге России в эпоху средневековья / Г.В. Есаулов // Фундаментальные и приоритетные прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2007 году. Том I. - М.- Белгород, 2008. – С. 280 - 284.
218. Ефимова, А.М. Древние инженерные сооружения по укреплению берега в г.Болгаре / А.И. Ефимова // КСИИМК. – 1952. – Вып. 44. – С. 41 -45.
219. Ефимова, А.М. Гидротехнические сооружения XIV в. в городе Болгаре / А.М. Ефимова // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т.1 - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 508 с. - С. 369 – 391.
220. Ефимова, А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Булгарии / А.М. Ефимова. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. - 18 с.
221. Ефимова, А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища / А.М. Ефимова // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 14 - 17.
222. Ефимова, А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара / А.М. Ефимова // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 24 - 29.
223. Зайцев, И.В. Астраханское ханство / И.В.Зайцев. Ин-т востоковедения. – М.: Вост. литературы, 2004. – 303 с.
224. Заринский, П.Е. Очерки древней Казани, преимущественно XVI века / П.Е. Заринский. – Казань, 1877. – С. 184.
225. Засыпкин, Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар / Б.Н. Засыпкин // Крым. - Симферополь, 1927. - .– № 2 (4). - С. 113 - 168.
226. Засыпкин, Б.Н. Монументальное искусство Советского Востока / Б.Н. Засыпкин. – М.-Л., 1931. – 26.
227. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне / Б.Н. Заходер. – М.: Наука, 1967. – 212 с.

228. Зиливинская, Э.Д. Бани Золотой Орды. / Э.Д. Зиливинская. // Практика и теория археологических исследований. – Ред. А. С.Смирнов. – М., 2001. – С. 174 - 226.
229. Зиливинская, Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии / Э.Д. Зиливинская // Советская археология - 1989. – № 4. – С. 223 - 233.
230. Зиливинская, Э.Д. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) / Э.Д. Зиливинская // Археология Поволжья. – Ред. Ю. А.Зеленеев. – Йошкар-Ола, 1998 . – С. 16 - 37.
231. Зиливинская, Э.Д. Раскопки богатого усадебного дома на Красном холме Селитренного городища / Э.Д. Зиливинская // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 67 - 69.
232. Зиливинская, Э.Д. Городище в дельте Волги / Э.Д.Зиливинская, Д.В.Васильев // Восточная коллекция. - № 2 (25). – 2006. - С.42 - 54.
233. Зиливинская, Э. Д. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. / Э. Д. Зиливинская, Д. В. Васильев, Т. Ю. Гречкина // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 24 - 35.
234. Зиливинская, Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов / Э.Д.Зиливинская. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 171 с.
235. Зиливинская, Э.Д. Усадебное домостроительство в Золотой Орде: монгольские и среднеазиатские традиции / Э.Д. Зиливинская. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сборник статей. – Вып. 1. – Казань: Изд. "Фэн" АН РТ, 2009. – С. 376 - 387.
236. Зиливинская, Э.Д. Золотоордынские города Северного Кавказа по данным археологических исследований / Э.Д. Зиливинская //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.- Белгород, 2010, № 7 (78), Вып. 14. – С. 63 - 68.
237. Зиливинская, Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа / Э.Д. Зиливинская // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. - Казань, 2010. - С. 52 - 69.
238. Зиливинская, Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой: монография / Э.Д. Зиливинская. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 253 с.
239. Зиливинская, Э. Д. Основные тенденции развития культовой и гражданской архитектуры Золотой Орды. / Э. Д. Зиливинская. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А.Федорова-Давыдова. 2-6 октября 2011 года. – Казань, Астрахань, 2011. – С. 174 - 178.
240. Зиливинская, Э.Д. Взаимодействи культурных традиций в зодчестве Золотой Орды / Э. Д. Зиливинская. Автореферат дисс. … д. ист. наук: 07.00.06 – археология /Зиливинская Эмма Давидовна. – М, 2012. – 40 с.
241. Зиновьев, Д. Топографическое описание города Казани и его уезда / Д.Зиновьев. - М.: Университет, 1788. - 35 с.
242. Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий // Материалы научно-практической конференции. Саратов, 22 марта 2002 г. – Саратов, 2003. – 91 с.
243. Зорин, А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья / А.Н.Зорин. - Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2001. - 704 с.
244. Иванова, М.Г. Иднакар - древнеудмуртское городище IX-XIII вв. / М.Г. Иванова. - Ижевск, 1998. - 293 с.
245. Игонин, Н.И. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей / Н.И. Игонин, А.Х. Халиков // Советская археология. – 1975. – № 1. – С. 102 - 108.
246. Из «Писцовых книг города Казани 1565-1568 годов» // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань: Изд-во «Фест», 1996. – С. 139 - 152.
247. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея / первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. – СПб, 1869. – XIII. – 199 с.
248. Измайлов, И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар / И.Л. Измайлов // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984. – С. 99 -107.
249. Измайлов, И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X- начала XIII в. / И.Л.Измайлов. - Казань-Магадан, 1997. - 213 с.
250. Измайлов, И. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) / И. Измайлов // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1998. – Казань, 1999. – С. 94 - 100.
251. Измайлов, И.Л. «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен…». Символы булгарской государственности (X — первая треть XIII в.) / И.Л.Измайлов // Эхо веков. – Казань, 2009. - № 2.

252. Износков, И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках / И.А. Износков // ИОАИЭ. – Т. 1. – Вып. 4 (5). – Казань, 1878. - С.73 - 84.
253. Из «Писцовых книг города Казани 1565-1568 годов» // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань: Изд-во «Фест», 1996. – 139 с.
254. Ильина, О.А. Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 /А.О. Ильина. – Волгоград, 2006. - 24 с.
255. Ильина, О.А. Водянское городище – золотоордынский Бельджамен - русский Бездеж? / О.А.Ильина // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 6 – С. 39 - 43
256. Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов – М.: Наука, 1976. - 262 с.
257. Ислам в Золотой Орде / И. Измайлов, Б. Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008 – 61 с.
258. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // Археологические открытия в Татарстане: 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 13 - 14.
259. Исследования в северо-восточном конце Казанского кремля (раскоп XIX в.) // Археологические открытия в Татарстане: 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 17 - 18.
260. Истомина, Э.Г. Билярское городище второй половины XVIII в. / Э.Г. Истомина // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 61.
261. История Казани в Никоновской летописи // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань: Изд-во «Фест», 1996. – С. 18 - 49.
262. История татар с древнейших времен. В VII томах. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь / Ред. М.Усманов и Р.Хакимов. - Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. – 956 с.
263. История Татарии в материалах и документах / Ред. Н.Л. Рубенштейн. - М.: Соцэкгиз, 1937. - 503 с.
264. Исхаков, Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени: Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв. / Д.М. Исхаков. – Казань, 1998. – 276 с.
265. Исхаков, Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств / Д.М.Исхаков // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223 – 1556. – Казань, 2002. – С.329 - 366.
266. Исхаков, Д.М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. / Д.М.Исхаков. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. – 132 с.
267. Исхаков, Д.М. Введение в историю Казанского ханства. Очерки / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: ИИим.Ш.Марджани АН РТ, 2005. - 116 с.
268. Исхаков, Д.М. Этнополитическая история татар (XIII – середина XVI в.) / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.
269. Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Булгара // Волжская Булгария и Монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 68 - 69.
270. Кавеев, М.М. О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища / М.М. Кавеев // Из истории материальной культуры татарского народа. – Казань, 1981. – С. 36 - 42.
271. Кавеев, М.М. Некоторые итоги исследования булгарских жилищ / М.М. Кавеев // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С.177 -188.
272. Кадырбеков, И.Д. Развитие градостроительства Киргизии: Проблемы расселения / И.Д.Кадырбеков. - Фрунзе: Кыргызстан, 1983 - 91 с.
273. Казаков, Е.П. Археологические памятники Татарской АССР / Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 239 с.
274. Казаков, Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир / Е.П. Казаков // Finno-Ugrica, № 1. – Казань, 1997. – С.33 - 53.
275. Казаков, Е.П. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье / Е.П.Казаков // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы Второй региональной научной конференции.- Нижний Новгород,1991.- С.342-352.
276. Казаков, Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы / Е.П. Казаков. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
277. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории) / Е.П. Казаков. – М.: Наука, 1992. – 40 с.
278. Казаков, Е.П. Об освоении булгарами Марийского Поволжья в X-XI вв. / Е.П. Казаков // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань, 1999. – С. 63 - 71.
279. Казаков, Е.П. Очерки древней истории Восточного Закамья / Е.П. Казаков, З.С. Рафикова. – Альметьевск, 1999. – 118 с.
280. Казаков, Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Булгарии / Е.П. Казаков // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. - С. 64 - 73.

281. Казаков, Е.П. В незапамятные времена. Заселение территории Алексеевского района в древности / Е.П. Казаков, П.Н. Старостин // Алексеевский район: история и современность. – Казань, 2000. – С. 11-20.
282. Казаков, Е.П. К проблеме превращения Закамья в «Дикое поле» / Е.П. Казаков // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Н. Новгород, 2001. – С. 49 - 51.
283. Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара. / Отв. ред. И.К.Загидуллин. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 320 с.
284. Казанская история. Новое сказание, вкратце повествующее о начале Казанского царства, и о войнах с Казанскими царями Великих Московских князей, и о победах, и о взятии Казанского царства // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань: Фест, 1996. – С.64 – 118.
285. «Казанский летописец» о Золотой Орде, Большой Орде и «царстве Казанском» // Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – С. 214 – 228.
286. Казаринов, В.А. Описание Билярских и Баранского городищ / В.А. Казаринов // ИОАИЭ при Казан. ун-те .– Казань, 1884. – Т. III. – С. 89 - 127.
287. Калинин, Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? / Н.Ф. Калинин // Вестник Научного общества татароведения. – № 6. – Казань, 1926. - С.81 -96.
288. Калинин, Н.Ф. Казань 18 века (По неизданным артографическим и иконографическим материалам) / Н.Ф. Калинин // ИОАИЭ. – Т. XXXIV (XXXIII). – Вып. 3 - 4. – Казань, 1929. – С. 119 - 130.
289. Калинин, Н.Ф. Казанский Кремль / Н.Ф. Калинин. – Казань, 1952. – 7 с.
290. Калинин, Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году / Н.Ф. Калинин // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып.1. – С. 117 - 138.
291. Калинин, Н.Ф. Казань. Исторический очерк / Н.Ф. Калинин. – Казань: ТКИ, 1955. - 414 с.
292. Камолиддин, Ш.С. О градостроительной культуре у древних тюрков / Ш.С.Камолиддин // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы международной конференции. Алматы, 2004. - С. 354 - 373.
293. Кафтанников, Н.Н. Болгаре и развалины столицы сего народа / Н.Н. Кафтанников // Заволжский муравей. - Казань, 1832. - – Ч.II. – №№ 11, 16. – С. 601 - 613; Ч. III. – № 19. – С.1077 - 1089.
294. Каштанов, С.К. К изучению Казанской топографии (острова Коровнич и Ирыхов) / С.К. Каштанов // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Истрорико-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. - С. 293 - 307.
295. Кирпичников, А. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение / А. Кирпичников // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28 - 29 августа 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – 354 с. - С.9 - 35.
296. Киселев, С.В. Древние города Монголии / С.В. Киселев // СА - № 2. - 1957. - С.91 - 101.
297. Киселев, С.В. Древние города Забайкалья / С.В. Киселев // СА - № 4. – 1958. - С.107 - 126.
298. Ковалевский, А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956.- 347 с.
299. Козлова И.В Оборонительные сооружения болгарских городищ Предкамья: Чаллы, Кирмень, Алабуга // Камский торговый путь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. - С.73 - 75.
300. Кокорина, Н.А. Керамика Биляра и Иске Казани (К вопросу о преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) / Н.А.Кокорина // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. - Казань, 1993. – С.55 - 63.
301. Кокорина, Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) / Н.А.Кокорина // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23.- Йошкар-Ола, 1994. – С.185 - 213.
302. Кондаратский, М.Ф. Сказание кн. Курбского в изложении проф. Кондаратского. С приложением плана осады г. Казани в 1552 году / М.Ф. Кондаратский. - Казань, 1912. - 20 с.
303. Корбенцо, Ив. Великие святыни ислама / Пер. с фр. Е.Вознесенской / Ив Корбенцо. М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2005. – 480 с.
304. Корепанов, К.И. Предварительные заметки о раскопках каменного здания Елабужского городища / К.И. Корепанов // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. Казань, 1992 г. – М.: Изд-во «Инсан», 1997. – С. 112 - 113.
305. Косицкий, Я.В. Архитектурно-планировочное развитие городов / Я.В. Косицкий. Учебное пособие. – М.: Архитектура-С, 2005. – 648 с.
306. Кочкина, А.Ф. Города Волжской Булгарии X - начала XIII вв. в системе расселения (на материалах Свияжско-Кильненского междуречья) / А.Ф.Кочкина // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. – М., 1997. - С.180 -187.

307. Кочкина, А.Ф. Муромский городок - региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке / А.Ф. Кочкина // Вопросы археологии Урала и Поволжья. - Самара, 1999. - С. 165 - 173.
308. Кравченко, А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.) / А.А. Кравченко. – Киев: Наукова думка, 1986. – 132 с.
309. Кравченко, Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время / Э.Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. - Том 4. Хазарское время. – Донецк, 2005. - С.153 - 186.
310. Кравченко, Э.Е. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001—2003 гг.) / Э.Е. Кравченко, В.В. Мирошниченко, А.Н. Петренко, В.В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. - Т.4. Хазарское время – Донецк. 2005. - С. 261 - 356.
311. Краснов, Ю.А. Оборонительные сооружения Болгара / Ю.А. Краснов // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С.99 - 123.
312. Краснов, Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи / Ю.А. Краснов // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С.205 - 230.
313. Крамаровский, М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. / М.Г. Крамаровский // Итоги археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 147 - 149.
314. Кротков, А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. / А.А. Кротков // Труды Саратовской УАК. – Саратов, 1915. – № 32. – С. 111 - 133.
315. Куза, А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. / А.В. Куза // Русский город. - М.: Изд-во МГУ, 1983. Вып. 6. - С.4 - 36.
316. Куза, А.В. Малые города Древней Руси / А.В. Куза. - М.: Наука, 1989. - 169 с.
317. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X - XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 215 с.
318. Кызласов, И.Л. Города гуннов / И.Кызласов // ТА, № 2 (3). - Казань, 1998. - С.47 - 64.
319. Кызласов, И.Л. Руническая эпиграфика древних булгар / И.Л.Кызласов // Татарская археология, № 1-2 (6-7). - Казань, 2000. - С.5 - 18.
320. Кызласов, И.Л. Стратегия археологических экспедиций: Опыт Л.Р.Кызласова в отыскании и изучении городов Срединной Азии / И.Л.Кызласов // АЭ: Новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2008. - С.21- 29.
321. Кызласов, Л.Р. Культура древних уйгуров/ Л.Р. Кызласов // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. – М.: 1981 – С. 52 – 54.
322. Кызласов, Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования / Л.Р. Кызласов. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 360 с.
323. Лавров, В.А. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX в.) / В.А. Лавров. – М., 1950. – 177 с.
324. Лавров, В.А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов / В.А. Лавров. – М., 1977. – 176 с.
325. Леопольдов, А.Ф. Ахтубинские развалины / А.Ф. Леопольдов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1837. – Ч. XXIV. – № 4.
326. Лепехин, И.И. Записки путешествия академика Лепехина / И.И.Лепехин. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1822. - Т. 4. - 436 с.
327. Лучкова, В.И. Краткая история градостроительства доиндустриального мира / В.И. Лучкова. – М.: Макс Пресс, 2007. – 352 с.
328. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – 158 с.
329. Мажитов Н.А. История Башкортостана. Древность. Средневековье / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. - Уфа: Китап, 2009. - 496 с.
330. Майдар, Д. От кочевой до мобильной архитектуры / Д.Майдар, Д.Пюрвеев. – М.: Стройиздат, 1980. – 215 с.
331. Майдар, Д. Архитектура и градостроительство Монголии / Д.Майдар. – М.: Стройиздат , 1971. – 242 с.
332. Майдар, Д. Градостроительство МНР / Д. Майдар, П. Гурчин, Д. Сайн–Эр. – Улан-Батор.: Изд-во «МИР», 1983. – 394 с.
333. Матвеева, Г.И. Муромский городок / Г.И.Матвеева, А.Ф.Кочкина. – Самара, 1998. - 45 с.
334. Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков: материалы Междунар. симпозиума в Казани, 8-10 сент.1998 г.- Казань, 1999. - 328 с.
335. Мингазова, Н.М. Казанские озера (исторический обзор) / Н.М.Мингазова, Ю.С. Котов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 174 с.
336. Миннерт, Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества / Л.К. Миннерт // Древние культуры Монголии. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 184 - 209.
337. Миннерт, Л.К. Монгольское градостроительство XIII - XIV веков / Л.К. Миннерт // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 89 - 106.

338. Михайлова, И.Б. Средневековый Багдад / И.Б.Михайлова - М.: Наука, 1999. – 157 с.
339. Мокеев, Г.Я. Планировка древнерусских городов и методика раскрытия ее систем / Г.Я.Мокеев // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры. Сб. науч. тр. – М.: Стройиздат, 1980 - С.7 - 17.
340. Моргунов, Ю.Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. / Ю.Ю. Моргунов. Автореферат дисс. д.и.н. - М., 2007. – 41 с.
341. Моця, А.П. Булгар – Киев. Пути. Связи. Судьбы / А.П. Моця, А.Х. Халиков. – Киев, 1997. - 192 с.
342. Мурадов, В. Г. Градостроительство Азербайджана XIII-XVI вв. / В. Г. Мурадов. - Баку: Элм , 1984 - 132 с.
343. Муртазин, Р.М. Обмеры Чёрной палаты в Булгарах / Р.М.Муртазин // Булгары. Черная палата: Сб. Союз сов. архитекторов. Татар. отд - ние. - Казань, 1951. – С. 19 - 27.
344. Мухамадиев, А.Г. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае / А.Г. Мухамадиев, Г.А. Федоров-Давыдов // СА – 1970. – № 3. – С. 149 - 161.
345. Мухамадиев, А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. / А.Г. Мухамадиев // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 80 - 88.
346. Мухамадиев, А.Г. Раскопки в Казанском Кремле / А.Г.Мухамадиев // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Н. Новгород, 2001. – С. 71 - 75.
347. Мухаметшин, Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник / Д.Г. Мухаметшин // Из истории Золотой Орды. - Казань, 1993. - С.118 - 133.
348. Мухаметшин, Д.Г. Датировка археологического слоя по нумизматическим данным / Д.Г. Мухаметшин // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – С.128 – 131.
349. Мухаметшин, Р.М. Некоторые методологические аспекты изучения ислама и мусульманской культуры в Среднем Поволжье / Р.М. Мухаметшин, Д.Г. Мухаметшин // Исламское искусство в Волго-Уральском регионе. – Казань: Фэн, 2002. - 188 с.
350. Мыськов, Е. П. Основные итоги исследований Водянского городища / Е.П. Мыськов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тезисы докладов. - Волгоград: Изд-во Волгогр.ГУ, 2004. - С. 296 - 298.
351. Набиуллин, Н.Г. К вопросу о Джукетауском княжестве / Н.Г. Набиуллин // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Тезисы научной конференции. – Болгар, 1998. – С. 44 - 45.
352. Набиуллин, Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау / Н.Г. Набиуллин // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы Международной конф. – СПб, 1998. – С. 219 - 223.
353. Набиуллин, Н.Г. Город Джукетау X - XIV вв. по археологическим исследованиям: автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02/ Набиуллин Наиль Габидуллович. – Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, 2000. – 23 с.
354. Набиуллин, Н.Г. Новые материалы о хозяйственно-производственной деятельности, быте и культуре Джукетау / Н.Г. Набиуллин // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 189 – 196.
355. Набиуллин, Н.Г. Город Джукетау и его округа / Н.Г. Набиуллин // ТА – Казань, 2006. - № 3-4 (18-19) – С. 137 - 155.
356. Надырова, Х.Г. Особенности архитектурно-пространственной организации селений поволжских татар конца XVIII – начала XX веков (на примере селений северо-западной зоны Татарии): дисс. …. канд. арх-ры: 18.00.01/ Надырова Ханифа Габидулловна. – М.,1990. – Т. 1. – 178 с.
357. Невоструев, К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской / К.И.Невоструев // Труды Первого Археологического съезда в Москве в 1869 / под ред. А.С.Уварова. – М: Синодальная тип., 1871. – Т. II. – С. 521 - 594.
358. Недашковский, Л.Ф. Золотоордынский г. Увек и его округа / Л.Ф. Недашковский. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 224 с.
359. Недашковский, Л.Ф. Итоги и задачи изучения Укека и его округи // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий / Л.Ф. Недашковский // Материалы научно-практической конференции. Саратов, 22 марта 2002 г. – Саратов: Изд-во Саратов. торг.– пром. палаты, 2003. - С.21 - 26.
360. Недашковский, Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа / Л.Ф. Недашковский // Рос.археология. – 2006. – № 4. – С. 74 – 86.
361. Недашковский, Л.Ф. Царевское городище и поселения его периферии / Л.Ф. Недашковский // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – Т. I. – С. 171 – 181.
362. Нигамаев, А.З. Раскопки Кирменского городища в 1995-1996 гг. / А.З. Нигамаев // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы науч. конф. - Казань, 1997.- С. 67 - 70.
363. Нигамаев, А.З. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения А.З. Нигамаев, Ф.Ш. Хузин // Древняя Алабуга. – Елабуга: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. – С. 7 –55.

364. Нигамаев, А.З. Каменная мечеть-крепость на Елабужском городище / А.З. Нигамаев // Средневековая Казань: возникновение развитие. – Казань, 2000. – С. 127–133.
365. Нигамаев, А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы (к вопросу о своеобразии материальной культуры населения): автореф. дис. … к. ист. наук / А.З. Нигамаев. – Казань, 2004. – 26 с.
366. Новосельцев, А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М.: Наука, 1990. – 261 с.
367. Норенков, С.В. Архитектоника и синархия: концептуальное проектирование и моделирование / С.В. Норенков. Монография. Часть 1. – Нижний Новгород, 2005. – 268 с.
368. Норенков, С.В. Научные исследования: проектный синтез / С.В. Норенков. Курс лекций. - Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2011. - 271с.
369. Носкова, Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья / Л.М. Носкова // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. - С. 7 - 37.
370. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и чрез Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – М.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. - 582 с.
371. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М.Ловягина / А.Олеарий. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.
372. Описание города Казани (стен и башен) 1675 г. – Казань, 1906. – б.с.
373. Очерки распространения исламской цивилизации. Т. 1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. – 688 с.
374. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. - СПб: Изд-во Императорской АН, 1773. - Ч. 1. - 657 с.
375. Пачкалов, А.В. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов Улуса Джучи) / А.В. Пачкалов // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – 186 с.
376. Пачкалов, А.В.Еще раз к вопросу о «Биляре» и Болгаре / А.В. Пачкалов // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – С.160 - 162.
377. Пачкалов, А.В. Мечетное городище: историографический обзор / А.В. Пачкалов // Культурные традиции Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. - Вып. 4. - Казань, 2004. - С. 148 - 153.
378. Пачкалов, А.В. Топография поселений и городищ XIII - XV вв. на территории Волгоградской область / А.В. Пачкалов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. - 2009. - № 1. - Уральск. - С. 239 - 262.
379. Пачкалов, А.В. Золотоордынские города Нижнего Поволжья в XIV в. / А.В. Пачкалов // Золотоордынское наследие. Материалы Международной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)». 17 марта 2009 г.: Сб. статей. – Вып.I. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. - С. 210 - 218.
380. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. - Казань: Изд-во КГУ, 1978. - 140 с.
381. Пестриков, М.С. Описание Казани, составленное в 1739 г. М.С.Пестриковым / М.С.Пестриков. - Казань: б.м.и., 1909. - 33 с.
382. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565-1568 гг.: публикация текста. – Казань: Изд-во «Фэн», 2007. – 657 с.
383. Плетнева, С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Отв. ред. Б.А.Рыбаков / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1967. – 198 с.
384. Плетнева, С.А. Хазары /Отв. ред. Б.А.Рыбаков / С.А.Плетнева. – Москва: Наука, 1976. – 93 с.
385. Плетнева, С.А.Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья / С.А. Плетнева // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща (Шумен, 1976). - Т.2. – София, 1981. - С. 9 - 19.
386. Плетнева, С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. / С.А. Плетнева. – М., 1982. – 187 с.
387. Плетнева, С.А. Половцы / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1990. - 206 с.
388. Плетнева, С.А. Древние болгары в Восточноевропейских степях / С.А. Плетнева // Татарская археология, 1997, № 1. – С.31 - 60.
389. Плетнева, С.А. Очерки хазарской археологии / Отв. ред. В.Я. Петрухин / С.А. Плетнева. – М.: Мосты культуры, 1999. – 373 с.
390. Полубояринова, М.Д. Русские люди в Золотой Орде / М.Д. Полубояринова. – М.: Наука, 1978. – 133.
391. Полубояринова, М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре / М.Д. Полубояринова // Краткие сообщения /АН СССР. Ин-т археологии. - 1987. - Вып. 190. - С. 57 - 63.
392. Полубояринова, М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв./ Отв. ред. С.А. Плетнева / М.Д. Полубояринова. – М.: Наука, 1993. - 123 с.
393. Полякова, Г.Ф. Археологическое исследование соборной мечети / Г.Ф. Полякова // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С.150 - 175.

394. Пономарев, П.А. Данные о городах Волжско-Камской Булгарии. Ошель и его следы / П.А. Пономарев // ИОАИЭ. – Т. Х. – Вып. 3. – Казань, 1892. – С. 273 - 288.
395. Пономарев, П.А. Данные о городах Волжско-Камской Булгарии. Булгарский город Кашан / П.А. Пономарев // ИОАИЭ. – Т. XI. – Вып. 2. – Казань, 1893.
396. Пономарев, П.А. Данные о городах Волжско-Камской Булгарии. Тубулга-Тау и неопределенные города / П.А. Пономарев // ИОАИЭ. – Т. XI. – Вып. 4. – Казань, 1893.
397. Пономарев, П.А. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года / П.А. Пономарев // ИОАИЭ. – 1919, Т.XXX, вып.1. - С.45-57.
398. Пономаренко, Е.В. Архитектурно-градостроительное наследие Южного Урала / Е.В. Пономаренко. Автореферат дисс. ... уч. ст. доктора архитектуры. – М., 2009. – 54 с.
399. Порфирьев, С.И. Белая палата в Болгарах по рисункам альбома Чернецовых / С.И. Порфирьев // ИОАИЭ. – Т. XXXIX. – Вып. 1 - 3. – Казань, 1915. – С. 84 – 91.
400. Постникова, Н.М. К антропологии средневекового могильника «четырехугольник» / Н.М. Постникова // Поволжье в Средние века. М.: Наука, 1970. – С. 24 – 38.
401. Прибыткова, А.М. О застройке городов Средней Азии в IX-X вв. / А.М. Прибыткова // Архитектурное наследство. – № 18. – М., 1971. – С. 163 – 175.
402. Прибыткова, А.М. Конструктивные особенности среднеазиатских минаретов X – XII вв. / А.М.Прибыткова // Архитектурное наследство. – № 17. – М., 1964. – С. 175 - 201.
403. ПСРЛ.Т.1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М.: Изд-во вост. литературы, 1962. – 580 с.
404. Пучков, А.Д. Города от библейских времен до средневековья / А.Д. Пучков. – Киев: Издат. Дом А+С, 2005. - 278 с.
405. Пюрвеев, Д.Б. Архитектура Калмыкии / Д.Б. Пюрвеев. - М.: Стройиздат, 1975. - 190 с.
406. Рабинович, М.Г. Дом и усадьба в древней Москве / М.Г. Рабинович // Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР, № 3. - М., 1953 – С.50-74.
407. Рашев, Р. Водные пути Дунайской Болгарии в эпоху средневековья и проблемы связей с Волжской Булгарией / Р. Рашев // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Истрорико-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – 354 с. – С.224 – 234.
408. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 315 с.
409. Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. – Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 249 с.
410. Риттих, А.Ф. Материалы по этнографии России. Казанская губерния / А.Ф. Риттих. – Ч.1. – Казань: Типография Казанского Императорского университета, 1870. - 233 с.
411. Ртвеладзе, Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья / Э.В. Ртвеладзе // СА – 1969. – № 4. – С. 262 – 265.
412. Ртвеладзе, Э.В. К истории города Маджар / Э.В. Ртвеладзе // СА. – 1972. – № 3. – С. 149 –163.
413. Ртвеладзе, Э.В. Мавзолеи Маджара / Э.В. Ртвеладзе // СА – 1973. – № 1. – С. 271 – 277.
414. Ртвеладзе, Э.В. Цивилизации, культуры, государства Средней Азии. / Э.В. Ртвеладзе. - Ташкент, 2005. – 288 с.
415. Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Плано Карпини, де. История монголов. М.: Гос.изд-во геогр. лит-ры, 1957. - С. 87 - 270.
416. Рудаков, В.Г. История изучения Селитренного городища / В.Г. Рудаков // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 181 – 191.
417. Рудаков, В.Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана / В.Г. Рудаков // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 122. – М., 2000. – С. 305 – 325.
418. Рудаков, В.Г. Раскопки остатков минарета на Селитренном городище / В.Г. Рудаков // Археология Нижнего Поволжья на рубеже столетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань: Изд-во АПУ, 2001. – С. 65 – 66.
419. Рудаков, В.Г. К вопросу о хронологии и топографии Селитренного городища эпохи Токтамыша (1380-1396 гг.) / В.Г. Рудаков // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 62 – 65.
420. Рудаков, В.Г. Селитренное городище: Хронология и топография. Автореф. дис. …к. ист. наук / В.Г. Рудаков – М., 2007. – 28 с.
421. Руденко, К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов / К.А. Руденко // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов, 1999. – С. 111 – 134.
422. Руденко, К.А. К вопросу об исследовании булгарских домов домонгольского времени / К.А.Руденко // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – 208 с. - С.164 - 167.
423. Руденко, К.А. VI Алексеевское селище / К.А.Руденко. – Казань: Репер, 2000. – 107 с.

424. Руденко, К.А. Селище и могильник «Песчаный остров» в Татарстане и их округа (К вопросу об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в золотоордынское время) / К.А. Руденко // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). – Н. Новгород, 2001. – С. 46 – 49.
425. Руденко, К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. / К.А. Руденко - Казань: Школа, 2001. – 244 с.
426. Руденко, К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X-XIV вв. по археологическим данным. Автореферат на соиск. уч. степ. д. ист.н. - Ижевск, 2004. – 47 с.
427. Руденко, К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) / К.А. Руденко // Татарская археология. – Казань, 2006, № 3-4 (18-19) – С. 28 – 137.
428. Руденко, К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура / К.А. Руденко. – Казань: Школа, 2007. – 241 с.
429. Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. – 2011. – № 1–2 (20–21).
430. Руденко К.А. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. – Казань, 2011.
431. Руденко К.А. Возникновение городов в Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология, № 1, 2012. – 68 –77.
432. Русское градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X - XV веков / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат,1993. – 392 с.
433. Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XV - XVII вв. / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат,1994. – 407 с.
434. Рычков, Н. Опыт Казанской истории древних и средних времен / Н. Рычков. – СПб., 1767. – 242 с.
435. Рычков, Н. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году / Н. Рычков. – СПб., 1770. - 189 с.
436. Саваренская, Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальные периоды / Т.Ф. Саваренская. – М.: Архитектура - С, 2004. – 376 с.
437. Савельев, А.И. Старинный план Билярска / А.И. Савельев // ИАО. – Т. 6. – СПб., 1868. – С. 245 - 248.
438. Саначин, С.П. Эволюция планировки и застройки Воскресенского увала / С.П. Саначин // Казанский посад в прошлом и настоящем. – Казань, 2002. – С.237 - 245.
439. Саначин, С.П. Иконография и планы Казанского Кремля о возрасте Сююмбекиной башни / С.П. Саначин // Казань. – К., 2002. - № 9. - С.37 – 47.
440. Саттарова, Л.И. Бедестан / Л.И. Саттарова // ДИНА (дизайн и новая арх-ра). – 2000. – № 4. – С. 36 - 38.
441. Саттарова, Л.И. Алем / Л.И. Саттарова // ДИНА (Дизайн и новая арх-ра). – 1999. – № 2. – С. 42 - 44.
442. Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X-XУI вв. – М.: Изд-во «Инсан», 1996. – С. 280 - 526.
443. Сафаров, В.Ф. Градостроительство в Башкортостане во второй половине XVI–XX вв. / В. Ф. Сафаров. – Уфа, 2005. – 136 с.
444. Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) / В. В. Седов. // МИА, № 92. - М., 1960. – 156 с.
445. Седов, В.В. Становление европейского раннесредневекового города / В.В.Седов // Становление европейского средневекового города. – М.: Наука, 1989. – С.6 - 55.
446. Седов, В.В. О славянском компоненте в составе населения Волжской Булгарии / В.В.Седов // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. – Казань, 1999. – С.74 - 75.
447. Седов, В.В. Славяно-болгарские связи на Великом Волжском пути / В.В.Седов // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Истрорико-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – 354 с. - С.61 -68.
448. Седов, В.В. Русский каганат IX века / В.В. Седов // Отечественная история. - № 4. 1998. - С.3 - 15.
449. Седов, В.В. Становление первых городов в Северной Руси / В.В. Седов // Восточная Европа в древности и средневековье. - Минск, 2004. - С.68 - 74.
450. Седов, В.В. Изборск в раннем Средневековье / В.В. Седов. Отв. ред. Н.А.Макаров: Институт археологии РАН. – М.: Наука, 2007. - 424 с.
451. Семыкин, Ю.А. Исследования бани на I Красносюндюковском городище / Ю.А.Семыкин // Археологические исследования в Поволжье. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1993. – С. 219 - 230.
452. Ситдиков, А.Г. К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. / А.Г.Ситдиков // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов первых Халиковских чтений 12-13 октября 1999 г. – Казань, 1999. – С. 98 - 101.

453. Ситдиков, А. Оборонительные укрепления древней Казани / А.Ситдиков // Средневековая Казань: Возникновение и развитие. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. – С.22 - 40.
454. Ситдиков, А. Некоторые аспекты топографии ханской Казани / А.Ситдиков // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – С. 175 - 183.
455. Ситдиков, А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование / А.Г. Ситдиков. – Казань, 2006. – 188 с.
456. Ситдиков, А.Г. Археологические исследования в Болгаре и Свияжске в 2010 г. / А.Г.Ситдиков, Р.Р.Валеев // Научный Татарстан. 2011, № 1. – С. 146 - 152.
457. Смирнов, А.П. Сувар / А.П. Смирнов // Труды ГИМ. – Вып. XVI. – М., 1941. – С.135 – 171.
458. Смирнов, А.П. Волжские булгары / Под ред. С.П.Толстова /А.П. Смирнов. – М.:ГИМ, 1951. – 273 с.
459. Смирнов, А.П. Армянская колония г.Болгара / А.П. Смирнов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – М., 1958, № 61. – с.330 – 359.
460. Смирнов, А.П. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1957 году / А.П. Смирнов. – Казань, 1959. – 42 с.
461. Смирнов, А.П. О столице государства волжских булгар / А.П.Смирнов // Советская археология. - 1972. – № 1. – С. 98 – 102.
462. Смирнов, А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары / А.П. Смирнов // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 4 – 13.
463. Смирнов, А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских булгар / А.П.Смирнов // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С.3 – 6.
464. Смирнов, К.А. А.П.Смирнов и исследования Болгарского городища в период строительства Куйбышевской ГЭС / К.А.Смирнов // Татарская археология, № 1-2 (4-5). – Казань, 1999. - С. 5 – 9.
465. Смолин, В.Ф. Болгарский город Бряхимов / В.Ф. Смолин // ИОАИЭ. – Т. XXXIII. – Вып. 1. – Казань, 1925. – С. 131 – 145.
466. Смолин, В.Ф. Археологический очерк Татреспублики / В.Ф.Смолин // Материалы по изучению Татарстана. - Казань, 1925. - Вып.2. – С. 5 – 70.
467. Соловьев, С.М. Сочинения в 18-ти книгах. Кн.I. История России с древнейших времен. Т.1-2. / С.М.Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 788 с.
468. Спасский, Н.А. Очерки по Родиноведению. Казанская губерния / Н.А. Спасский. Изд-е 2-е. – Казань: КИУ, 1912. – 376 с.
469. Средневековая Казань: Возникновение и развитие // Материалы Международной научной конференции. Казань, 1-3 июня 1999 г. – Казань: Мастер-Лайн, 2000. – 294 с.
470. Средневековые города Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1986. – 159 с.
471. Старков, А. Казанский кремль во второй половине XVI в. / А.Старков // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань, 2004. – С. 26.
472. Стародуб, Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия / Т.Х. Стародуб / ред. Пригарина Н. И. // Суфизм в контексте мусульманской культуры: сб. - М: «Наука», 1989. – С. 268 – 280.
473. Стародуб, Т.Х. Мусульманский средневековый город (термин и архитектурное выражение) / Т.Х.Стародуб // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 170 – 177.
474. Стародуб, Т.Х. Концепция идеального исламского города в планировке и архитектуре Хивы. // АН 1999. – № 43. – С. 42 – 44.
475. Стародуб, Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: автореф. дис. … д. иск-ведения: 17.00.04 / Т.Х. Стародуб. – М., 2006. – 46 с.
476. Старостин, П.Н. Памятники именьковской культуры / П.Н. Старостин. – М.: Наука, 1967. – 95 с.
477. Степин, В.С. О философских основаниях синергетики / В.С. Степин // Будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. – М., 2008.
478. Султанов, Р.И. Историческая география Казани (город и его предместья в XVI – XVII веках) / Р.И. Султанов. – Казань: Магариф, 2004. – 271 с.
479. Татарская энциклопедия: В 5 томах / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред Г.С.Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3: К – Л. – 664 с.
480. Татары / Отв. ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
481. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И.Воробьев, Г.М.Хисамутдинов. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
482. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1/ В.Н. Татищев. – СПб., 1768. – 600 с.
483. Тверской, Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов / Л.М. Тверской. – М.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре. – М., 1953. – 216 с.
484. Терещенко, А.В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая / А.В.Терещенко // Журнал МВД. 1847. – Кн. 9. – С. 349 – 375.

485. Терещенко, А. В. Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства / А. В. Терещенко // Татарская археология. – 2001. – № 1-2 (8-9). – С.12 – 21.
486. Тетеревников. О древних развалинах, находящихся на берегу Ахтубы в Саратовской губернии / Тетеревников // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1842. – Ч. 8.
487. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. Извлечения из сочинений / В.Г.Тизенгаузен / отв. ред. П.П.Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
488. Ткачев, В.Н. Истоки монгольской архитектуры / В.Н.Ткачев: автореф. дис. …д. арх-ры: 18.00.01/ В.Н. Ткачёв. – М., 1989. – 44 с.
489. Толочко, П.П. Массовая застройка Киева X-XIII вв. / П.П.Толочко // Древнерусские города. – М.: Наука, 1981. – С.63 – 94.
490. Турнерелли Э.П. Собрание видов города Казани, рисованных с натуры и посвященных с Его высочайшего соизволения, Его Императорскому величеству Николаю I, императору и Самодержцу Всероссийскому Эдуардом Турнерелли / Э.П.Турнерелли. - Лондон, 1839.
491. Фаттахов, Р.М. Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопкам 1972 - 73 гг.) / Р.М. Фаттахов // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 119 – 123.
492. Фахрутдинов, Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / Р.Г. Фахрутдинов; отв. ред. А.Х.Халиков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 219 с.
493. Фахрутдинов, Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р.Г. Фахрутдинов /АН СССР. Казан. фил. - М.: Наука, 1984. – 216 с.
494. Фахрутдинов, Р.Г. Еще раз о столице домонгольской Булгарии / Р.Г.Фахрутдинов // Советская археология. 1975, № 3. – С. 71 – 79.
495. Фахрутдинов, Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ / Р.Г. Фахрутдинов // Советская археология. 1990, № 4. – С. 68 - 84
496. Федоров-Давыдов, Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. / Г.А. Федоров-Давыдов // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 248 – 270.
497. Федоров-Давыдов, Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963-64 гг. / Г.А. Федоров-Давыдов // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 233 – 248.
498. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – 278 с.
499. Федоров-Давыдов, Г.А. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. / Г.А. Федоров-Давыдов, И.С. Вайнер, А.Г. Мухамадиев // Поволжье в Средние века. – М.: Наука, 1970. – 222 с.
500. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 180 с.
501. Федоров-Давыдов, Г.А. Археологические исследования Царевского городища / Г.А. Федоров-Давыдов, И.С. Вайнер, А.Г. Мухамадиев // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.
502. Федоров-Давыдов, Г.А. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) / Г.А. Федоров-Давыдов, И.С. Вайнер, Т.В. Гусева // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 89 – 131.
503. Федоров-Давыдов, Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Искусство, 1976. – 226 с.
504. Федоров-Давыдов, Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге / Г.А. Федоров-Давыдов // ТА – 1997. – № 1. – С. 88 – 100;
505. Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983. – С. 218.
506. Федоров-Давыдов, Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов // Советская археология. – 1984. – № 3. - С.83 - 95.
507. Федоров-Давыдов, Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов // Историческая археология. Традиции и перспективы. - М., 1998. - С. 28 - 39.
508. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 232 с.
509. Фесенко, Д. Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы / Д. Фесенко. – М.: Архитектурный вестник, 2010. – 240 с.
510. Флеров, В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы / В.С. Флеров. – М., 1996. - 101 с.
511. Флеров, В.С. "Семикаракоры" – крепость хазарского каганата на Нижнем Дону / В.С. Флеров // Российская археология. – № 2. – 2001. – С. 56 – 70.
512. Флеров, В.С. Донские крепости Хазарии: былое и настоящее / В.С. Флеров //Восточная Коллекция. - 2006, № 2 (25). – С. 61 – 71.
513. Флеров, В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. / В.С. Флеров – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2011. - 258 с.
514. Халиков, А.Х. О столице домонгольской Булгарии / А.Х. Халиков // СА. 1973. № 3 – С. 83 - 99.

515. Халиков, А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография / А.Х. Халиков // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 5 – 56.
516. Халиков, А.Х. Караван-сарай древнего Биляра / А.Х. Халиков, Р.Ф. Шарифуллин // Исследования Великого города. – Казань, 1976. – С. 75 – 100.
517. Халиков, А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов / А.Х. Халиков // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 64 – 74.
518. Халиков, А.Х. Происхождение татар Поволжья и Предуралья / А.Х. Халиков. – Казань, 1978. – С. 151 - 154.
519. Халиков, А.Х. Археологическое изучение центра Билярского городища / А.Х. Халиков // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С.1 – 10.
520. Халиков, А.Х. Исследование комплекса мечети / А.Х.Халиков, Р.Ф. Шарифуллин // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 21 –45.
521. Халиков, А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе / А.Х.Халиков // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 11 – 20.
522. Халиков, А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах / А.Х.Халиков // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981.
523. Халиков, А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города / А.Х.Халиков // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984. – С. 82 – 97.
524. Халиков, А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс н.э. Межвуз. сб. ст. / А.Х.Халиков // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. – 1986. – С.73 – 89.
525. Халиков, А.Х. Татарский народ и его предки / А.Х.Халиков. – Казань, 1985. – 129 с. Халиков, А.Х. Взаимодействие кочевого и оседлого мира в становлении и развитии Волжской Булгарии / А.Х.Халиков, Ф.Ш.Хузин// Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. III Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 16-18 мая 1988). – М.: Наука, 1988. - Т.II. – С.41 – 43.
526. Халиков, А.Х. К вопросу о названии столицы Волжской Булгарии домонгольского периода / А.Х. Халиков, Ф.Ш.Хузин// Биляр – столица домонгольской Булгарии. – 1991. - с.42 - 47.
527. Халиков, А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии / А.Х.Халиков // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991. – с. 47 – 60.
528. Халиков, А.Х. О характере и особенностях возникновения и развития городов в Среднем Поволжье в дорусский период (X-XVI вв.) / А.Х.Халиков // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – Пенза, 1992. – С.13 – 19.
529. Халиков, А.Х. Монголы, татары. Золотая Орда и Булгария / А.Х.Халиков. – Казань: Фэн, 1994.–164. Халиков, А.Х. Укрепления древнейшей Казани / А.Х. Халиков // Древняя Казань глазами историков и современников. – Казань, 1996. – с.444. – С.350 – 370.
530. Халиков, А.Х. Древнейшая Казань / А.Х. Халиков, Л.С. Шавохин // Древняя Казань глазами историков и современников. – Казань, 1996. – С. 298 – 350.
531. Халиков, А.Х. (Альфред Халиков). Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) / А.Х. Халиков // «Панорама-Форум». – 1997. – № 3. – Специальный выпуск. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 22 - 49.
532. Халикова, Е.А. Билярские некрополи / Е.А.Халикова // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 113 – 168.
533. Халикова, Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X - начала XIII в. / Е.А. Халикова. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.
534. Халитов, Н.Х. Мусульманская культовая архитектура Волго-Камья с IX до начала XX веков (генезис, этапы развития – закономерности типо- и формообразования): дис. … доктора архитектуры / Н.Х. Халитов. – М., 1992. – 281 с.
535. Халитов, Н. (Нияз Халит) Билярская мечеть / Н. Халитов // Татарстан. – 1995. – № 1-2. – С. 93 – 103.
536. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит). Мавзолеи ханской Казани XVI в. / Н.Х. Халитов (Нияз Халит). // «Панорама-Форум». – 1997. – № 3. – Специальный выпуск. – С.68 – 88.
537. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит) «Тверд паче меры…» Черты древней цитадели / Н.Х. Халитов (Нияз Халит). // Казань. – 1999. – № 5-6. – С. 52 – 53.
538. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит) Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления / Н.Х. Халитов (Нияз Халит). – Казань, 1999. – 232 с.
539. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит) Татарские дворцовые комплексы XV-XVI вв.: некоторые закономерности архитектуры / Нияз Халит // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А.Тагирова (Казань, 17-18 апреля 2008 г.) – Казань, 2009. – 392 с. – С. 304 –317.
540. Халитов, Н.Х. К реконструкции архитектуры дворца в Хан-Кермане / Н.Х. Халитов // Средневековые тюрко-татарские государства. - Казань, 2009. - Вып. 1. – С. 210 – 224.

541. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит). Отголоски образов кочевого прошлого в архитектуре казанских татар / Н.Х. Халитов (Нияз Халит) // Известия КазГАСУ. – Казань, 2011. – № 1 (15). – С.51 – 59.
542. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит). Типология мобильных сооружений кочевого стиля в архитектуре Поволжья по мусульманским миниатюрам XV-XVII вв. / Н.Х.Халитов (Нияз Халит) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. – Казань, 2011. – № 2. – С. 95 – 98.
543. Халитов, Н.Х. К реконструкции средневековой мечети-медресе Кул-Шарифа в Казанском Кремле / Н.Х. Халитов // Известия КГАСУ, 2011, № 4 (18). – С. 68 – 75.
544. Халитов, Н.Х. Мечети средневековой Казани / Н.Х. Халитов. – Казань:Татар. кн. изд-во, 2011. – 183.
545. Халитов, Н.Х. Татарская мечеть и её архитектура: историко-архитектурное исследование / / Н.Х.Халитов. - Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 224 с.
546. Хамидуллин, Б. Народы Казанского ханства / Б.Хамидуллин. – Казань: Тат. книжное изд-во, 2002. – 335 с.
547. Хамидуллин, Б. Л. Этносоциальная история Казанского ханства: Дис. ... к. ист. наук. Булат Лерунович Хамидуллин. – Казань, 2004 – 218 с.
548. Хафизов, Д. Ожидание открытий / Д. Хафизов // Казань. – 1999. – № 5-6. – С. 39 – 45.
549. Хлебникова, Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах / Т.А. Хлебникова // КСИИМК. – М., 1956. – Вып. 62. – С. 141 – 146.
550. Хлебникова, Т.А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Болгары в 1966 г. / Т.А. Хлебникова // Поволжье в Средние века. – М.: Наука, 1970. – С. 57 – 68.
551. Хлебникова, Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964-70 гг. / Т.А. Хлебникова // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 18 – 24.
552. Хлебникова, Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография / Т.А. Хлебникова // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 32 – 88.
553. Хованская, О.С. Оборонительная система города Болгара / О.С. Хованская // Материалы и исследования по археологии СССР. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – 1958 – № 61. – С.316 – 329.
554. Хованская, О.С. Водоснабжение и канализация болгарской бани / О.С.Хованская // КСИИМК. – М., 1953. – Вып. 50. – С. 69 – 76.
555. Хованская, О.С. Бани города Болгара / О.С. Хованская // МИА -№ 42 - Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т 1 / Отв. ред. А.П.Смирнов. М.,1954. – С.392 – 423.
556. Худяков, М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / М.Г. Худяков. – Казань: Магариф, 2004. - 302 с.
557. Хузин, Ф.Ш. Из истории изучения булгарского жилища домонгольского периода / Ф.Ш. Хузин // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976. – С. 72 – 78.
558. Хузин, Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные ямы цитадели / Ф.Ш. Хузин // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 62 – 99.
559. Хузин, Ф.Ш. Великий город на Черемшане (Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара) / Ф.Ш. Хузин. – Казань, 1995. – 222 с.
560. Хузин, Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.) / Ф.Ш. Хузин. – Казань: Фест, 1997. – 184 с.
561. Хузин, Ф. Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля / Ф. Хузин, И. Газимзянов // «Панорама-Форум». – 1997. – № 3. – Специальный выпуск. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 7 – 21.
562. Хузин, Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань, 1999. – С. 5 – 31.
563. Хузин, Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с.
564. Хузин, Ф. Булгарская цивилизация и ее международные связи / Ф. Хузин // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28-29 августа 2000 г. – Казань, 2001. – С. 43 – 49.
565. Хузин, Ф.Ш. Древняя Казань / Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдиков. – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – 152 с.
566. Хузин, Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения осёдлости у волжских булгар / Ф.Ш.Хузин // Научный Татарстан. № 4. – Казань, 2010. – С. 114 – 126.
567. Хузин, Ф.Ш. Города Казанского ханства / Ф.Ш. Хузин, Н. Гариф. – Казань: ТКИ, 2008. – 71 с.
568. Чернышев, Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) / Е.И. Чернышев // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272 – 292.
569. Шарифуллин, Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища / Р.Ф. Шарифуллин // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища). – Казань. 1979. – С. 102 – 113.
570. Шарифуллин, Р.Ф. Дерево в строительном деле Волжской Булгарии домонгольского периода / Р.Ф. Шарифуллин // Из истории материальной культуры татарского народа. – Казань, 1981. – С. 26 – 35.

571. Шарифуллин, Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году / Р.Ф. Шарифуллин // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984. – С. 65 – 82.
572. Шарифуллин, Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XIII вв.) / Р.Ф.Шарифуллин // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 63 – 76.
573. Шарифуллин, Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра / Р.Ф. Шарифуллин // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань, 1999. – С. 77 – 89.
574. Шарифуллин, Р.Ф. О двух типах наземных жилищ волжских булгар домонгольского времени / Р.Ф.Шарифуллин // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». Материалы секции археологии. – Казань, 1997. – С. 8 – 11.
575. Шарифуллин, Р.Ф. Изучение монументальных построек Биляра / Р.Ф. Шарифуллин // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. – Казань, 1999. – С. 79 – 80.
576. Шарифуллин, Р.Ф. Бани Болгара и их изучение / Р.Ф. Шарифуллин // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 249 – 260.
577. Шенников, А.А. Крестьянские усадьбы в XVI – XVII веках. Средняя и Южная части Европейской России / А.А. Шенников // Архитектурное наследство. – 1962. – № 14. – С.63 – 74.
578. Шенников, А.А. Крестьянские усадьбы в XVI – XVII веках. Верхнее Поволжье, Северо-Западные и Северные части Европейской России / А.А.Шенников // Архитектурное наследство. – 1963. – № 15. – С. 89 – 101.
579. Шпилевский, С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии / С.М. Шпилевский. – Казань: Изд-во Имп. ун-та, 1877. – 585 с.
580. Щенков, А. С. Исследование связи планировочной структуры и эстетических качеств исторического города / А. С. Щенков // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры: сб. науч. трудов. М.: «Стройиздат», 1980. – С. 33 – 45.
581. Щенков, А.С. Пособие по историко-архитектурным предпроектным исследованиям исторических поселений / А.С. Щенков. – М.: НИИТАГ, 2009. – 80 с.
582. Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб.: Типография МВД. – 1841. – Ч.XXXIV. – № 3. – С.350 – 410.
583. Яворская, Л.В. Город в степи: некрополи округи Царевского городища как источник для реконструкции исторических процессов / Л.В.Яворская // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всерос. научно-практ. конф.– Астрахань: Изд-во Астр. пед. ун-та, 2001. – 123 с.
584. Якобсон, А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. / А.Л.Якобсон. – Л.: Наука, 1985. – 152 с.

Литература на иностранных языках

585. Abu-Lughod J. The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // Urban Development in the Muslim World. Ed. Hooshang Amirahmadi and Salah S. - El-Shakhs. 1993. – pp. 11 – 36.
586. Akira Goto. Keynote Presentation: A Challenge to the Notion of Islamic Cities // The Proceedings of the Second International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT II). November 27-29, 1990. The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan (Tokyo: The Middle East Culture, 1994), pp. 287 - 300.
587. Al-Sayyad, N. Cities and Caliphs: On the Genesis of Arab Muslim Urbanism / N. Al-Sayyad – Greenwood Press, Westport, USA.1991.
588. Bianca Stefano. The Deep Structure of the Traditional Urban Fabric/ Stefano Bianca // Urban Form in the Arab World–Past and Present. - London: Thames & Hudson. 2000 – pp. 137 – 157.
589. Bierman Irene A., Rifaat A. Abou-El-Haj, Donald Preziosi, eds. The Ottoman city and its parts: urban structure and social orde. - New Rochelle, NY : AD Caratzas, 1991.
590. Bonine Micheal, Eckert Ehlers, Thomas Krafft and Georg Stober. The Middle Eastern City and Islamic Urbanism. - Bonn, 1994.
591. Bosworth C. E. Historic cities of the Islamic world. - BRILL: Academic Publishers, 2008 – pp.585.
592. Brown K. The use of a concept: «The islamic city» // Middle Eastern cities in comparative perspective, edited by K. Brown, et al., Ithaca Press, London, 1986. –pp.73 - 81.
593. Batty, M. Cities and complexity: understanding cities with cellular automata, agentbased models, and fractals. - Cambridge, MA:The MIT Press, 2005. – 648 pp.
594. Batty, M. The New Science of Cities. - MIT Press, Cambridge. MA, 2013. – 496 p.
595. Daunton M. The Social Meaning of Space: The City in the West and Islam. In Proceedings of the International Conference on Urbanism and Islam. (ICUIT). October 22-28, 1989. Ed. Yukawa Takeshi.Tokyo: Research Project «Urbanism in Islam, A comparative Study» and the Middle Eastern Culture Center of Japan.
596. Dhina, Amar. Cites musulmanes d,orient et d,occident/ Amar Dhina Cites musulmanes d,orient et d,occident Мусульманские города Востока и Запада / Alger: Enterprise nat. du livre, 1986 – 141 с.
597. Grabar O. Reflexions on the Study of Islamic Art. // Muqarnas, № 1, 1983: 8.
598. Edward Said. Orientalism. - New York: Vintage Books, 1979.

599. Eikelman D.1. The Middle East. An Anthropological Approach. - Prentice Hall, 1981. (Englewood Cliff, New Jersey, USA.1986).
600. Fedorov-Davydov, G.A. The Silk Road and the cities of the Golden Horde / G.A. Fedorov-Davydov / Berkeley: Zinat Press, 2001- XVIII. – 189 с.
601. Hakim B. S. Arabic-Islamic Cities. - London, 1986.
602. Keith D. Lilly. City and cosmos. – London: Peaktion books, 2009. – 256 p.
603. Kennedy Hugh. Muslim Spain and Portugal. – Longman, 1996.
604. Kennedy Hugh. From Polis to Madina: Urban change in Late Antique and Early Islamic Syria/ Past & Present 106 (Feb 1985):p. 3 – 27.
605. King, A. D. Culture, Space and Representation: Problems of Methodology in Urban Studies // The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT), October 22-28, 1989, edited by T. Yukawa, Tokyo: The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan.
606. Lassner, J. The Caliph's Personal Domain The City Plan of Baghdad Re-Examined. In The Islamic City. Edited by Hourani and Stern. Oxford: Bruno Cassirer Ltd., 1970. - 103-118 / http://archnet.org/library/sites (reference date 2009).
607. Lapidus I. M. Middle Eastern Cities. - University of California Press, Berkeley and Los Angeles. The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT), October 22-28, 1989, edited by T. Yukawa, Tokyo: The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan. 1989.
608. Negoita A.M.. The city of Mansur the Bulder. Bagdad between the caliphs will and shariah norms // Pol. Sc. Int. Rel., VIII, *2*, p. 111-126, Bucharest, 2011 / http://journal.ispri.ro/wp-content/uploads/2012/05/2011_9_negoita.pdf (reference date 2013).
609. Pavon Maldonado, Basilio. Ciudades y fortalezaz lusomusulmanas: Cronicas de viajas porel sur de Portugal / Basilio Pavon Maldonado – Madrid: M.A.E. Agencia esp. de coop. intern. inst. de coop. el mundo arabe, 1993 – 131 p.
610. Phillips. D. J. Peoples on the move / D.J.Phillips - London, “Piguant”, 2001. - 488 p.
611. Petruccioli Attilio. After amnesia. Learning from the Islamic mediterranean urban fabric. - Icar, 2007 – 238 p.
612. Salma Khadra Jayyusi, Renata Holod, Attilio Petruccioli, André Raymond. The city in the Islamic world, Volume I. – Leiden, Boston: Brill, 2007- pp. 1046; Volume II. - Leiden; Boston: Brill, 2008. –1494 p.
613. Singatulin, R.A. Application of the method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaelogical tracks and rests of constructions in urbanist`s conditions / R.A. Singatulin, P.K.Plotnikov, A.P/Ramzaev, I.I.Dremov // Fourth International Symposium "Turkish-German Joint Geodetic Days". Berlin, 2001. - С.339-345.
614. Frishman, Frishman. The mosque. History, architectural development & regional diversity / Frishman Frishman, Khan Hasan-Uddin. Thames and Hudson Ltd. – London, 1994, reprinted Singapore, 1997. – P. 92.
615. Weber, M. The city. Translation and edited by Don Martindale and Gertrud Neuwirth /M. Weber. – New York: The Free Press. 1958.
616. Цэвэндорж Д. Монгольские укреплённые поселения и города // Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region. North-East Asia Intern. Cooperative Symp. Preliminary Pap. Vol. 1. Tokyo, 2004. P. 26 - 33. (на русском и японском языках).

Архивные материалы

617. Аксёнова Н.Д. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1969 г. на раскопах XXXII и XXXIV// Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, инв. № 8-1, КП-409.1970. – 80 с.
618. Аксёнова Н.Д. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 1970 г. на раскопе XXXVII // Болгар: БГИАЗ, Док. фонд, № 11-1. 1971. – 25 с.
619. Аксёнова Н.Д., Хлебникова Т.А. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 1971 г. на раскопах XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL. – Болгар, 1972. - БГИАЗ, Док. фонд, № 27-1, ИП – 83. – 25 с.
620. Аксёнова Н.Д. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1981 г. на раскопе LXXVII (77). – БГИАЗ. Док. фонд инв. № 72-1, КП-409., 1982. – 23 с.
621. Аксёнова Н.Д. Раскоп LIV 1976 г. юго-восточнее Малого минарета. - Архив ИА РАН, Р-I, № 6415, 6802.- Копия БГИАЗ, Док. фонд, № 56-1, 1977. - 31 с., 30 рис. и схем.
622. Аксёнова Н.Д. Раскоп LIV 1976 г. юго-восточнее Малого минарета. - Архив ИА РАН, Р-I, № 6415, 6802.- Копия БГИАЗ. Док. фонд, № 56-1, 1977. - 31 с., 30 рис. и схем.
623. Аксёнова Н.Д. Отчёт по раскопу LIV // Болгар: БГИАЗ. Док.фонд, № 56-1. 1977. – 32с.+ 28 схем и чертежей.
624. Аксёнова Н.Д., Крамаровский М.Г., Полубояринцева М.Д. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1978 г. на раскопе LXI // Болгар: БГИАЗ, КП– 294. Док. фонд, № 58-1.1979. – 45с.
625. Аксёнова Н.Д. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1981 г. на раскопе LXXVI (76) // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, инв. № 70-1, КП-409. 1982.

626. Аксёнова Н.Д. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1985 г. на раскопе LXXXVIII (88) // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, инв. № 86-2, КП-46 1986.
627. Баранов В.С. Отчёт об охранных работах на территории Болгарского городища в 1991-1993 гг. на раскопе CXII // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 796-4. 1999. – 113 с.
628. Баранов В.С. Отчет об археологических исследованиях в юго-восточной части Болгарского городища в 1994 – 1996 гг. Раскоп CXXII // Болгар: Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник. Док. фонд, № 757-1,2/112, 767-1/113. - 1997. - 21 с.
629. Баранов В.С. Отчёт о проведении исследований в юго-восточной части Болгарского городища на раскопе CXXXV в 1998 г. – Болгар, 1999 г. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. Ф.4. Оп. 1. № 119. 1999.
630. Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф. Отчёт о раскопках на III Билярском селище в Алексеевском районе РТ в 1996. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. 1997. – 41 с.
631. Беговатов Е.А. Отчёт о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе РТ в 2000 г. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. 2001. Б.н.
632. Беговатов Е.А. Отчёт о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе РТ в 2001 г. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. 2002. Б.н. - ч.1 - 89 с., ч.2 – альбом с фотографиями.
633. Болгарское городище. Выкопировка с карты генерального штаба Красной Армии 1928-1930, 1932-1940 гг. // Казань: «Татинвестгражданпроект». Архив ГУП. Б.н.
634. Бурханов А.А. Отчёт об итогах археологических исследований в охранной зоне Иске-Казанского государственного музея-заповедника (ИКГМЗ) в 1995 г. // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. - Ф. 105, оп. 3, д.18. 1996. – 114 с.
635. Генеральный план Спасского уезда // РГВИА – Ф. 418. Оп. (?). Д.1205. 1-я пол. XIX в. – 1л.
636. Генеральная карта Казанской губернии. Выполнил С.Максимов. Сочинена по новейшим известиям 1779 г. Федором Черным. 1 л. 57х78 см. // РГБ: Картографический отдел. - Ко 111/II – 44.
637. Геометрический специальный план Казанской губернии (между 1796-1803 гг.) // Казань: ПФУ: НБЛ. ОРРК. № 4477.
638. Город Казань. План с окрестностями. Издано У.Беловым. 1850. // РГБ: Картографический отдел. – Ко 111/V – 22.
639. Губайдуллин А.М. Отчет «Археологические исследования на территории Болгарского городища (р.CXLI) в 2005 году»: отчет; исполн.: А.М. Губайдуллин // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 201. 2005 г. – 78 с.
640. Ефимова А., Калинин Н., Смирнов А. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г. // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 25-2. – 56 с.
641. Ефимова А.Н. Отчёт об археологических работах в Болгаре в 1950 г. (IV(4) раскоп и гидротехнические сооружения). // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии РТ. 1951. Б.н.
642. Кавеев М.М., Хлебникова Т.А. Отчёт об исследованиях центральной части Болгарского городища на раскопе XCIII в 1984 г.–// Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф.10, оп.1, № 8.1985. – 63 с.
643. Кавеев М.М., Хлебникова Т.А. Отчёт об исследовании центральной части Болгарского городища в 1984 г. (раскоп XCIII) // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ Ф. 10, оп. 1, № 8.- 1985.
644. Кавеев М.М. Отчёт об исследовании Болгарского городища на раскопе XCVI (1985 г.) // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ - Ф. 10, оп. 1, № 9. - 1986. – Ч.1 - с.23. Ч 2 – с.24-70.
645. Кавеев М.М. Отчет об исследованиях Болгарского городища на раскопе XCVI в 1985 г. Раскопы: CXXVI, CXXVII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ . Ф.10. Оп. 1. № 10, д.9. 1986. - 70 л.
646. Кавеев М.М. Материалы к отчёту по Болгарам: чертежи . Р.XVII – 5 // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф.10. Оп. 1. № 20, д.19. – 1993.
647. Кавеев М.М. Отчёт об исследовательских работах на Болгарском городище по материалам раскопа CXXX (1996 г.) // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. - Ф. 10, оп. 1, № 21.1997.
648. Кавеев М.М. Отчёт об исследовании Болгарского городища на раскопе CXXVI (1996 г.). // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 10, оп. 1, № 22(20-рукописный - 43 с). – с. 62.
649. Кавеев М.М. Отчет об исследованиях Болгарского городища на раскопе CXXVI. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 10. Оп. 1. № 24, д.22а. – 1996 г. – 42 л.
650. Кавеев М.М. Отчёт об исследовании Болгарского городища на раскопе CXXVII (1997 г.).// Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. - Ф. 10, оп. 1, № 23. – с.33.

651. Кавеев М.М. Отчёт об охранно-исследовательских работах на Болгарском городище в по материалам CXXXIII раскопа в 1997 г. // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. - Ф. 10, оп. 1, № 25. 1998.– с.62.
652. Кавеев М.М. Отчёт об охранно-исследовательских работах на Болгарском городище по материалам CXXXIII раскопа в 1998 г. // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. – Ф.10. Оп. 1. № 29, д.25. 1998. – 62 л.
653. Казаков Е.П. О раскопках селища «Шихан» в1995 г. // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105, оп. 3, д.19. 1996. – 10 с.
654. Казаков Е.П. Халиков А.Х. Отчёт о работах на Билярском городище в 1967 г. (Раскоп V) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1 № 1. 1968. – 98 с.
655. Калинин Н.Ф. Материалы археологических раскопок Билярского городища. Экспедиция 1928 г. (Дневники, чертежи, планы, разрезы, фотоснимки выполнены Н.Ф. Калининым) // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф.8, оп. 1, ед. хр. 88.
656. Калинин Н.Ф. Материалы археологических раскопок по истории Среднего Поволжья, периода булгар и Казанского ханства (VIII- IX и до середины XVI в.) (Схемы, планы, чертежи, рисунки, фотографии) // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф.8, оп. 1, ед. хр. 48.
657. Калинин Н.Ф. Материалы по истории Среднего Поволжья периода Булгар и Казанского ханства (VIII-IX вв. до середины XVI в.) // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф.8, оп. 1, ед. хр. 49.
658. Калинин Н.Ф. Отчет о командировке в районы Татарии по поручению сектора науки Татнаркомпроса с 4 по 16 августа 1932 г. по вопросу состояния и сохранности исторических памятников и работы музеев // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 8, оп. 2, ед. хр. 40.
659. Карта Казанского наместничества города Казани с принадлежащим к нему уездом. Сочинил вахмистр Николай Вершинин. // РГБ: Картографический отдел. - Ко 111/1-28.
660. Карта царства Булгарского. Археологическая карта. Составитель: В.А.Раевский, СПб., 1890. – л.1 // РГБ: Картографический отдел. – Ко 110/VII – 20.
661. Краткий отчёт о работе Болгарской экспедиции Государственного исторического музея за 1939 г. (Рук. А.П.Смирнов) // Болгар: БГИАЗ, док. фонд, № 23-1. – 20 с.
662. Краткий отчёт Куйбышевской археологической экспедиции о работе на городище «Великие Болгары» в 1940 г. (Рук. А.П.Смирнов) // Болгар: БГИАЗ, док. фонд, № 34-1. – 23 с.
663. Москва. Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1533 г. Схематический план составлен И.А.Голубцовым на основании данных книги И.Е.Забелина «История г.Москвы» (ч.1, М., 1905) и сводного схематического плана Кремля в книге С.П.Бартенева «Московский кремль в старину и теперь» (М., 1912) в 197…г. // РГБ: Картографический отдел - Ко 54/Х – 101.
664. Набиуллин Н.Г., Хузин Ф.Ш. Отчёт об археологических исследованиях в Казанском кремле летом 1995 г. Раскоп III. // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105, оп. 3, д.26. 1996. – 83 с.
665. Набиуллин Н.Г. Отчёт об археологических раскопках на Джукетау летом 1995 г. // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105, оп. 3, д.23. 1996 – 55 с.
666. Отчёт о работах на Болгарском городище в 1990 г. // Болгар: БГИАЗ, Кп - 556. Док. фонд, № 94 -1, 1991. – Разделы отчёта: Шарифуллин Р.Ф. - Раскоп CX (Восточная палата). – С.5-39; Кавеев М.М., Баранов В.С. - Раскоп CVII. – С.40-117; Полякова. - Раскоп CIX. – С.118 – 200.
667. Отчёт Болгарского отряда (Н.Д. Аксёнова, Т.А. Хлебникова) Поволжской археологической экспедиции (рук. А.П. Смирнов) за 1970 г. // Болгар: БГИАЗ, Док. фонд, № 9-1, 1971. – 89 с.
668. Отчёт Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции (рук. А.П. Смирнов) за 1967 г. // Болгар: БГИАЗ, Док. фонд, КП-5, № 5-1, 1967. – 138 л.
669. Отчёт Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции (рук. А.П. Смирнов) за 1968 г. // Болгар: БГИАЗ, Док. фонд, № 6-1, 1969.
670. Отчёт о полевых работах Билярской археологической экспедиции за 1973 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 9. – 1974. – 134 с.
671. Отчёт об археологических раскопках Билярского городища в 1973 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 10. 1974. – 129 с.: Халикова Е. Отчёт об исследовании погребений в юго-восточной части XXII раскопа. – С.1-44; Сальникова А.Н., Халиков А.Х., Халимов И. Керамика XXII раскопа 1972-1973 гг. – С.45-96; Кокорина Н.А. Отчёт по XX раскопу. – С.97-129.
672. Отчёт Билярской экспедиции КГУ и АН СССР за 1974 г. Т.1 // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 11. 1975. – 117 с.: Халиков А.Х. Раскоп XXII – С.1-78; Давлетшин Г.М., Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. Объекты, исследованные в 1974 г. в северной части XXII раскопа. – С.79-84; Хузин Ф.Ш.Ямы и постройки северной части XXII раскопа. – С.95-117.
673. Отчёт о работах Билярской археологической экспедиции в 1978 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 16. 1979. – 162 с.: Часть 1.: Халиков А.Х., Хузин

Ф.Ш. Отчёт о работах на Билярском городище.- С.5-113; Часть 2: Кавеев М.М. Отчёт о разведочных работах по изучению части сохранившихся валов внутреннего города Билярского городища. – С.114-162.
674. Отчёт о раскопках на Болгарском городище в 1988 г. // Болгар: БГИАЗ. Док.фонд, № 550-1/92. Шарифуллин Р.Ф. Раскоп CII. – С. 5-52. Кавеев М.М. Раскоп CI. – С.53- 92. Полубояринова М.Д. Раскоп XCV. – С.93 – 148.
675. Отчёт о работах на Билярском городищах в 1972 г. (Раскопы XVII и XIX). Т.II // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 8. 1973. – 92 с.
676. Отчёт о работах Билярской археологической экспедиции в 1977 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 15. 1978. – 131 с.
677. План местоположению прежде бывшего в древнее время столичного города болгорского царства где ныне имеют поселение Лаишевского уезда села Успенское Болгары тож экономических крестьян // РГВИА – Ф.846. Оп.16. Д. 21708. Конец XVIII – начало XIX вв. – 1 л.
678. План Великого града Болгар, древней столицы Болгарского царства // НА РТ – Ф.200, оп.1, № 53.1832 . – 1 л.
679. План осады и взятия Казани. 1 л. 35х22 см, б.м.,б.г. // РГБ: Картографический отдел. – Ко 111/VII – 53.
680. План села Болгар и сохранившихся развалин Болгарской столицы. Приложение к материалам для этнографии Казанской губернии. 1896 г. // РГБ: Картографический отдел. – Ко 5/VII – 260. 1896. – 1л.
681. План д.Большая Атня Казанского уезда // Казань: НА РТ. - Ф.324. Оп.728. № 306 (1349). - 1858 г.;
682. План д.д.Кшкар и На Янгушевских сенных покосах Новокишитской волости Казанского уезда // Казань: НА РТ. – Ф. 324. Оп. 728. № 1373. -1856 г.;
683. План усадебного устройства и схема улиц с.Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии План усадебного устройства и схема улиц с.Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии // Казань: НА РТ. Ф. 324. Оп. 739. № 364. - 1886 г.;
684. План экономического села Болгары, а что внутри земляного вала // РГВИА – Ф.418. Оп.1, д. 544. Начало XIX в. – 1 л.
685. Полубояринова М.Д., Крамаровский М.Г. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1979 г. на раскопе 62 и 66. // Болгар: БГИАЗ, док. фонд, № 60-1, КП-296. –60 л.
686. Полубояринова М.Д. Отчёт о раскопе XCV в Болгаре в 1988 г. // Болгар: БГИАЗ РТ. Док. фонд. Инв. №., 1989. - 148 с.
687. Полубояринова М.Д. Отчёт о работах в Булгаре. 1990. Раскоп CVIII. – 51 л. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф.105. Оп. 2. № 29, д. 7. 1990. - 51 л.
688. Полякова, Г.Ф. Отчёт о раскопках Болгарского городища в 1976 г. Раскоп LIII [Текст] / Г.Ф. Полякова. // Институт археологии РАН. Архив. Р-1, № 6415, копия: БГИАЗ. Док.фонд № 53-1. – с.62.
689. Полякова, Г.Ф. Отчёт о работе Болгарского городища в 1977 г. (раскоп LVI) // М.: Институт археологии РАН. Архив. Р-1, № 6709, копия: Болгар: БГИАЗ. Док.фонд - № 57-1. - л.9-60.
690. Полякова Г.Ф. Отчёт о работе в Болгарском городище в 1980 г. (Раскоп LXX) // Болгар: БГИАЗ.Док. фонд, № 66-1, КП 405.1981- 86 с.
691. Полякова Г.Ф. Отчёт о работах в Болгарах в 1989 г. (раскоп CV) // Болгар: БГИАЗ, Кп - 551. Док. фонд, № 93 -2.1991. – 55 л.
692. Полякова Г.Ф. Отчёт о работах на Болгарском городище в 1990 г. (Раскоп CIX) // Болгар: БГИАЗ, Кп - 556. Док. фонд, № 94 -1, 1991. - С.118 – 200.
693. Полякова Г.Ф. Отчёт о работе в Болгарах в 1991 г. (Раскоп CXIII) // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 102а, КП 628-1.1992. – 119 с.
694. Полякова Г.Ф. Отчёт о работе в Болгарах в 1992 г. (Раскоп CXV) // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 105, КП 672-4. 1993. – 152 с.
695. Савченкова Л.Л., Хлебникова Т.А. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1982 на раскопе LXXXII // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд инв. № 76-1, КП-415. 1983. – 43 л.
696. Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Отчёт об археологических исследованиях в Казанском кремле летом 1995 г. на раскопе 1. Том 1. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. – Научный архив. Ф.105, оп. 3, № 16. - 1996. – 164 с.
697. Смирнов А.П. Отчёт о раскопках в селе Болгарах Куйбышевского района ТАССР в 1938 году // Болгар: БГИАЗ. КП-78. Док. фонд, № 22. – 16 с.
698. Смирнов А.П. Предварительный отчёт Болгарской археологической экспедиции за 1946 г. // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 26-2.1947. – 15 л.
699. Старостин П.Н.Отчёт об археологическом исследовании Болгарского городища в 1986 г (раскопа XCVII) // М.: ИА РАН. Архив. Р-1. № 11622. 1987.
700. Старостин П.Н.Отчёт об итогах изучения раскопа CIII на территории Болгарского городища летом 1988 г. // Болгар: БГИАЗ, Док. фонд. КП 626-1/100.1989. - 30 с.
701. Фотоматериалы аэрофотосъемки Билярского городища 1973 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1 Б.н. 1974. – 1 л.

702. Халиков А.Х. Отчёт о полевых исследованиях на Билярском городище в 1969 г. (Раскоп VI) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 3. 1970. – 97 с.
703. Халиков А.Х. Отчёт о полевых исследованиях на Билярском городище в 1970 г. (Раскоп XVI) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 4. 1971. – 72 с.
704. Фотоматериалы аэрофотосъемки Билярского городища 1973 г. // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1 Б.н. 1974. – 1 л.
705. Халиков А.Х. Отчёт о работах на Билярском городище в 1968 г. (Раскоп V) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 2. 1969. – 72 с.
706. Халиков А.Х. Отчёт о работах на Билярском городище в 1971 г. (Раскопы XV и XVI) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1 № 5. 1972. – 210 с.
707. Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. Отчёт о работах на Билярском городище и его окрестностях в 1975 г. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 13. 1976. – 208 с.
708. Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. Отчёт о работах Билярской археологической экспедиции в 1976 г. (Раскопы XXII и XXIII) // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 105. Оп.1. № 14. 1977. – 258 с.
709. Хлебникова, Т.А. О работах третьего отряда экспедиции КФАН в 1958 г. в Набережно-Челнинском районе ТАССР / Т.А. Хлебникова //Отчет о полевых работах Археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 5, оп. 41, ед.хр.79.1959. – 64 с.
710. Хлебникова, Т.А. О работах на Болгарском городище в 1964 г. / Т.А. Хлебникова // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. Научный архив. Ф. 5, оп. 2-Н, ед.хр.114. 1965. –19 с.
711. Хлебникова Т.А. Отчёт Болгарского отряда ПАЭ за 1966 г. Раскоп XIV// М.: Институт археологии РАН. Архив. Р-1, № 3220, копия: Болгар:БГИАЗ. Док.фонд № 4-1.1967. - л.14-21.
712. Хлебникова Т.А. Отчёт об археологическом исследовании Болгарского городища в 1967 г (раскоп XVI) и Чёрной палаты (раскопы XXIII - XXIV). // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. – Научный архив. Ф. 5, оп. 2, № 100, д.233. 1968.
713. Хлебникова Т.А. Отчёт о работе на раскопках в 1972 на городище «Великие Болгары». Раскоп XLI. // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 5. Оп. 2. № 161, д.355.- 1972 . - 77 л.
714. Хлебникова Т.А. Отчёт о работе в Болгарах на раскопе XLVI за 1973 г. // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 5. Оп. 2. № 173. - д. 404. - 1973. – 57 л.
715. Хлебникова Т.А. Отчёт о работах в Болгарском городище в 1975 году. Р. L // М.: ИА РАН. Архив. Р-I, № 5310. - Копия Болгар: БГИАЗ, Док. фонд, № 48-1, 1976. - 81 с.
716. Хлебникова Т.А. Отчёт о работе на Болгарском городище на раскопе LXVII (67) - LXVIII (68) в 1979 г. // Болгар: БГИАЗ. Док. фонд, № 60-2, КП-296.1980 – 159 с.
717. Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об исследованиях на Болгарском городище в 1983 г. Раскоп LXXV (р.75) // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф.105. Оп. 2. № 26, д. 4.1983. - л.71.
718. Хованская О.С. Отчёт об археологических работах в Болгарах в 1951 г. (Раскоп III) // М.: ИА РАН. Архив. Р.-1, № 633. 1952. - л.36-71.
719. Хузин Ф.Ш. Отчёт о полевых исследованиях Билярского городища летом 1984 // Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова РАН. – Научный архив. - Ф. 105, оп. 2, № . - 1985. – 57 с.
720. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Археологические наблюдения 1995 г. на территории Казанского кремля // Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова РАН. – Научный архив. - Ф. 105, оп. 3, № 15 . - 1996. – 62 с.
721. Шакиров З.Г. Отчет об археологических исследованиях в округе с.Билярск на IV Балынгузском селище в 2001 г. // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Б.н. 2001. – 31 л.
722. Шакиров З.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Билярского городища. Раскоп XLIII (43) в 2005 г. // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Б.н. 2005. - 40 с.
723. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об исследованиях Белой палаты на Болгарском городище. Раскоп LXXI // Казань: ИИ АН РТ им. Ш.Марджани. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф.105. Оп. 2. № 23, д. 1. - 1980 г. – 34 с.
724. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об исследованиях Булгарского городища в 1981 г. (р.LXXV) // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 105. Оп. 2. № 24, д. 2. 1981.- 73 л.
725. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт о работах на раскопе CII // Отчёт о работах на Болгарском городище в 1988 году. БГИАЗ, Док. фонд, инв. № не попал в фото. Болгары-Казань-Москва, 1989. - С.5-52 .- С.8.
726. Шарифуллин Р.Ф. - Отчёт о работах Болгарской археологической экспедиции летом 2003 г. (р. CXXIII) // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф.4. Оп. 1. № 191. , 2004 г. – 25 с.

727. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об археологическом исследовании на Болгарском городище в 2004 г. Раскоп CXXIII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 191, , 2005. – 34 с.
728. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 2005 г. на раскопе CXXIII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд музея археологии. Ф. 4. Оп. 1, № 203. 2006. – 99 с.
729. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 2006 г. на раскопе CXXIII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 4, оп. 1, № 218. 2007. – 21 с., 68 рис.
730. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 2007 г. на раскопе CXXIII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 4, оп. 1, № 243.2008. – 24 с., 98 рис на С.25-92, приложения на С.93-108.
731. Шарифуллин Р.Ф. Отчёт об археологических работах на Болгарском городище в 2008 г. на раскопе CXXIII // Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ. Научный фонд Музея археологии РТ. Ф. 4, оп. 1, № 263. 2009. – 120 с.

Электронный ресурс:

732. Alexander, Christopher. New concepts in complexity theory arising from studies in the field of architecture. - May. 2003. Режим доступа. - http://www.katarxis3.com/SCIENTIFIC%20INTRODUCTION.pdf.
733. Bint Jbeil Architecture: The islamic-city/ sser Rabbat. The Islamic City: Historicity and Abstraction. Режим доступа: http: //archnet.org /courses / islamic-city.html, 2007.
734. Dion Good. The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology. Режим доступа: GoodMECitiesPaper.Pdf – Adobe Reader (обращение ноябрь 2010 г.) – 1-17 pp.
735. Pounds, Norman. The medieval city / Norman Pounds, John Greville. Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World. Jane Chance, Series Editor/ - GREENWOOD PRESS Westport, Connecticut - London, 2005. – 233 с. Режим доступа: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/CITIES%20AND%20TOWN%20The%20medieval%20city.pdf (обращение – январь 2014).
736. Portugali, Juval. Self-Organization and the City. - Berlin: Springer-Verlag, 2000. - Режим доступа: http://jasss.soc.surrey.ac.uk/5/2/reviews/turner.html.
737. Portugali, Juval. Complexity Theories of Cities: Achievements, criticism and potentials. - Режим доступа: http://www.bk.tudelft.nl/fileadmin/Faculteit/BK/Over_de_faculteit/Afdelingen/Urbanism/Onderzoek/Ulab/Conferences/Conference_Complexity_Theories/papers/doc/Portugali.pdf.
738. Rabah Saoud. Introduction to the Islamic City. Режим доступа: http://www. muslimheritage. Com / topics / default.cfm. ArticleID-206 - FSTC 2001-2010. (Статья была впервые опубликована в октябре 2001 г. Откорректирована в редакции HTML). (Обращение 2010).
739. Rasho Rashev, Yanko Dimitrov. Pliska - 100 years of archaeological excavations. – Shumen: "Svetlana", 1999. - 102 p. Режим доступа: http://www.krorain/com/pliska (обращение 2010).
740. Smagulov E.A. Sauran Medieval Archaeological Complex in South Kazakhstan //Institute of Archaeology, National Academy of Science of Kazakhstan. Режим доступа: http://www.transoxiana.org/13/smagulov-sauran.php. Aug. 2008. (Обращение 2010).
741. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции. – ОГИЗ: Ленинградское отделение, 1935.- Режим доступа: http://annales.info/hazar/iaimk131/iaimk131.htm. (Обращение 2011 г.)
742. Атанасов Г. Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века (перевод с болгарского) (в: “Българи и хазари през ранното Средновековие”, ТанНакРа, София, 2003, стр. 92-113) // http://www.kroraina.com/bulgar/bg_ha_atanas/index.html (Обращение 2009).
743. Аэрофотоснимок городища Отрар. Режим доступа: http://www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/history/monument/otrar/plan1.
744. Взаимодействие кочевых и оседлых культур на трассе Великого Шелкового пути: Сборник тезисов. - Алма-Ата, 1991. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/default.aspx (Обращение 14.09.2010.).
745. Бабич В.Н. Принципы синергетики в архитектуре / В.Н. Бабич // Архитектон: известия вузов. – 2008. – № 21. – Режим доступа: http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2008_1/template_article?ar=TA/ta3.
746. Бабич, В. Н. Методология системного анализа в архитектуре / В.Н. Бабич, А.Г. Кремлёв, Л.П. Холодова // Архитектон: известия вузов. – 2011. - № 34. - Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_2/3.
747. Барышев, Р.А. Виртуальная реконструкция памятников историко-культурного наследия: опыт красноярской ветви АИК / Р.А. Барышев // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений. Специальный выпуск. № 36. Материалы XII конференции ассоциации «История и компьютер». Москва, 22-24 октября 2010. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 218 с. – С.15. – Режим доступа: http://www.aik-sng.ru/text/bullet/36/bull36.pdf. – Обращение март 2014.

748. Бородкин, Л.И. Порядок из хаоса. Концепции синергетики в методологии исторических исследований. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/html/chaos.htm.
749. Витюк, Е.Ю. Синергетический подход к градостроительству //Архитектон: известия вузов. – 2007, № 19. - Режим доступа: http://archvuz.ru/2007_3/6.
750. Витюк, Е.Ю. Синергетическое моделирование структуры города // Архитектон: известия вузов. - 2010, № 32. Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_4/1.
751. Гумаюнов С.В., Евстратов И.В. Шонгат - неизвестный монетный двор Золотой Орды: Доклад на XI Всерос.нумизматической конф. [Электронный ресурс] – СПб, апрель 2003. Режим доступа: http://info.charm.ru/library/Shongat.shtml.
752. Димитров Д.. Протобулгары северного и западного Черноморья. Монография. - Варна, 1987. (пер. с англ.). Режим доступа: http://www.protobulgarians.com/Russian translations/Dimiter Dimitrov/Dimiter Dimitrov.htm.
753. Долгова С.Р., Кононова А.Ю., Болотина Н.Ю. "Весьма прекрасно и преславно Болгарское городище". Древняя Казань в документах Российского государственного архива древних актов / http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/kazan1000_2.shtml (Размещено 2004 г.)
754. Живко Войников. Алано-древнеболгарское письмо (в память проф. Г.Ф.Турчанинова). – София, 2009. Режим доступа: http://www.iriston.com/books/ALANO-DR-BOLG-PISMO/AL-PBG-P-SADRZANIE.htm.
755. Задвернюк, Л.В. Градостроительная культура государства Бохай Восточной Азии : 698 – 926 гг. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/gradostroitelnaya-kultura-gosudarstva-bokhai-vostochnoi-azii-698-926-gg#ixzz2qUPB9Iy8
756. Зиливинская Э.Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/settlement/?id=4217 (Размещено 16.01.2012).
757. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). Пособие для вузов. Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва, 2004. Режим доступа: http://www.macroevolution.narod.ru/nazaretyan03.htm.
758. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X - XIV вв. по археологическим данным. Режим доступа: http: // alldisser.com /part/ref-70465.html.
759. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М., 1965. Режим доступа: http://fortress.vif 2.ru. Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2006 г. (Обращение: 2008).
760. Седов В. Славяне. Историко-археологическое исследование: Славяне в Среднем Поволжье. Режим доступа: http://www.historylib.org/historybooks/V--V--Sedov_Slavyane--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/19 (Обращение: Июль 2013)
761. Трифонова И.О. Город как сакральное пространство. Режим доступа: http://medievalrus.narod.ru (Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»). Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2006 г. (Обращение: 2008).
762. Флеров, В.С. Донские крепости Хазарии: былое и настоящее. Режим доступа: http://sarkel.ru/istoriya/donskie_kreposti_hazarii_byloe_i_nastoyawee_valerij_flyorov/ (обращение 2010 г.)
763. Холодова Л.П. Концепты современной теории архитектуры. Режим доступа: «Архитектон: известия вузов», № 31, - 2010 / http://archvuz.ru/2010_3/1
764. Чернова И.Ю., Старовойтов А.В., Лунева О.В. Создание историко-культурной геоинформационной системы Болгарского городища // ArcReview - № 3 (62) – 2012. Режим доступа: http://www.dataplus.ru/news/arcreview/detail.php?ID=7806&SECTION_ID=252&print=Y (обращение: апрель 2013).
765. Щенков А.С. Функциональная структура городов. Режим доступа: http://rels.obninsk.com. Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2006 г.

ССЫЛКИ И ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Таблица 1. Историография и источники исследования. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 2. Система градостроительной культуры в плоскости синергетического изучения. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 3. Волго-Камье в градостроительной системе Восточной Европы и Евразии.
Рис. 1. Восточная Европа в конце IX – начале X вв. Расселение племен в Волго-Камье в древний и догосударственный периоды: 1- именьковской культуры; 2 - бахмутинской культуры; 3 - городецкой культуры; 4 – культуры славкинского и лбищенского типов; 5 - кушнаренковской культуры; 6 - булгарских и тюркских племен; 7 - южная граница территории азелинской культуры (Седов В. Славяне. Историко-археологическое исследование: Славяне в Среднем Поволжье. - рис.52. Режим доступа: http://www.historylib.org/historybooks/V--V--Sedov_Slavyane--Istoriko-arkheologicheskoe-issledovanie/19 и др. В основу положена карта Восточной Европы (Режим доступа: http://www.istorik.ru/images/maps/europe026.jpg).
Рис. 2. Евразия и Волжско-Камская Булгария. На карте показана Булгария как часть Хазарского каганата. (Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/ostu/europe900.png).
Таблица 4. Элементы пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии в картографических материалах.
Рис. 1. Геометрический специальный план Казанской губернии (между 1796-1803 гг.) // Казань: ПФУ: НБЛ. ОРРК. № 4477. Синими значками выделены переправы через реки Волга и Кама, издавна существовавшие в регионе и использовавшиеся до поднятия уровня воды при создании Куйбышевского водохранилища в 1956 г. Чёрными линиями выделены древние тракты и дороги.
Рис. 2. Булгарские оборонительные валы в окрестностях Болгарского городища. Фрагмент карты Татарской АССР. 1946 г.
Рис. 3. Фрагмент Геометрического специального плана Казанской губернии. Показано местоположение булгарских крупных ремесленно-торговых поселений.
Таблица 5. Структура пространственно-территориальной организации Волжско-Камской Булгарии.
Рис. 1. Пространственно-планировочная структура на начало XIII в. Схема Х.Г. Надыровой. В основе схемы – карта булгарских городищ домонгольского времени (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис.2, с.356). Расположение крепостей, неизвестных городов, валов и дорог нанесено на карту автором по материалам Ф.Ш. Хузина, археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и археологическим открытиям последних лет.
Рис. 2. Динамика развития структуры пространственно-территориальной организации Булгарии X в. – 1236 г. Схема Х.Г. Надыровой. На схеме показана кривая динамики пространственного развития территории региона под влиянием ряда факторов и условий, влиявших на качество её организации.
Таблица 6. Геополитические изменения в Восточной Европе и Евразии как фактор образования Золотой Орды и Булгарского улуса.
Рис. 1. Территория Улуса Джучи (Золотой Орды) в XIII в. (Татарская энциклопедия. Т.II. – Казань: ИТЭ, 2005. – 655 с. – Рис. на с. 488).
Рис. 2. Территория Улуса Джучи (Золотой Орды) в XIV в. Формирование структуры расселения Золотой Орды в Восточной Европе в XIII – XIV вв. (Режим доступа: http://turan.info/forum/showthread.php?t=1479).
Таблица 7. Элементы пространственно-территориальной организации Булгарского улуса.
Рис. 1. Структура расселения Булгарского улуса. Схема Х.Г. Надыровой.
Рис. 2. Коммуникационный каркас Булгарского улуса. Схема Х.Г. Надыровой.
Рис. 3. Структура расселения и коммуникационный каркас Волжско-Камской Булгарии. Схемы Х.Г. Надыровой. Приведены для сравнительной характеристики однотипных элементов пространственно-территориальной организации региона булгарского и золотоордынского периодов.
Таблица 8. Структура пространственно-территориальной организации Булгарского улуса.
Рис. 1. Структура пространственно-территориальной организации Булгарского улуса Золотой Орды на середину XIV в. Схема Х.Г. Надыровой.
Рис. 2. Динамика развития структуры пространственно-территориальной организации Булгарского улуса. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 9. Геополитические и пространственно-территориальные изменения в Восточной Европе и Евразии в середине XV в. Образование татарских ханств.
Рис. 1. Татарские ханства в системе Евразии (Режим доступа: mapoftheworld.ru).
Рис. 2. Татарские ханства Восточной Европы начала XVI в. Карта Восточной Европы в начале XVI в. (Режим доступа: www.portalostranah.ru).
Рис. 3. Территория Казанского ханства. Карта Казанского ханства. 1438-1445 гг. (Татарская энциклопедия: В 5 томах / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред Г.С.Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3: К-Л. – Рис. на с. 147).
Таблица 10. Элементы пространственно-территориальной организации Казанского ханства.
Рис. 1. Города Казанского ханства на карте «Царство Казанское с окольными провинциями и частью реки Волги. 1745 г.» («Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих

Всероссийскую империю с пограничными землями. – СПб. Императорская Академия Наук, 1745 г. (Режим доступа: / http://st-rudka.ru/gallery2/v/maps).
Рис. 2. Районы распространения джиенов в Волго-Камье (Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М.: Наука, 1967. – Рис. на с.197).
Рис. 3. Схема размещения джиенных округов и последовательность празднования в северо-западных районах Казанской губернии (Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М.: Наука, 1967. – Рис. на с.198).
Таблица 11. Элементы пространственно-территориальной организации Казанского ханства (продолжение).
Рис.1. Элементы структуры обороны, водного и сакрального каркаса. Генеральная карта Казанской губернии 1822 г. Показаны основные тракты и переправы через Волгу и Каму (Режим доступа: http://tat.map.ru).
Рис.2. Виды группировки селений на местности: 1 - Размещение татарских селений по берегам речек (овражно-речной тип расселения), 2 - осевой вид скученного типа группировки селений, 3 - гнездовой вид скученного типа группировки (схема Х.Г. Надыровой).
Таблица 12. Структура пространственно-территориальной организации Казанского ханства.
Рис. 1. Структура пространственно-территориальной организации Казанского ханства1-й половины XVI в. Реконструкция Х.Г. Надыровой. Цифрами обозначены населённые пункты ханства, располагашиеся рядом или на месте современных сёл Татарстана.
Таблица 13. Пространственно-планировочные структуры крупных городов Волжско-Камской Булгарии. Схемы Х.Г. Надыровой.
Рис. 1. г.Булгар (основа иллюстрации - схема Ф.Ш. Хузина (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 42, с. 396). Дополнения и детализация структуры выполнены автором по археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и материалам археологических открытий последних лет.
Рис. 2. г.Ошель (основа рисунка - схема городища Ф.Ш. Хузина (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М. Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 8.4, с.362). Дополнения и детализация структуры выполнены автором по археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и материалам археологических открытий последних лет.
Рис. 3. Муромский городок или Валынское городище. Оригинальное название города неизвестно. В основу рисунка положена схема городища Р.Г. Фахрутдинова и В.В. Гольмстен (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М. Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 11, с.365). Дополнения и детализация структуры выполнены автором по археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и материалам археологических открытий последних лет.
Рис. 4. г.Сувар (основа рисунка - схема городища Ф.Ш. Хузина (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М. Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 53, с. 405). Дополнения и детализация структуры выполнены автором по археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и материалам археологических открытий последних лет.
Рис. 5. г.Джукетау (основа иллюстрации - схема Н.Г. Набиуллина (Набиуллин Н.Г. Город Джукетау и его округа // Татарская археология. – Казань, 2006. - № 3-4 (18-19) – С.137-155). Дополнения и детализация структуры выполнены автором по археологическим картам Татарской АССР 1980-х гг. и материалам археологических открытий последних лет.
Таблица 14. Схемы развития крупных городов Волжско-Камской Булгарии. Схемы Х.Г. Надыровой.
Рис. 1. Динамика развития городов Сувар (а) и Джукетау (б).
Рис. 2. Сравнение динамики развития булгарских городов в домонгольский период.
Таблица 15. Историко-графические материалы к реконструкции модели пространственно-планировочной структуры Биляра.
Рис. 1. Аэрофотоснимок Билярского городища 1973 г. (Из материалов А.Х. Халикова и Ф.Ш. Хузина. Музей-архив Института истории АН РТ. г.Казань).
Рис. 2. Центр Билярского городища. Фрагмент аэрофотоснимка городища 1973 г. со следами планировки. Светлые пятна, предположительно, показывают месторасположения каменно-кирпичных зданий (в ряде случаев подтверждено раскопками А.Х. Халикова). Тёмные полосы – дорожные коммуникации. В верхней части снимка виден вскрытый раскопками комплекс Соборной мечети Биляра.
Рис. 3. Фрагмент аэрофотоснимка 1973 г. со следами фундаментов Соборной мечети.
Рис. 4. Схема Билярского городища с обозначением мест раскопов (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. отв. ред. А.М. Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 28, с. 382).
Рис. 5. Схема Билярского городища с обозначением цитадели (Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. - с. 5-56).
Рис. 6. Освоение округи Биляра в булгарский период (по материалам Ф.М. Забировой и Ф.Ш. Хузина).
Таблица 16. Материалы натурных обследований автором Билярского городища.
Рис. 1. Ландшафт и фундаменты объектов Билярского городища. Фото Х.Г. Надыровой.
Таблица 17. Материалы археологических раскопок Билярского городища к реконструкции модели пространственно-планировочной структуры Биляра.

Рис. 1. Ориентация жилых и хозяйственных зданий в пространстве Биляра. (Планировочные схемы из Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 105 - 108, с.456-459; Рис. 111-112, с. 462-463; Рис. 116, с. 467). Жилые и хозяйственные постройки ориентированы углами по сторонам света. Постройки вблизи Соборной мечети поставлены параллельно её стенам. Преимущественная ориентация застройки углами по сторонам света свидетельствует об устойчивости традиции у булгар.

Таблица 18. Пространственно–планировочная структура столицы Волжско-Камской Булгарии г.Биляр на начало XIII в.

Рис. 1. Реконструкция архитектурно-планировочной структуры Биляра на начало XIII в. Реконструкция Х.Г. Надыровой по результатам аэрофотосъемки 1973 г. и материалам археологических раскопок А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, Р.Ф. Шарифуллина и других археологов и исследователей.

Таблица 19. Развитие пространственно–планировочной структуры Биляра X - начала XIII вв.

Рис. 1. Схема развития Биляра X – конца XIII вв. Схема Х.Г. Надыровой.

Рис. 2. Динамика развития Биляра с 922 по 1236 г. Схема Х.Г. Надыровой. По вертикали в условных значениях отмечены факторы и события, влиявшие на изменение качественных характеристик города.

Таблица 20. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара.

Рис. 1. Ландшафт Болгарского городища (фотоснимки Х.Г. Надыровой).

Таблица 21. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара (продолжение).

Рис. 1. Болгарское городище РТ. Объекты архитектурных комплексов 1-й половины XIV в. Натурные съёмки Х.Г. Надыровой. Фото 7 - интернетресурс (Режим доступа: http://www.ostwest.com/en/russian-cities/kazan/sightseeing).

Таблица 22. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара в историко-графических материалах.

Рис. 1. Сводный план Болгарского городища по материалам А.К. Шмидта (А. Шмита), Н. Савенкова, Ф. Сурина, Штрауса (План развалин и укреплений Болгара // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. - Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье. – СПб. – 1901; По замечательным местам Поволжья. Поездки по Казанской губернии и к болгарским развалинам. - М.: Издание Ф. Сурина. 1896 г. - Приложение).

Рис. 2. Генплан охранной зоны Болгарского городища с выявленными объектами архитектурного и археологического наследия (Генеральный план г.Болгар Спасского района Республики Татарстан. Раздел «Обеспечение сохранения историко-культурного наследия». Ф.М. Забирова) / Казань: ГУП «Татинвестгражданпроект».- Архив. - 2004).

Рис. 3. Генплан Болгарского городища середины 1960-х гг. (Город Болгар. - Казань, 2001. - Рис.1, с. 77).

Рис. 4. Генплан Болгарского городища 1958 г. с указанием мест первых раскопов и основных объектов, исследованных на тот период (Айдаров С.С., Аксёнова Н.Д. Великие Булгары. - Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. - 72 с.).

Таблица 23. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара в историко-графических материалах (продолжение).

Рис. 1. Исторические планы Болгарского городища XVIII – конца XIX вв.: 1 – Начала XIX (План экономического села Болгары, а что внутри земляного вала // РГВИА – Ф.418. Оп.1. № 544, начало XIX в. – 1 л.); 2 – А. Шмита (Шмидта), 1832 г. (Архитектурные чертежи развалин древних Болгар, снятые с натуры архитектором А. Шмитом в 1827 г. / Альбом. – М., 1832. – 14 л.); 3 – Конца XVIII – начала XIX вв. (План местоположению прежде бывшего в древнее время столичного города Болгарского царства где ныне имеют поселение Лаишевского уезда села Успенское Болгары тож экономических крестьян // РГВИА – Ф.846. Оп.16. № 21708. Конец XVIII – начало XIX вв. – 1 л.); 4 - 1-й половины XIX в.; 5 – 1832 г. (План Великого града Болгар, древней столицы Болгарского царства // Казань: НА РТ – Ф. 200, оп.1, № 53. - 1832. -1 л.); 6 – Генеральный план Спасского уезда1-й пол. XIX в. (Генеральный план Спасского уезда // РГВИА – Ф. 418. Оп. (?). № 1205. 1-я половина XIX в. – 1л.); 7 – Карта Болгарского городища XVIII в.; 8 – Конца XIX в. (План села Успенского (Болгар) и сохранившихся развалин Болгарской столицы. Приложение к материалам для этнографии Казанской губернии. 1896 г. // РГБ: Картографический отдел. – Ко 5/VII – 260. 1896. – 1 л.).

Таблица 24. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара в материалах археологических раскопок Болгарского городища.

Рис. 1. Схемы Болгарского городища с указанием раскопов: 1 – Всего городища. 1930-х - 1990-х гг.; 2 – Центральной части. 1930-х - 1990-х гг. (Город Болгар. - Казань, 2001. - Рис.192, с.354-355); 3 – Северной половины городища. 2010-2012 гг. (Археологические исследования в 2012 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 32 с.).

Таблица 25. Элементы пространственно-планировочной структуры Булгара на космических и аэрофотоснимках Болгарского городища.

Рис. 1. Снимок Болгарского городища из космоса 2007 г. Предоставлен Р.Ф. Шарифуллину ФГУП ГНПРКЦ «ЦСКБ – Прогресс» ЦПОИ «Самара».

Рис. 2. Аэрофотоснимок Болгарского городища. 1987 г. (Из личного архива Р.Ф. Шарифуллина).

Таблица 26. Реконструкция внешних и внутренних связей Булгара.

Рис. 1. Реконструкция улиц и дорог Булгара. Реконструкция древних дорог и улиц г.Булгара (схема Х.Г. Надыровой). На Генплане г.Болгара с окрестностями до затопления водами Куйбышевского водохранилища в 1953-56 гг. показаны подол (не подвергавшаяся затоплению во время разливов Волги и Камы возвышенность, издавна заселённая людьми), где располагались ремесленный посад и, предположительно, русский посёлок золотоордынского Булгара, улица бань на склоне обрыва, дорога на пристань Ага-Базар, древние дороги (Генеральный план г.Болгар. 1952 г. / Казань: ГУП «Татинвестгражданпроект». Архив. Предоставлен автору Ф.М. Забировой).

Рис. 2. Реконструкция окрестностей золотоордынского Булгара (схема Х.Г. Надыровой): 1. - г.Булгар в границах конца XIV в. 2 – оз.Степное; 3 – Рукав Чертык; 4 – Пристань и поселение Ага-Базар; 5 – Переправа через Волгу у г.Тетюши; 6 – Граница верхней волжской террасы, на которой располагался г.Булгар; 7 – Древние дороги на переправы и соседние города (В основе схемы использована выкопировка с Карты Генерального штаба Красной Армии 1928-1930 гг. и 1932-1940 гг. // Архив ГУП «Татинвестгражданпроект». Предоставлена автору Ф.М. Забировой).

Таблица 27. Реконструкция городской ткани Булгара.

Рис. 1. Элементы застройки центральной части Булгара, выявленные по археологическим материалам (схемы Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой).

Таблица 28. Реконструкция планировочного каркаса Булгара.

Рис. 1. Этапы реконструкции планировочного каркаса Булгара: 1- Планировочный каркас с археологическими маркерами направлений улиц и кирпичных жилых домов; 2 - Реконструкция дорожных коммуникаций в центре городища. (Реконструкция Х.Г. Надыровой).

Таблица 29. Ткань города.

Рис. 1. Жилая застройка Булгара. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).

Таблица 30. Ткань города (продолжение).

Рис. 1. Усадебные комплексы Булгара. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).

Таблица 31. Пространственно–планировочная структура Булгара на середину XIVв.

Рис. 1. Реконструкция пространственно–планировочной структуры Булгара на середину XIV в. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).

Таблица 32. Развитие пространственно–планировочной структуры Булгара в середине XIII – первой трети XV вв.

Рис. 1. Основные этапы развития Булгара. Схема Х.Г. Надыровой.

Рис. 2. Динамика развития пространственно-планировочной структуры Булгара в IX – XVI вв. Схема Х.Г. Надыровой.

Таблица 33. Связь внешних и внутренних коммуникаций в пространстве городов.

Рис. 1. Планировочные схемы городов Казанского ханства.

Рис. 2. Связь внешних и внутренних коммуникаций. В основе схемы - план Казани 1739 г. по съёмке 1730 г. А. Сацыперова. Один из первых планов города на основе съёмки с подробной экспликацией (Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/mediaviewer/File:Kazan_map_1739.jpg).

Рис. 3. Элементы пригородов Казани. Схема Х.Г. Надыровой.

Рис. 4. Селения и слободы в пригородах Казани в 1 пол. XVI в. (схема Султанова Р.И.) Населённые пункты в окрестностях ханской Казани (Султанов Р.И. Историческая география Казани (город и его предместья в XVI – XVII веках). – Казань: Магариф, 2004. – Рис. 3, с. 241).

Таблица 34. Структурные части пространственно-планировочной структуры Казани: Кремль.

Рис. 1. Панорама Казанского кремля середины XVI в. Реконструкция Н.Х. Халитова. Цифровые обозначения на панораме соответствуют цифрам экспликации к рис. 2.

Рис. 2. Пространственно-планировочная структура Казанского кремля первой половины XVI в. Реконструкция Х.Г. Надыровой по историко-графическим материалам.

Рис. 3. Материалы археологических исследований Казанского кремля ханского периода (Ситдиков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – 188 с.): 1 - Застройка Кремля монументальными зданиями; 2 - Карта отложений культурных напластований и объектов XV – 1-ой пол. XVI вв. на территории Кремля (Рис. 177); 3 - Карта мощности культурного слоя Кремля (Рис. 7); 4 - Схема Казанского кремля с обозначением раскопов, шурфов и мест нахождений (Рис. 6).

Таблица 35. Структурные части пространственно-планировочной структуры Казани: посад и пригороды.

Рис. 1. Ландшафт и структурные части Казани на панораме Н. Витзена XVII в. (Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/4000579/post317114381).

Рис. 2. Элементы посада и пригородов ханской Казани. Реконструкция Х.Г. Надыровой по историко-графическим материалам.

Таблица 36. Планировочная структура города.

Рис. 1. Реконструкция коммуникационного каркаса Казани середины XVI в. по нерегулярному плану Казани XVII – XVIII вв. Схема Х.Г. Надыровой.

Рис. 2. План Казанского кремля на плане Казани А. Сацыперова 1739 г. (Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/mediaviewer/File:Kazan_map_1739.jpg).
Рис. 3. План перепланировки Казани В.И. Кафтырева 1768 г. (Режим доступа: http://картататарстана.рф/tatarstan/raritet/kazan_starinniy_plan).
Рис. 4. Коммуникационный каркас ханской Казани. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 37. Пространственно-планировочная структура Казани середины XVI в.
Рис. 1. Пространственно-планировочная структура Казани середины XVI в. Реконструкция Х.Г. Надыровой.
Таблица 38. Пространственно-планировочная структура Казани в исторической динамике.
Рис. 1. Динамика развития пространственно-планировочной структуры Казани 1445 – 1552 гг. Схема Х.Г. Надыровой.
Рис.2. Схема пространственно-территориального развития Казани начала XI – середины XVI вв. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 39. Оборонительное деревянное зодчество.
Рис.1. Оборонительные сооружения Волжско-Камской Булгарии и Русского государства: 1 - Укрепления Казани XI в. (Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: Ин-т истории, 2002. – Рис.100, с.147); 2 - Оборонительные сооружения Сувара. Реконструкция П.А.Смирнова; 3 - Укрепления Васильсурского городища (Волго-Камье) (по Т.Никитиной); 4 - Посадские укрепления г.Ошеля (по Моргунову Ю.Ю.); 5 – 6 - Укрепления русских городов (П.А.Раппопорт. Древние русские крепости. - Рис.8а, Рис.8б
(Режим доступа: http://www.xliby.ru/istorija/drevnie_russkie_kreposti/index. php); 7 - Срубные стены (по М.П. Кучере); 8 – Реконструкция укреплений «города Ярослава» (по Раппопорту П.А., Высоцкому С.А.); 9 – Укрепления Старой Рязани.
Таблица 40. Оборонительное каменное зодчество.
Рис.1. «Чёртово» городище вблизи г.Елабуги: 1 – Юго-восточная башня крепости-рибата XI в. (Нигамаев А. Каменная мечеть–цитадель на Елабужском городище // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1-3 июня 1999 г. – Казань, 2000. - Рис. 1, с.132); 2 – Схема Чёртова городища: а - крепость-рибат (Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. – М., 1871. – Т. 2. – с. 520-527 (526-595); 3 – План крепости-рибата: существующая башня не заштрихована (Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – Рис. 129, с. 478).
Рис. 2. Византийские и хазарские крепости: 1 - Форт Лимиса. Тунис, 602 г.; 2 - Форт Анастасиана. 582 г.; 3 – Левобережное Цимлянское городище; 4 – Омейядская крепость. 750 г. (Афанасьев Г.Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // Российская археология. – М, 2011. - № 3. – Рис. 6, Рис. 7, Рис. 9, с.108–119).
Таблица 41. Архитектура культовых и мемориальных зданий.
Рис. 1. Билярская соборная мечеть. Реконструкция С.С. Айдарова.
Рис. 2. Мемориальные сооружения. Деревянные мавзолеи. Реконструкция Х.Г. Надыровой. Графическое исполнение О.А. Фокеевой.
Таблица 42. Жилая архитектура булгарских городов. Факторы и условия развития архитектуры Булгарии: архитектурные традиции предков (продолжение).
Рис. 1. Булгарские сельские жилища: 1-2-3 - Сельские жилища булгар. Реконструкция Х.Г. Надыровой по материалам археологических раскопок В.Ф. Генинга, Р.Ф. Шарифуллина, К.А. Руденко, И.Л. Измайлова, И.Р. Газимзянова (Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. - Казань: Школа, 2001. – С.118 - 136).
Рис. 2. Улица и усадьбы булгарского селища, открытого на острове Песчаный Алексеевского р-на РТ. Реконструкция Х.Г. Надыровой по материалам археологических раскопок К.А.Руденко (Там же. – Рис. 65 - 67).
Рис. 3. Булгарское турлучное жилище. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).
Таблица 43. Архитектура жилых и хозяйственных сооружений.
Рис.1. Деревянная архитектура и малые формы Булгарии. Реконструкция Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).
Таблица 44. Архитектура общественных зданий.
Рис. 1. Ханака в Булгаре. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).
Рис. 2. Рынок. Караван-сарай в Булгаре. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение).
Таблица 45. Архитектура общественных зданий (продолжение)
Рис. 1. Бани-хаммам г. Булгар. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам С.С. Айдарова, Р.Ф. Шарифуллина.

Таблица 46. Архитектура культовых и мемориальных зданий.
Рис. 1. Комплекс Соборной мечети с мавзолеями г.Булгар. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам С.С.Айдарова.
Рис. 2. Малый минарет и ханские усыпальницы. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам С.С. Айдарова.
Рис. 3. Мавзолеи Булгара. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам С.С. Айдарова, Н.Д. Аксёновой, В.С. Баранова, М.М. Кавеева.
Таблица 47. Архитектура жилых зданий.
Рис. 1. Деревянные жилища и юрты Булгара. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам Р.Ф. Шарифуллина.
Таблица 48. Архитектура хозяйственных зданий. Технические сооружения и элементы благоустройства.
Рис. 1. Хозяйственные постройки. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам археологических раскопок и этнографическим данным.
Рис. 2. Элементы благоустройства и гидротехнических сооружений. Реконструкция Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам археологических раскопок и этнографическим данным.
Таблица 49. Оборонительные и гидротехнические сооружения. Общественные здания.
Рис.1 Типы зданий и сооружений городов Казанского ханства.
Таблица 50. Традиции в жилой архитектуре региона.
Рис. 1. Дворцовые здания (реконструкции С.С. Айдарова, Н.Х. Халитова). Деревянные жилища и юртообразные сезонные жилища (реконструкции Х.Г. Надыровой, Н.Е. Троепольской, О.А. Фокеевой (графическое исполнение) по материалам археологических раскопок и этнографическим материалам).
Таблица 51. Культовые и мемориальные сооружения.
Рис. 1. Каменные и деревянные сооружения (реконструкции С.С. Айдарова, Н.Х. Халитова, Б.А. Надырова, Х.Г. Надыровой).
Таблица 52. Взаимодействие и взаимовлияния Казанского ханства и татарских ханств Восточной Европы.
Рис. 1. Дворцовые комплексы, культовые и мемориальные сооружения столиц татарских ханств.
Таблица 53. Периодизация развития градостроительной культуры Волго-Камья.
Рис. 1. Исторические периоды развития средневековой градостроительной культуры Волго-Камья. Общая характеристика культуры каждого периода. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 54. Динамика градостроительного развития региона.
Рис. 1. Динамика развития пространственно-территориальной организации региона по периодам. I – Булгарский, II – Золотоордынский, III – Казанский. Схема Х.Г. Надыровой.
Рис. 2. Динамика развития структуры пространственно-территориальной организации региона X – середины XVI вв. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 55. Динамика развития городов региона.
Рис. 1. Развитие типов пространственно-планировочных структур городов региона по периодам: I – Булгарский, II – Золотоордынский, III – Казанский. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 56. Развитие архитектуры городов Волго-Камья.
Рис. 1. Сравнение объёмно-планировочных структур зданий и сооружений городов Волго-Камья по периодам. Схема Х.Г. Надыровой.
Таблица 57. Схема общего развития градостроительной культуры Волго-Камья. Автор Х.Г.Надырова.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ханифа Габидулловна Надырова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ТАТАРСТАНА:
РАЗВИТИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-КАМЬЯ X-СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

Монография

Автор обложки Х.Г.Надырова

Издательство Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Подписано в печать 3.09.2014 **Формат 60x84/8**
Заказ **Печать ризографическая** **Усл. печ. л.**
Тираж 500 **Бумага офсетная** **Уч.-изд. л.**

Отпечатано в полиграфическом секторе
Издательства КГАСУ
420043, Казань, ул. Зеленая, 1